

ISSN 2713-1009

Антропологическая дидактика и воспитание

ТОМ 9

№ 1

16+

2026

Электронный научно-методический журнал «Антропологическая дидактика и воспитание» издаётся с 2018 г. (до 2020 г. выходил под названием «Искусство и образование: методология, теория, практика»).

Наш журнал нацелен на создание широкой дискуссионной площадки, обсуждающей насущные проблемы обновления содержания обучения и воспитания подрастающих поколений. Актуальность этой проблематики и неудовлетворённость используемыми способами её решения звучат с трибун многочисленных научных конференций, отражены в СМИ, в заявлениях представителей экспертного сообщества и властных структур нашей страны.

Поскольку содержание обучения и воспитания является междисциплинарной проблемой, журнал приглашает к сотрудничеству педагогов и психологов, методологов и философов, методистов и представителей других областей знания, задействованных в процессах обучения и воспитания на всех образовательных уровнях.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК Министерства науки и высшего образования РФ.

Редакция журнала в своей деятельности руководствуется принципами научности, объективности, информационной поддержки наиболее значимых профильных исследований, соблюдения норм издательской этики.

Редакция оставляет за собой право отклонения статей, не соответствующих требованиям предоставления материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.

Авторы несут полную ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации. Редакция не несёт ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

Опубликованные материалы не могут быть полностью или частично воспроизведены, тиражированы и распространены без письменного разрешения редакции.

КОНТАКТЫ / CONTACT US

Учредитель: Дмитрий А. ПОТАПОВ
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 18.10.2021
Номер свидетельства ЭЛ № ФС 77 – 82058
Издательство: НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «УНИВЕРСУМ»
ИП ПОТАПОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ОГРНИП 322774600144719 ИНН 332806803501
Почтовый адрес: 125167, г. Москва, Красноармейская ул., 9-101
Телефон: +7(906) 063-52-26
Веб-сайт: <https://science-book.ru>
Электронная почта: dimacreator@mail.ru
Номер подписан: 17.02.2026

Founder: Dmitry A. POTAPOV
The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications 18.10.2021
Certificate number ЭЛ № ФС 77 – 82058
Publishing house: RESEARCH CENTER «UNIVERSUM»
IP POTAPOV DMITRY ALEXANDROVICH
OGRNIP 322774600144719 TIN 332806803501
Postal address: 125167, Moscow, Krasnoarmeyskaya St., 9-101
Telephones: +7(906) 063-52-26
Web-site: <https://science-book.ru>
E-mail: dimacreator@mail.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

НОВИЧКОВ Владимир Борисович, кандидат педагогических наук, доцент, автор более 100 научных и научно-методических публикаций. Отличник просвещения СССР, Отличник народного образования Грузинской ССР, Отличник народного образования МНР, Заслуженный учитель Российской Федерации. С 1964 года неразрывно связан с системой образования. Работал учителем, директором школы, на различных должностях в Министерстве просвещения СССР, ректором, проректором и заместителем директора по научной работе в ряде учебных и научно-исследовательских институтов, первым заместителем Министра образования РФ, Начальником Северного окружного управления Департамента образования г. Москвы.

Принимал активное участие в разработке и реализации нескольких крупных международных проектов с учёными США, Франции, Канады, Финляндии, Норвегии, Италии. Привлекался в качестве эксперта к разработке образовательных проектов Советом Европы

Vladimir Borisovich NOVICHKOV, Candidate of Sciences in Pedagogy, Associate Professor, Pedagogy Department, Institute “Higher School of Education”, Moscow Pedagogical State University. Overachiever of the Education of the USSR, Overachiever of the Public Education of the Georgian SSR, Overachiever of the Public Education of the MPR, Honored Teacher of the Russian Federation

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

АФАНАСЬЕВ Владимир Васильевич, доктор педагогических наук, профессор Московского городского педагогического университета

Vladimir Vasilievich AFANASYEV, Doctor of Sciences in Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Pedagogy, Institute of Pedagogy and Psychology of Education, Moscow City University

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ПОТАПОВ Дмитрий Александрович, кандидат педагогических наук, доцент, специалист в области психологии творчества, креативности, музыкальной педагогики и психологии

Dmitry Aleksandrovich POTAPOV, Candidate of Sciences in Pedagogy, Associate Professor, the expert in the field of psychology of creativity, musical pedagogics and psychology

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ / EDITORIAL BOARD

БОЗИЕВ Руслан Сахитович, доктор педагогических наук, профессор, главный редактор научно-теоретического журнала Российской академии образования «Педагогика», член-корреспондент РАО. Состоит в Отделении профессионального образования
Ruslan Sakhitovich BOZIEV, Doctor of Sciences in Pedagogy, Professor, Editor-in-Chief of the Scientific and Theoretical Journal of the Russian Academy of Education "Pedagogy", Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, a member of the Vocational Education Department

ВОРОВЩИКОВ Сергей Георгиевич, доктор педагогических наук, профессор, зав. лабораторией экспериментальной психологии и педагогики Института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета
Sergey Georgievich VOROVSHCHIKOV, Doctor of Sciences in Pedagogy, Professor, a Head of the Laboratory of Experimental Psychology and Pedagogy, Institute of Pedagogy and Psychology of Education, Moscow City University

ЕРОШИН Владимир Иванович, доктор экономических наук, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО. Состоит в Отделении общего среднего образования
Vladimir Ivanovich EROSHIN, Doctor of Sciences in Economics, Doctor of Sciences in Pedagogy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, a member of the Department of General Secondary Education

КАРАКОЗОВ Сергей Дмитриевич, доктор педагогических наук, профессор, директор Института математики и информатики Московского педагогического государственного университета
Sergey Dmitrievich KARAKOZOV, Doctor of Sciences in Pedagogy, Professor, Director of the Institute of Mathematics and Computer Science, Moscow Pedagogical State University

КАЛИМУЛЛИНА Ольга Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии Казанской государственной консерватории им. Н.Г. Жиганова, член-корреспондент РАО. Состоит в Отделении образования и культуры
Olga Anatolyevna KALIMULLINA, Doctor of Sciences in Pedagogy, Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology of the Kazan State Conservatory named after N.G. Zhiganov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences. She is a member of the Department of Education and Culture

ЛОМОВ Станислав Петрович, доктор педагогических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, академик РАО и РАХ

Stanislav Petrovich LOMOV, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Moscow State Pedagogical University, Academician of the Russian Academy of Education and the Russian Academy of Arts

ЛУКАЦКИЙ Михаил Абрамович, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО. Состоит в Отделении философии образования и теоретической педагогики

Mikhail Abramovich LUKATSKY, Doctor of Sciences in Pedagogy, Professor, Corresponding Member of RAE, a member of the Department of Philosophy of Education and Theoretical Pedagogy

МАЛЫХ Сергей Борисович, доктор психологических наук, профессор, академик РАО, академик-секретарь Отделения психологии и возрастной физиологии

Sergey Borisovich MALYKH, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academician-Secretary of the Department of Psychology and Age Physiology

НЕБОРСКИЙ Егор Валентинович, доктор педагогических наук, профессор Московского педагогического государственного университета

Yegor Valentinovich NEBORSKY, Doctor of Sciences in Pedagogy, Professor of Moscow Pedagogical State University

ПОЛОНСКИЙ Валентин Михайлович, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО. Состоит в Отделении философии образования и теоретической педагогики

Valentin Mikhailovich POLONSKY, Doctor of Sciences in Pedagogy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, a Member of the Department of Philosophy of Education and Theoretical Pedagogy

САВЕНКОВ Александр Ильич, доктор педагогических наук, доктор психологических наук, профессор, директор института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета, академик РАО. Состоит в Отделении профессионального образования

Alexander Ilyich SAVENKOV, Doctor of Sciences in Pedagogy, Doctor of Sciences in Psychology, Professor, Director of the Institute of Pedagogy and Psychology of Education, Moscow City University. Academician of the Russian Academy of Sciences, a member of the Vocational Education Department

СЕМЁНОВ Алексей Львович, доктор физико-математических наук, профессор, директор Института кибернетики и образовательной информатики им. А.И.Берга Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук, академик РАН и РАО

Alexey Lvovich SEMENOV, Doctor of Sciences in Physics and Mathematics, Professor, Director of the A.I. Berg Institute of Cybernetics and Educational Informatics of the Federal Research Center "Informatics and Management" of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences and Russian Academy of Education

СЛОБОДЧИКОВ Виктор Иванович, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО. Состоит в Отделении философии образования и теоретической педагогики

Viktor Ivanovich SLOBODCHIKOV, Doctor of Sciences in Psychology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, a member of the Department of Philosophy of Education and Theoretical Pedagogy

СМОЛЯНИНОВА Ольга Георгиевна, доктор педагогических наук, профессор, Сибирский федеральный университет, академик РАО. Состоит в Отделении общего среднего образования

Olga Georgievna SMOLYANINOVA, Doctor of Sciences in Pedagogy, Professor, Siberian Federal University, Academician of the Russian Academy of Sciences, a member of the Department of General Secondary Education

ЦИРУЛЬНИКОВ Анатолий Маркович, доктор педагогических наук, профессор, эксперт Российского научного фонда (РНФ) при правительстве РФ, академик РАО. Состоит в Отделении образования и культуры

Anatoliy Markovich TSIRULNIKOV, Doctor of Sciences in Pedagogy, Professor, expert of the Russian Science Foundation, Academician of the Russian Academy of Science, a member of the Department of Education and Culture

ЩЕРБАКОВА Анна Иосифовна, доктор педагогических наук, доктор культурологии, профессор, ректор Московского государственного института музыки им. А.Г. Шнитке, действительный член МАНПО и РАЕ

Anna Iosifovna SHCHERBAKOVA, Doctor of Sciences in Pedagogy, Doctor of Culturology, Professor, Rector of the Schnittke Moscow State Institute of Music, Full member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ ДИДАКТИКА

Гречихина М.В., Горбунов Н.А., Дергилев А.П. Конфликты в педагогическом взаимодействии	9
Селюч М.Г. Теоретический анализ понятия «Профессиональная востребованность педагога» в контексте личностно-профессионального развития	23
У Юэифань, Корноухов М.Д. Освоение национального репертуара в вокальном классе музыкально-педагогических вузов КНР: дидактический аспект	31

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ ВОСПИТАНИЯ

Ян Боюань, Складорова Т.В. Интонирующая природа музыкального сознания в педагогическом осмыслении творчества Сянь Синхая	42
Катханова Ю.Ф., Лу Хунюн. Методика профильного обучения в бинарных мастер-классах китайско-российских центров искусств	54

НОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Ци Вэньтин, Корноухов М.Д. Освоение жанра романса в вокальном классе китайских вузов как педагогическая задача	63
Севостьянов Д.А., Ауман Е.А., Толстова И.Э. Применение опросника аффилиации в структуре педагогической поддержки студентов медицинского университета	74
Вражнова М.Н., Терновая Л.О. Студенческие путешествия как социально-культурный феномен: генезис, типология и актуальные проблемы	85

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Ананченкова П.И. Корпоративное обучение моряков 50+ как механизм смягчения профессиональных и медицинских ограничений на завершающих этапах карьеры	104
Красильников И.М. Возможности программ искусственного интеллекта по созданию музыки в обучении школьников	115
Корепина С.В., Грибкова О.В. Механизмы самоконтроля артистов хора в процессе исполнения и педагогические способы их формирования	133

CONTENTS

MODERN DIDACTICS

Grechikhina M.V., Gorbunov N.A., Dergilev A.P. Conflicts in pedagogical interaction.....	9
Seluch M.G. Theoretical analysis of the concept of a teacher's professional demand in the context of personal and professional development.....	23
Wu Yueifan, Kornoukhov M.D. Development of national repertoire in vocal classes of music-pedagogical universities of the PRC: didactic aspect	31

PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY OF EDUCATION

Yang Boyuan, Sklyarova T.V. The intonational nature of musical consciousness in the pedagogical interpretation of Xian Xinghai's creative legacy.....	42
Katkhanova Y.F., Lu Hongyun. Methodology of specialized training in binary master classes of the chinese-russian centers of arts	54

NEW EDUCATIONAL PRACTICE

Qi Wenting, Kornoukhov M.D. Mastering the romance genre in the vocal classes of chinese universities as a pedagogical task.....	63
Sevostyanov D.A., Auman E.A., Tolstova I.E. Application of the affiliation questionnaire in the structure of pedagogical support for medical university students	74
Vrazhnova M.N., Ternovaya L.O. Student travel as a socio-cultural phenomenon: genesis, typology and current issues.....	85

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES

Ananchenkova P.I. Corporate training for 50+ seafarers as a mechanism to mitigate professional and medical difficulties in the final stages of a career.....	104
Krasilnikov I.M. The possibilities of artificial intelligence programs for creating music in school education.....	115
Korepina S.V., Gribkova O.V. The mechanisms of self-control of choir artists in the process of performance and pedagogical methods of their formation.....	133

ГРЕЧИХИНА

Марина Витальевна,

ассистент кафедры лучевой диагностики
ФГБОУ ВО «Новосибирский
государственный медицинский
университет» Министерства
здравоохранения Российской Федерации,
e-mail: mkotkova@yandex.ru

Marina Vitalievna

GRECHINA,

Assistant at the Department
of Radiation Diagnostics,
Novosibirsk State Medical University,
Ministry of Health
of the Russian Federation,
e-mail: mkotkova@yandex.ru

ГОРБУНОВ

Николай Алексеевич,

доктор медицинских наук, доцент,
профессор кафедры лучевой диагностики
ФГБОУ ВО «Новосибирский
государственный медицинский
университет» Министерства
здравоохранения Российской Федерации,
e-mail: n_gorbunov@inbox.ru

Nikolay Alekseevich

GORBUNOV,

MD, Associate Professor,
Professor of the Department
of Radiation Diagnostics,
Novosibirsk State Medical University,
Ministry of Health
of the Russian Federation,
e-mail: n_gorbunov@inbox.ru

ДЕРГИЛЕВ

Александр Петрович,

доктор медицинских наук, профессор,
заведующий кафедрой лучевой
диагностики ФГБОУ ВО «Новосибирский
государственный медицинский
университет» Министерства
здравоохранения Российской Федерации,
e-mail: a.dergilev@mail.ru

Aleksandr Petrovich

DERGILEV,

Doctor of Medical Sciences, Professor,
Head of the Department of Radiation
Diagnostics, Novosibirsk State
Medical University, Ministry of Health
of the Russian Federation,
e-mail: a.dergilev@mail.ru

Конфликты в педагогическом взаимодействии

В статье представлено практическое исследование взаимосвязи между уровнем коммуникативной толерантности, коммуникативной установки и стратегиями возникновения, разрешения конфликтов у студентов медицинского ВУЗа. Рассмотрены понятия коммуникативной установки, коммуникативной толерантности, конфликта. Проанализированы характеры протекания конфликта, способы урегулирования. Систематизирован теоретический материал по результатам применения тестов, составленных В.В. Бойко и самостоятельно разработанного опросника. Приведены результаты сравнительного исследования негативной коммуникативной установки, коммуникативной толерантности, наличие корреляционной связи между их уровнем и стратегиями возникновения, развития и разрешения конфликтов.

Ключевые слова: коммуникативная толерантность, коммуникативная установка, конфликт, стратегии разрешения конфликта, личностные особенности.

Conflicts in pedagogical interaction

The article presents a practical study of the relationship between the level of communicative tolerance, communicative attitude, and strategies for causing and resolving conflicts among medical students. The concepts of communicative attitude, communicative tolerance, and conflict are discussed. The characteristics of conflict behavior and methods of conflict resolution are analyzed. The theoretical material is systematized

based on the results of using tests developed by V.V. Boiko and a self-designed questionnaire. The results of a comparative study of negative communicative attitudes, communicative tolerance, and the correlation between their level and strategies for the beginning, development, and resolution of conflicts are presented.

Keywords: communicative tolerance, communicative attitude, conflict, conflict resolution strategies, personality traits.

Введение

Возникновение конфликтов, разногласий естественны для педагогической деятельности. Споры могут возникать по поводу приоритетов в обучении, качества работы преподавателя или студента, решения возникающих рутинных проблем во время обучающего процесса, личностных характеристик и т.д. Одни конфликты способны улучшить качество работы (обучения), другие могут отрицательно сказаться на выполнении плана (в том числе и всей группы). При этом теория и практика урегулирования конфликтов представляют различные подходы: управление конфликтом, инверсия конфликта, эскалация конфликта и др. Стратегии возникновения и разрешения конфликтов в том числе зависят от того, как люди справляются с межличностными конфликтами, уровнем коммуникативной толерантности, коммуникативной установки конфликтующих сторон.

Коммуникативная установка – характеристика отношений личности к людям, показывающая степень переносимости ею неприятных или неприемлемых, по её мнению, психических состояний и поступков партнёров по взаимодействию. Коммуникативная толерантность личности – способность принимать людей, позволять им быть такими, какие они есть, со своими слабостями и недостатками, принимать неудобства, доставленные ими. Толерантность считается одним из важнейших параметров социальной компетентности личности, её адаптивности и зрелости. Термин «толерантность», как правило, применяется для описания коллективного и индивидуального поведения, заключающегося в принятии, понимании, уважении и непреследовании тех, чей образ мыслей или действий не совпадает с твоим собственным и вызывает твоё неодобрение [1, 2]. Коммуникативная толерантность – неотъемлемая часть профессионального образования будущих врачей, представляющая возможность специалиста эффективно осуществлять профессиональную деятельность. Студенты

медицинского университета, будущие врачи относятся к сфере профессиональной деятельности с повышенными требованиями к коммуникативной ответственности [3, 4, 5]. Возможность вести доброжелательную беседу, высказывать своё мнение, в том числе и отличное от мнения преподавателя, давать советы, рекомендации по поводу обследования и лечения, в том числе и преподавателю, требует хороших коммуникативных навыков ещё на этапе обучения. Коммуникативная толерантность очень важна при общении сначала с преподавателем, потом с пациентами.

Повышение уровня толерантности происходит, когда студент преодолевает или сглаживает негативные впечатления от различий между подструктурами своей личности и личности преподавателя. Или, когда преподаватель устраняет обстоятельства, вызывающие или подчёркивающие эти различия. Человек, обладающий высоким уровнем коммуникативной толерантности, достаточно уравновешен, предсказуем в своих отношениях и совместим с очень разными людьми. Общаясь с толерантной личностью и, студент и преподаватель испытывает комфортное состояние. Отсутствие же коммуникативной толерантности или её низкий уровень объясняются негативными реакциями индивида на обнаруженные различия между подструктурами своей личности и личности преподавателя. Чем отчётливее негативные переживания по поводу своеобразия другого, тем ниже уровень толерантности, тем труднее демонстрировать доброе расположение, принимать его всех или некоторых проявлениях, сдерживать недовольство [6].

По мнению М.М. Чажаевой [7] основным субъективным фактором конфликтности студентов является агрессивность в поведении личности и низкий уровень толерантности. Тенденция к негативному поведению в конфликтной ситуации связана с личностными особенностями обучающихся, определяющими склонность к характерному стилю общения, то, как студент будет вести себя в той или иной ситуации межличностного общения. Субъективная сторона конфликтности студента определяет также способности личности избегать разрушительных последствий конфликта, позволяя оценивать враждебность в поведении своего оппонента. Неадекватная форма внутриличностного взаимодействия обучающихся всегда связана с индивидуальными и психологическими особенностями их личности

и становлением самосознания. В классификации И.В. Никулиной [8] «конфликтная личность» отнесена к субъективным причинам, но чаще всего это, несомненно, объективная причина.

Конфликт – столкновение противоположно направленных, несовместимых друг с другом взглядов, интересов и позиций субъектов взаимодействия, связанное с отрицательными эмоциональными переживаниями [9, 10]. Конфликтная ситуация – противоречивые позиции сторон по какому-либо поводу, стремление к противоположным целям, использование различных средств для их достижения, несовпадение интересов, желаний [8]. Анализ определений обнаруживает сходство: борьба вследствие несовместимости взглядов, суждений, позиций в социальной среде, основанная, в том числе, на эмоциях.

Любой конфликт имеет развитие и является попыткой разрешить противоречия, разногласия путём взаимодействия сторон, обладающих определёнными личностными качествами, в т.ч. с эмоциональными проявлениями. Конфликт является условием развития любой системы [11, 12]. Вместе с тем отсутствие благоприятного социально-психологического климата в коллективе часто может служить причиной уменьшения продуктивности труда, стрессов, эмоциональных нарушений и деструктивного поведения как студента, так и педагога. Несмотря на то, что споры, конфликты проверяют всех членов коллектива на прочность и устойчивость и являются естественными в любом сообществе, процесс их решения может быть затруднён.

Самые частые ситуации, в которых возможны конфликты между преподавателем и студентом: стремление педагога к утверждению своей главенствующей позиции, протест студента против несправедливого, незаслуженного наказания, неадекватной оценки его поступка, неправильного мнения в оценке его деятельности. Адекватная, правильная реакция на поведение другого лица в конфликте даёт возможность брать ситуацию под свой контроль и восстанавливать порядок и справедливость. В большинстве случаев преподаватель не имеет возможность в полном объёме владеть информацией обо всех обстоятельствах и настоящих причинах конфликта. Вследствие этого возникают ошибки преподавателей в отношении студентов. Поэтому правильный выбор стиля поведения

в конфликте приводит к завершению конфликта и заключается в переходе от конфликтного противодействия к поиску решения проблемы и прекращению.

Материалы и методы

В данной работе был выполнен теоретический анализ педагогических исследований по проблеме; проведено практическое исследование с использованием теста на определение коммуникативной толерантности В.В. Бойко «Методика диагностики общей коммуникативной толерантности», опросника «Ваша коммуникативная установка» этого же автора, проведённых для студентов 4-го курса очной формы обучения лечебного факультета в количестве 10 групп (102 человека) ФГБОУ ВО «Новосибирского государственного медицинского университета» Минздрава России. Кроме того, был использован самостоятельно разработанный опросник для выявления наличия конфликтных ситуаций между студентом и преподавателем (в зависимости от этого тестируемые были поделены на группы), в котором студентам был предложен выбор типа стратегии разрешения конфликтов: приспособление, избегание, компромисс, сотрудничество, конфронтация, предложено в свободной форме (анонимно) описать личную, если таковая была, конфликтную ситуацию и причину её возникновения. Целью данного анализа являлась проверка нулевой статистической гипотезы о равенствах распределений в группах, а также выявление тех показателей, для которых нулевая гипотеза отвергается в пользу альтернативной с подтверждением наличия статистически значимых различий между группами использованием критерия статистической значимости Фишера. Статистическая значимость различий групп для бинарных и номинальных переменных определялась с использованием метода Хи-квадрат Пирсона.

Результаты

В данном разделе представлены результаты статистического анализа сравнения всех показателей по группам. В тесте коммуникативной толерантности В.В. Бойко приведено 9 блоков (шкал). Максимальное количество баллов по каждому такому блоку – 15. Большее количество баллов свидетельствовало об отсутствии

коммуникативной толерантности, об абсолютной нетерпимости к окружающим и высокой вероятности конфликтов. Чем больше баллов по конкретному признаку, тем меньше испытуемый терпим к людям в данном аспекте отношений с ними и сложнее наладить эффективный процесс общения. Напротив, чем меньше оценки по тому или иному поведенческому признаку, тем выше уровень общей коммуникативной толерантности по данному аспекту отношений. В тесте на определение коммуникативной установки необходимо было ответить на 25 вопросов, интерпретировать результаты, определить количество баллов при помощи 5 блоков («Завуалированная жестокость», «Открытая жестокость», «Обоснованный негативизм», «Брюзжание», «Негативный опыт общения»). Балл выше общего среднего (33) свидетельствовал о выраженной негативной коммуникативной установке. Результаты тестирования по этим шкалам отражены в таблицах 1, 2.

Таблица 1

Всего	102	100%
Высокая степень 1–45	42	41,18%
Средняя степень 45–85	49	48,04%
Низкая степень 85–125	11	10,78%
Полное неприятие окружающих	0	0,00%
Ниже общего среднего	36	35,29%
Выше общего среднего	66	64,71%
Выраженная негативная установка	13	12,70%

Высоким и средним уровнем коммуникативной толерантности ожидаемо обладала большая часть тестируемых. Низкая степень (10,78%) определялась у 11 человек. При проведении тестирования «Ваша коммуникативная установка» большая часть тестируемых получили балл выше общего среднего (64,71%), что говорит о наличии негативной установки, из которых 12,7% тестируемых получили балл, свидетельствующий о наличии выраженной негативной коммуникативной установки. При сравнительном анализе студенты, со средним уровнем коммуникативной толерантности не всегда имели негативную коммуникативную установку. Т.е. человек, достаточно терпимый к окружающим, не всегда настроен на общение в позитивном ключе. Возможно, это было связано неправильной

интерпретацией вопросов, «нечестностью» перед самим собой, попытками утаить истину в данном коллективе, быть корректным, скрыть свой негативный настрой. Возможно, проявления так называемой динамики коммуникативной толерантности, когда в начале обучения студент может демонстрировать повышенную толерантность, например к преподавателю, ввиду собственной неопытности, страха, неуверенности, а с увеличением времени обучения все больше может проявляться раздражение, несогласие, нетерпимость. Количество испытуемых с негативной коммуникативной установкой (13 человек) практически с точностью совпало с количеством человек с низким уровнем коммуникативной толерантности (11 человек). Анализ возникновения конфликтных ситуаций представлен в сводной таблице 2.

Таблица 2

	да	нет	Всего 102
Уровень толерантности высокий	0 (0,00%)	42 (100,00%)	42
Уровень средний	38 (77,45%)	11 (22,45%)	49
Низкий	10 (90,91%)	1 (9,09%)	11
Установка позитивная	9 (25,00%)	27 (75,00%)	36
Установка негативная	39 (54,55%)	27 (45,45%)	66

Выявлена зависимость возникновения конфликтной ситуации от уровня коммуникативной толерантности, установки. Процент лиц с низкой или средней коммуникативной толерантностью, негативной коммуникативной установкой выше в группе с наличием конфликтных ситуаций, чем в группе с их отсутствием (достоверность различий подтверждена по критерию Фишера, $\varphi^* = 2,93$ ($p \leq 0.01$)). Среди отдельных шкал данного теста «Ваша коммуникативная установка» наиболее тесную корреляционную связь с конечным результатом (общей суммой баллов) у испытуемых с наличием конфликтных ситуаций обнаруживает блок «Завуалированная жестокость» (коэффициент корреляции по Пирсону $r=0,71$), блок «Негативный опыт общения» ($r=0,73$), блок «Обоснованный негативизм» ($r=0,77$), блок «Брюзжание» ($r=0,77$) блок «Открытая жестокость» ($r = 0,76$) распределены практически поровну.

Самостоятельно разработанный опросник так же позволил определить главные причины конфликтов, стратегию поведения

в конфликтных ситуациях. Опросник был основан на следующих ключевых стратегиях управления, предложенных авторами [13, 14, 15]:

– Приспособление (сглаживание, избегание). Стратегия сглаживания противоречия, при которой оппоненты поступаются своими интересами. Один из оппонентов согласен полностью удовлетворить интересы другого, который, как правило, обладает большей властью и заинтересован в исходе событий. Тестирование показало, что примерно треть опрошиваемых выбрало именно такую стратегию поведения (29,17%). Важнее сохранить мир и хорошие отношения, объем собственной власти невелик, заведомо решённая конфликтная ситуация не пользу студента. Как правило, конфликтная ситуация не получает своего развития. Но есть и «подводные камни» - студент вынужден подавлять собственные эмоции, недовольство, несогласие. Если конфликтные ситуации повторяются, разрешение их, возможно, будет осуществляться иным способом.

– Компромисс. Частичное удовлетворение интересов обеих сторон через взаимные уступки. Стратегия предполагает, что все оппоненты одинаково стремятся к достижению согласия и будут вырабатывать компромиссное решение посредством обмена уступками. Один из оппонентов конфликта принимает точку зрения другого, но в частичной форме. Как преподаватель, так и студент хотят одного и того же (научить, получить знания, результат), понимают, что одновременно исполнение желаний с обеих сторон невыполнимо. Для решения конфликта путём компромисса следует начинать с выяснения интересов оппонентов и определить область совпадения интересов. Стратегия, в нашем исследовании, была выбрана в 6,24% случаев.

– Сотрудничество (решение проблемы). Благоприятная форма для решения конфликта как со стороны студента, так и преподавателя. Стратегия, которая состоит в поиске решения, удовлетворяющего интересы всех сторон в ходе открытого обсуждения. Данный вид поведения можно анализировать как компромисс, но есть большая опасность, что конфликтная ситуация не исчезнет. Эта стратегия основана на убеждённости участников конфликта в том, что расхождение во взглядах – это неизбежный результат того, что у каждой стороны есть свои представления о том, что правильно, а что нет.

Данная стратегия (выбрана в большинстве случаев возникновения конфликтных ситуаций 47,92%) используется, когда решение проблемы очень важно для обеих сторон; оппоненты обладают полной информацией об истинной причине конфликта и не желают развития возникшей конфликтной ситуации. Использующий данную стратегию ищет решение проблемы, а не старается добиться своей цели за счёт других.

– Конкуренция (принуждение). Одному из участников конфликта навязывают принять другое мнение. Принуждение практически всегда вызывает раздражение и враждебность. Стратегию конкуренции, соперничество следует использовать, когда нет реального способа решения конфликта, но любая форма пассивного поведения ещё более углубит конфликтную ситуацию. В этой же ситуации может произойти инверсия и эскалация конфликта [13], которая заключается в интенсификации борьбы оппонентов (как непрерывной (с возрастающей степенью напряжённости отношений), так и волнообразной, когда напряжённость отношений то усиливается, то спадает). В нашем исследовании такой путь разрешения конфликтной ситуации не был выбран ни одним из тестируемых.

– Конфронтация. Стремление удовлетворить собственные интересы, невзирая на другие стороны или в ущерб им во что бы то ни стало настоять на своём. Самая сложная стратегия для мирного разрешения конфликта. В нашем исследовании студенты, обладающие низкой степенью толерантности и негативной установкой, выбирали такую стратегию разрешения конфликта в педагогическом взаимодействии в 16,67% случаев. Распределение результатов причин возникновения и способов разрешения, выбранных тестируемыми с наличием конфликтных ситуаций, представлены в таблице 3.

Таблица 3

	Всего	48	100%
Причина:			
а) несоответствие самооценки студента и оценки, данной преподавателем		2	4,17%
б) некорректное поведение (грубость, пренебрежение) одной из сторон		14	29,17%

в) личные факторы: стресс, предвзятое отношение, «конфликтные личности»	7	14,59%
г) внешние факторы: организационные проблемы, нехватка времени, чрезмерная загруженность	4	8,32%
б, в)	21	43,75%
Стратегия:		
а) конфронтация	8	16,67%
б) сотрудничество	23	47,92%
в) компромисс	3	6,24%
г) избегание	8	16,67%
д) приспособление	6	12,50%

Главными причинами конфликтности студентов ранее считались низкий уровень рефлексии, неадекватная самооценка, низкие способности к эмпатии, жёсткость характера, низкий уровень ценностных ориентаций, высокая степень агрессивности, условия жизни [7]. В нашем исследовании при анализе на первый план вышли несколько иные причины: предвзятое отношение преподавателя, некорректное поведение, грубость, личная неприязнь, попытка унижить (43,75%), т.е. межличностные отношения.

Безусловно, если суммировать все полученные результаты, становится очевидным, что у студентов, имеющих низкий уровень коммуникативной толерантности и отрицательную коммуникативную установку конфликтные ситуации возникали в 84,6% случаев. У студентов с резко отрицательной установкой конфликтные ситуации перерастали в открытый конфликт в 100% случаев и стратегией разрешения в большинстве случаев 72,72% (в 8 случаях из 11) была выбрана конфронтация (во что бы то ни стало настоять на своём, удовлетворить собственные интересы, невзирая на другие стороны или в ущерб им), а основными причинами возникновения были: некорректное поведение (грубость, пренебрежение), личные факторы (стресс, предвзятое отношение, «конфликтные личности»). Эмоциональная составляющая поведения в этих случаях выходила на первый план.

Студент, как правило, предвидя появление конфликтной ситуации, руководствуется таким поведением, которое не приведёт к конфликтному взаимодействию. Тогда как преподаватель должен нести профилактическую миссию, то есть отслеживание причин возникновения конфликтных ситуаций, а также возникающие

противоречия, и принимает меры по их разрешению, что не всегда возможно. Конфликтная ситуация – это ещё не конфликт [15]. Стоит отметить, что причиной повышенной конфликтности студентов в образовательном процессе служит авторитарный стиль управления. Каждый педагог имеет свой стиль общения с обучающимися. Характер преподавания, манера поведения педагога в общении с обучающимися отражается на эмоциональном состоянии и внутренних переживаниях последних и влияет на формирование их личностных качеств [7]. В свою очередь, личностные качества студентов влияют на возникновение конфликтных ситуаций и выбор стратегии их разрешения. Нужно не забывать, что студенты с очень неадаптивными чертами могут испытывать трудности коммуникации на фоне других сложных ситуаций, вызывающих стресс [17].

Возможным путём решения проблемы может стать доброжелательное отношение преподавателя, оптимистичный настрой, необходимость демонстрации принятия студента, признание его достоинств (в том числе и профессиональных), ценных личностных качеств. Часто педагогические конфликты достаточно легко решаемы, если педагог психологически готов и владеет навыками устранения последствий конфликтной ситуации. На практике, как правило, для разрешения конфликта применяются комбинации стратегий, а иногда доминирует одна из них [16]. Преподаватель должен знать характерные черты каждой стратегии и сознательно выбирать наиболее подходящую к конкретной ситуации.

Заключение

Педагогический конфликт является видом взаимодействия субъектов образовательной организации, обладающих личностными индивидуальными особенностями. Соперничество противоположных взглядов, оценок, целей связано с возникающими эмоциями, которые нужно стараться предотвратить и разрешить с помощью убеждений или действий. Причинами любых конфликтных ситуаций выступают сложившиеся противоречия: реальные и вымышленные, объективные и субъективные. Предупредить конфликтную ситуацию – лучший выбор разрешения конфликта. Возникновение конфликта, его течение и разрешение зависит от личностных особенностей оппонентов. Личности с низким уровнем коммуникативной

толерантности и негативной коммуникативной установкой оказываются в конфликтной ситуации и стратегией поведения выбирают конфронтацию, что приводит к трансформации конфликтной ситуации в открытый конфликт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бардиер Г.Л. Научные основы социальной психологии толерантности: учебное пособие / Г.Л. Бардиер. СПб.: МИРС, 2007. 100 с.
2. Юшкевич И.А. Особенности толерантности современных студентов / И.А. Юшкевич // Молодёжный сборник научных статей «Научные стремления». 2016. № 20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-tolerantnosti-sovremennyh-studentov> (дата обращения: 04.10.2025).
3. Севостьянов Д.А. Исследование коммуникативной толерантности и коммуникативных установок студентов медицинского университета / Д.А. Севостьянов, И.Э. Толстова, Е.А. Ауман // Антропологическая дидактика и воспитание. 2025. Т. 8. № 4. С. 55–65. EDN PAOZSA.
4. Церковский А.Л. Особенности коммуникативной толерантности студентов лечебного факультета ВГМУ / А.Л. Церковский, О.И. Гапова, Е.А. Скорикова [и др.] // Вестник Витебского государственного медицинского университета. 2021. Т. 20. № 6. С. 110–117. DOI 10.22263/2312-4156.2021.6.110. EDN LFULSB.
5. Торубарова И.И. Коммуникативная толерантность как профессионально-значимая характеристика личности студента-медика / И.И. Торубарова // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2014. Т. 10. № 3–2. С. 70–72. EDN SGITCL.
6. Сидоренко Л.И. Исследование коммуникативной толерантности врачей психиатров и неврологов / Л.И. Сидоренко, И.В. Абакумова, А.А. Пирумян // Журнал мир науки. Педагогика и психология. 2019.
7. Чажаева М.М. Причины возникновения конфликтов в социально-педагогическом процессе / М.М. Чажаева, К.Х. Ильясова, Л.А. Бибулатова // Индустриальная экономика. 2022. № 5. С. 106–111.
8. Никулина И.В. Педагогическая конфликтология: учеб. пособие / И.В. Никулина. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016. 72 с.
9. Александрова Л.Ю. К вопросу о конфликтологической компетентности специалистов / Л.Ю. Александрова, А.Ю. Мунши // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2009. № 1(3). С. 180–185. EDN RBETLN.
10. Борзиева З.М. Конфликт, виды конфликта и этапы его развития / З.М. Борзиева // Молодой учёный. 2021. № 5(347). С. 118–119. EDN NHFGFC.
11. Плаксина И.В. Конфликты в образовательной среде: теория и практика разрешения: учеб.-метод. пособие / И.В. Плаксина. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2024. 204 с.
12. Xie R, Jiang J, Yue L, Ye L, An D, Liu Y. Under Psychological Safety Climate: The Beneficial Effects of Teacher-Student Conflict. *Int J Environ Res Public Health*. 2022 Jul 29;19(15):9300. doi: 10.3390/ijerph19159300. PMID: 35954655; PMCID: PMC9368450.
13. Евдокимова Ю.Г. Эскалация как способ урегулирования конфликтов и противоречий / Ю.Г. Евдокимова, С.М. Сычёва, Т.Б. Шрамченко, Е.А. Халимон

// Вестник университета. 2021;(6):14-21. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-6-14-21>.

14. Керимов Т.Т. Конфликты в педагогическом коллективе, причины их возникновения и способы их разрешения / Т.Т. Керимов // Международный журнал экспериментального образования. 2020. № 2. С. 35–39.

15. Ключко О.И. Педагогические конфликты: практическое руководство по их анализу и разрешению: Учебно-метод. пособие / О.И. Ключко, Д.В. Наумова, А.П. Сухоносков. М.: МГПУ, 2015. 125 с.

16. Zhong B, Yan J, Sun H, Chen H, Tao B, Jiang Y, Chen H, Lu T, Ding Z. Relationship between personality portraits of university students and interpersonal conflict resolution strategies: a latent profile analysis. *Sci Rep.* 2024 Dec 30;14(1):31967. doi: 10.1038/s41598-024-83491-4. PMID: 39738441; PMCID: PMC11685471.

17. Servidio R, Bartolo MG, Tenuta F, Palermi AL, Candrea F, Ciccarelli C, Costabile A, Pagani LS, Craig F. Person-Centered Associations between High- and Low-Risk Personality Profiles and Psychological Adjustment in University Students. *Depress Anxiety.* 2024 Mar 26; 2024:8810153. doi: 10.1155/2024/8810153. PMID: 40226689; PMCID: PMC11919096.

REFERENCES

1. Bardier G.L. Nauchnye osnovy social'noj psikhologii tolerantnosti: uchebnoe posobie / G.L. Bardier. SPb.: MIRS, 2007. 100 p.

2. Yushkevich I.A. Osobennosti tolerantnosti sovremennykh studentov / I.A. Yushkevich // Molodyozhnyj sbornik nauchnykh statej «Nauchnye stremleniya». 2016. № 20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-tolerantnosti-sovremennykh-studentov> (data obrashcheniya: 04.10.2025).

3. Sevost'yanov D.A. Issledovanie kommunikativnoj tolerantnosti i kommunikativnykh ustanovok studentov medicinskogo universiteta / D.A. Sevost'yanov, I.EH. Tolstova, E.A. Auman // Antropologicheskaya didaktika i vospitanie. 2025. T. 8. № 4. Pp. 55–65. EDN PAOZSA.

4. Cerkovskij A.L. Osobennosti kommunikativnoj tolerantnosti studentov lechebnogo fakul'teta VGMU / A.L. Cerkovskij, O.I. Gapova, E.A. Skorikova [i dr.] // Vestnik Vitebskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta. 2021. T. 20. № 6. Pp. 110–117. DOI 10.22263/2312-4156.2021.6.110. EDN LFULSB.

5. Torubarova I.I. Kommunikativnaya tolerantnost' kak professional'no-znachimaya kharakteristika lichnosti studenta-medika / I.I. Torubarova // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2014. T. 10. № 3–2. Pp. 70–72. EDN SGITCL.

6. Sidorenko L.I. Issledovanie kommunikativnoj tolerantnosti vrachej psikhiatrov i nevrologov / L.I. Sidorenko, I.V. Abakumova, A.A. Pirumyan // Zhurnal mir nauki. Pedagogika i psikhologiya. 2019.

7. Chazhaeva M. M. Prichiny vzniknoveniya konfliktov v social'no-pedagogicheskom processe / M.M. Chazhaeva, K.KH. Il'yasova, L.A. Bibulatova // Industrial'naya ehkonomika. 2022. № 5. Pp. 106–111.

8. Nikulina I.V. Pedagogicheskaya konfliktologiya: ucheb. posobie / I.V. Nikulina. Samara: Izd-vo «Samarskij universiteT», 2016. 72 p.

9. Aleksandrova L.YU. K voprosu o konfliktologicheskoy kompetentnosti specialistov / L.YU. Aleksandrova, A.YU. Munshi // Vestnik Cheboksarskogo kooperativnogo instituta. 2009. № 1(3). Pp. 180–185. EDN RBETLH.

10. Borzieva Z.M. Konflikt, vidy konflikta i ehtapy ego razvitiya / Z.M. Borzieva // Molodoj uchyonyj. 2021. № 5(347). Pp. 118–119. EDN HHFGFC.
11. Plaksina I.V. Konflikty v obrazovatel'noj srede: teoriya i praktika razresheniya: ucheb.-metod. posobie / I.V. Plaksina. Vladimir: Izd-vo VLGU, 2024. 204 p.
12. Xie R, Jiang J, Yue L, Ye L, An D, Liu Y. Under Psychological Safety Climate: The Beneficial Effects of Teacher-Student Conflict. *Int J Environ Res Public Health*. 2022 Jul 29;19(15):9300. doi: 10.3390/ijerph19159300. PMID: 35954655; PMCID: PMC9368450.
13. Evdokimova YU.G. Ehskalaciya kak sposob uregulirovaniya konfliktov I protivorechij / YU.G. Evdokimova, S.M. Sychyova, T.B. Shramchenko, E.A. Khalimon // Vestnik universiteta. 2021. (6):14-21. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-6-14-21>.
14. Kerimov T.T. Konflikty v pedagogicheskom kollektive, prichiny ikh vzniknoveniya i sposoby ikh razresheniya / T.T. Kerimov // Mezhdunarodnyj zhurnal ehksperimental'nogo obrazovaniya. 2020. № 2. Pp. 35–39.
15. Klyuchko O.I. Pedagogicheskie konflikty: prakticheskoe rukovodstvo po ikh analizu i razresheniyu: Uchebno-metod. posobie / O.I. Klyuchko, D.V. Naumova, A.P. Sukhonosov. M.: MGPU, 2015. 125 p.
16. Zhong B, Yan J, Sun H, Chen H, Tao B, Jiang Y, Chen H, Lu T, Ding Z. Relationship between personality portraits of university students and interpersonal conflict resolution strategies: a latent profile analysis. *Sci Rep*. 2024 Dec 30; 14(1):31967. doi: 10.1038/s41598-024-83491-4. PMID: 39738441; PMCID: PMC11685471.
17. Servidio R, Bartolo MG, Tenuta F, Palermi AL, Candrea F, Ciccarelli C, Costabile A, Pagani LS, Craig F. Person-Centered Associations between High- and Low-Risk Personality Profiles and Psychological Adjustment in University Students. *Depress Anxiety*. 2024 Mar 26; 2024:8810153. doi: 10.1155/2024/8810153. PMID: 40226689; PMCID: PMC11919096.

СЕЛЮЧ

Марина Григорьевна,
доктор психологических наук,
профессор, ФГАОУ ВО «Амурский
государственный университет»,
e-mail: seluch@mail.ru

Marina Grigorievna

SELYUCH,
Doctor of Psychological Sciences,
Professor, Amur State University,
e-mail: seluch@mail.ru

Теоретический анализ понятия «Профессиональная востребованность педагога» в контексте личностно-профессионального развития

В условиях цифровой трансформации образования личностное и профессиональное развитие педагогов приобретает особый смысл, так как современные реалии диктуют поиск новых валидных навыков и компетенций для создания оригинальных образовательных практик в исполнении быстроменяющихся задач, обеспечивающих их профессиональную востребованность. Личностно-профессиональное развитие педагога сопряжено с изменением его субъектности, способности к мобилизации личностных возможностей и потенциальных ресурсов, позволяющих гибко реагировать на цифровые форматы активными стратегиями решения нестандартных задач по значительному количеству направлений осуществления деятельности и профессионального поведения. Цель работы - выявить методологические основания для определения сущностной характеристики профессиональной востребованности и её структуры в рамках личностно-профессионального развития педагога.

Ключевые слова: личностное и профессиональное развитие, профессиональная востребованность, педагоги, анализ, трансформация системы образования.

Theoretical analysis of the concept of a teacher's professional demand in the context of personal and professional development

In the context of the digital transformation of education, the personal and professional development of teachers takes on a special significance, as the current realities dictate the search for new valid skills and competencies to create original educational practices in the performance of rapidly changing tasks, ensuring their professional relevance. The personal and professional development of a teacher is associated with a change in their subjectivity, the ability to mobilize personal capabilities and potential resources, allowing for a flexible response to digital formats through active strategies for solving non-standard tasks in a wide range of areas of activity and professional behavior. The purpose of this work is to identify the methodological foundations for determining the essential characteristics of professional demand and its structure within the framework of a teacher's personal and professional development.

Keywords: personal and professional development, professional demand, teachers, analysis, transformation of the education system.

В современных научных исследованиях профессиональная востребованность личности рассматривается как самостоятельный сложный феномен и сосредоточены преимущественно на внешних факторах спроса педагогической профессии в контексте рынка труда и её оценочных рейтингах. Поставленной целью статьи является исследование методологических основ для изучения профессиональной востребованности с позиции психологического аспекта и определении её сущностной характеристики.

Теоретико-методологический анализ изучаемой проблемы указывает на отсутствие системного научного подхода к её психологической интерпретации и побуждает обосновать понятийное поле путём соотношения дефиниций: профессионализм деятельности и профессионализм личности, которые позволяют педагогу достичь более высокого уровня профессиональной востребованности. Е.В. Харитонова, изучая социально-психологическую востребованность личности выделила следующие ключевые аспекты, которые имеют актуальность для нашего исследования, а именно: а) реализация профессионального потенциала персонала в организации в контексте востребованности; б) анализ личностных характеристик через систему отношений к себе как к значимому и способному профессионалу умеющему справляться со сложными задачами и получать общественно полезные результаты деятельности. Данный подход отправляет нас к изучению востребованности в контексте личностно-профессионального развития.

Взаимосвязь и взаимообусловленность между профессионализмом деятельности и профессионализмом личности в отечественных концепциях личностно-профессионального развития (А.А. Деркача, Ю.П. Повереннова, А.Т. Ростунова) характеризуется как: расширение пространства личности за счёт профессионального и нравственного «обогащения», формирования профессионально важных способностей и развития личностно-деловых качеств; совокупность профессиональной продуктивности, профессиональной идентичности и профессиональной зрелости; система индивидуальных психологических параметров развития, способствующая совершению социально значимых действий и их ориентации на благо общества, а также удовлетворение своей профессиональной деятельностью [4]; профессиональный выбор индивида и его

отношением к данной профессии, в зависимости от конкретных социальных обстоятельствах [3]; способность осознать необходимость собственных изменений и преобразований, в соотношении поведения и мотивации для формирования жизненной философии себя как профессионала [6].

К основным методам, используемым в процессе исследования, относим теоретические: анализ и синтез, обобщение, классификацию. Предметно-понятийное поле сосредоточено относительно внутренней сущности человека как субъекта (выбора, ответственности, долженствования) своей личностной индивидуальности, самостоятельного глубокого наполнения профессиональной деятельности высоким смыслом её исполнения, умением самостоятельно сделать выбор профессионального поведения в каждой ситуации.

Методологические принципы: системности, активности, развития и субъектности с помощью которых описаны условия, закономерности и механизмы личностно-профессионального развития способствуют выявить пути достижения профессиональной востребованности педагога. Например, принцип системности указывает, что достижение профессиональной востребованности зависит не только от личностных ресурсов и возможностей педагога, но и обусловлено той образовательной ситуацией в которой протекает его профессиональная деятельность (среда, владение цифровыми технологиями и современными гибкими навыками, умением взаимодействовать со всеми участниками образовательного процесса). Обязательным условием выступает поддержка со стороны профессионального сообщества и руководства, принятие и поддержка тех достижений, которые педагог обращает в образовательное пространство. Тем самым принцип системности помогает комплексно и всесторонне рассмотреть профессиональную востребованность, выявляя связи между внутренними и внешними факторами, а также её динамику и изменение в различных контекстах.

Методологический принцип активности и субъектности раскрывает пути самовыражения педагога в профессии, через свободный выбор личностно-профессионального развития, отражающий личностный и общественно значимый смысл деятельности как «соотношение инициативы и ответственности...

как некий ключ к сущности личности... когда человек берет на себя всю ответственность за свою судьбу, судьбу учеников» [5, с.17].

Активность в деятельности и поведении позволяет педагогу соотносить свои потенциальные возможности и ресурсы в каждой отдельной проблемной ситуации, избегая привычных стереотипов и занять в профессиональном сообществе личностную и социальную позицию, потому что он одновременно обращён и в мир и в себя (по Мамардашвили) [1, с.3].

Содержательно личностно-профессиональное развитие педагога повышает его востребованность за счёт расширения субъектного пространства, творческим подходом к решению профессиональных задач и внедрением цифровых форматов обучения, избегая единообразия и монотонности образовательного процесса. Процессуально – принятие общечеловеческих ценностей обостряет чувство достоинства, развивает нравственную чувствительность, позволяющую гармонично выстраивать межличностные отношения в профессиональном сообществе.

Принцип активности инициирует индивидуальный стиль деятельности, преодоление противоречий, ограничений, стереотипов и выступает основой формирования профессиональной востребованности. Разрешению проблемных ситуаций способствует оптимизация способов деятельности через перестраивание внутреннего мира, формируя новые цели, убеждения, интересы, установки: «не особая специфическая способность, а позиция субъекта деятельности... определяет возможность творческих достижений личности» [2, с.197]. В свою очередь достижение высокого уровня профессиональной востребованности невозможно без творческой составляющей.

Личностное развитие педагога с позиции типологической стратегии личности [8, с.201] протекает на основе высших личностных способностей: способности к организации времени, активности-инициативы, ответственности, саморегуляции и удовлетворённости.

В теоретическом аспекте определения детерминанты развития данного понятия мы опираемся на идеи А.В. Юревича [10, с.23] о «параллельной» детерминации психических явлений: феноменологической (внутри психической) и социальной. В достижении профессиональной востребованности мы видим двойную

детерминацию: 1) достижение профессионализма деятельности при взаимодействии с образовательной средой за счёт профессиональной компетентности, базовых умений и навыков, способности превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования; 2) достижение профессионализма личности на основе личной активности, ответственности и индивидуального маршрута саморазвития. Достижение более высокого уровня развития профессиональной востребованности обусловлено гармонизацией этих детерминант, их согласованностью и протекает в зависимости от конкретной образовательной ситуации.

Каждое методологическое положение раскрывает определённый набор понятий для описания алгоритмов профессиональной деятельности и психологических процессов, в ней происходящих, которые детерминируют способность эффективно использовать индивидуальные ресурсы и личностные качества для успешного выполнения многозначных профессиональных задач и получению конкретных результатов, значимых как для самого педагога, профессионального сообщества так и в целом для общества. Процедура проведения теоретического анализа, лежащего в основе данной работы задаёт следующую последовательность: 1) изучение точек зрения учёных, осуществляющих (осуществлявших) свою деятельность в различных сферах научного знания в контексте исследования определения понятия профессиональная востребованность в контексте личностно-профессионального развития; 2) выделение общих признаков данного понятия и формулировка его рабочего определения, отражающего глубокую взаимосвязь и взаимообусловленность профессионализма деятельности и профессионализма личности.

Сущностная характеристика, вытекающая из рассмотренных ранее методологических положений, звучит следующим образом: профессиональная востребованность это многокомпонентное разноуровневое системное образование, отражающее реализацию субъективно обусловленных ресурсов, возможностей и личностных качеств для достижения высоких профессиональных результатов, имеющих социально-личностную значимость.

Анализ профессиональной востребованности через психологический аспект раскрывает многокомпонентность данного

образования состоящие из характеристик двух подсистем: профессионализм деятельности и профессионализм личности. Реализация субъективно обусловленных ресурсов и возможностей акцентирует внимание на реализацию внутренних ресурсов и потенциала личности за счёт активного участия самого субъекта в процессе формирования профессиональной карьеры, осознанного выбора стратегий профессионального роста, использование собственных психологических резервов и стремление к достижению значимых целей. Понятие социальной и личностной значимости подчёркивает важность признания и оценки профессиональной деятельности как самим педагогом, так и профессиональным сообществом. Динамика изменений на основе внешних и внутренних факторов и условий будет определять уровень востребованности педагога на разных этапах его профессиогенеза. Таким образом, сущностная характеристика отражает многокомпонентность и сложность феномена профессиональной востребованности, подчёркивая её системный характер, зависимость от множества факторов: и условий: от индивидуальных особенностей педагога до внешних ожиданий общества.

Экстраполируя мысли С.Л. Рубинштейна [7, с.77] о том, что личность определяется по трём основным параметрам: что хочет (её сущность), что может (возможности и резервы) и что есть в реальности (результат самоорганизации) мы констатируем, что профессиональной востребованности педагог достигает регулярной работой над анализом педагогического опыта, интеллектуальным развитием, активным отражением действительности и способностью хорошо ориентироваться в ней.

Выводы

Проведённый анализ показывает, что на данный момент мы не имеем достаточных теоретико-методологических оснований, а также результатов прикладных исследований, позволяющим дать целостную качественную и количественную оценку развития профессиональной востребованности педагога. Необходим валидный и надёжный психодиагностический инструментарий. Особенно перспективным, на наш взгляд, является изучение предикторов способствующих раскрытию взаимосвязи и взаимовлияния двух

подсистем личностного профессионального развития, применяя методы, разработанные в отечественной психологической науке (аналитические, диагностические, структурно-функционального моделирования, статистические методы обработки данных).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникина В.Г. Идеи М.К. Мамардашвили и культурно-диалогическое понимание рефлексии / В.Г. Аникина // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2015. № 4. С. 114–122.
2. Богоявленская Д.Б. Психология творчества в контексте теории деятельности / Д.Б. Богоявленская // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 1–6.
3. Зеер Э.Ф. Теоретико-прикладные основания психологии профессионального развития / Э.Ф. Зеер. Екатеринбург: Рос. гос. проф.-под. ун-та, 2015. 194 с.
4. Козырева О.А. Образование и наука XXI века / О.А. Козырева // Основные аспекты отечественных и зарубежных концепций профессионального развития. 2016. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-aspekty-otechestvennyh-i-zarubezhnyh-kontseptsiy-professionalnogo-razvitiya/viewer> (дата обращения: 15.12.16).
5. Кондратюк Н.Г. «Когда кончается проза и начинается лирика...». Интервью с К.А. Абульхановой-Славской / Н.Г. Кондратюк // М: Общество с ограниченной ответственностью "ДМК пресс. Электронные книги". 2022. № 3. С. 11–38.
6. Митина Л.М. Психологические ресурсы и смысложизненные ориентации в альтернативных моделях профессионализации педагогов / Л.М. Митина // Вестник Государственного университета просвещения. 2024. № 2. С. 22–39.
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. СПб: Питер, 1998. 688 с.
8. Семенов И.Н. Экзистенциально-культурологическая рефлексия психолого-педагогической деятельности К.А. Абульхановой-Славской / И.Н. Семенов. М.: Известия Российской академии образования, 2022. № 2. С. 191–204. Doi: 10.51944/20738498_2022_2_191.
9. Харитоновна Е.В. Психология социально – профессиональной востребованности личности / Е.В. Харитоновна. М.: Институт психологии РАН, 2014. 418 с.
10. Юревич А.В. Психология и методология / А.В. Юревич. М.: Институт психологии Российской академии наук, 2005. 433 с.

REFERENCES

1. Anikina V.G. Idei M.K. Mamardashvili i kul'turno-dialogicheskoe ponimanie refleksii / V.G. Anikina // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya. 2015. № 4. Pp. 114–122.
2. Bogoyavlenskaya D.B. Psikhologiya tvorchestva v kontekste teorii deyatel'nosti / D.B. Bogoyavlenskaya // Voprosy psikhologii. 2013. № 3. Pp. 1–6.
3. Zeer E.H.F. Teoretiko-prikladnye osnovaniya psikhologii professional'nogo razvitiya / E.H.F. Zeer. Ekaterinburg: Ros. gos. prof.-pod. un-ta, 2015. 194 p.
4. Kozyreva O.A. Obrazovanie i nauka XXI veka / O.A. Kozyreva // Osnovnye aspekty otechestvennykh i zarubezhnykh koncepcij professional'nogo razvitiya. 2016. № 3.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-aspekty-otechestvennyh-i-zarubezhnyh-kontseptsiy-professionalnogo-razvitiya/viewer> (data obrashcheniya: 15.12.16).

5. Kondratyuk N.G. «Kogda konchaetsya proza i nachinaetsya lirika...». Interv'yu s K.A. Abul'khanovoj-Slavskoj / N.G. Kondratyuk // M: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "DMK press. Ehlektronnye knigi". 2022. № 3. Pp. 11–38.

6. Mitina L.M. Psikhologicheskie resursy i smyslozhiznennye orientacii v al'ternativnykh modelyakh professionalizacii pedagogov / L.M. Mitina // Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. 2024. № 2. Pp. 22–39.

7. Rubinshtejn S.L. Osnovy obshchej psikhologii / S.L. Rubinshtejn. SPb: Piter, 1998. 688 p.

8. Semenov I.N. Ehkzistencial'no-kul'turologicheskaya refleksiya psikhologo-pedagogicheskoy deyatel'nosti K.A. Abul'khanovoj-Slavskoj / I.N. Semenov. M.: Izvestiya Rossijskoj akademii obrazovaniya, 2022. № 2. Pp. 191–204. Doi: 10.51944/20738498_2022_2_191

9. Kharitonova E.V. Psikhologiya social'no – professional'noj vostrebovannosti lichnosti / E.V. Kharitonova. M.: Institut psikhologii RAN, 2014. 418 p.

10. Yurevich A.V. Psikhologiya i metodologiya / A.V. Yurevich. M.: Institut psikhologii Rossijskoj akademii nauk, 2005. 433 p.

У Юэифань,

аспирант, Институт музыки, театра
и хореографии ФГБОУ ВО «Российский
государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена»,

КОРНОУХОВ

Михаил Дмитриевич,

доктор педагогических наук,
профессор ГАОУ ВО «Ленинградский
государственный университет
имени А.С. Пушкина»,
e-mail: sobaka.mk@mail.ru

WU Yueifan,

Postgraduate student,
Institute of Music, Theater and
Choreography, A.I. Herzen Russian
State Pedagogical University,

Mikhail Dmitrievich

KORNOUKHOV,

Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor A.S. Pushkin Leningrad
State University,
e-mail: sobaka.mk@mail.ru

Освоение национального репертуара в вокальном классе музыкально-педагогических вузов КНР: дидактический аспект

В статье раскрывается дидактический аспект освоения национального репертуара в вокальном классе музыкально-педагогических вузов Китая. Затрагиваются, в частности, такие вопросы, как правильность произношения каждого слова и донесение до слушателя его смысла, интегративная драматургия древних текстов и современных композиционных техник, активность голосовых мышц и дыхания, тембральная окраска звука, предоставление студентам больше возможностей для выступления на сцене. Подчёркивается важность организации дополняющих факультативных курсов, использование информационных технологий и Интернета для модернизации учебных ресурсов, аналитический уровень выбора репертуара.

Творческое переосмысление и корректировка дидактического содержания вокального класса в соответствии с исходным уровнем обучающегося предполагает корреляцию развития певческих навыков с формированием понимания студентом художественной концепции произведения, в частности, его культурологических, стилевых, жанровых и национальных характеристик, что позволит установить и уточнить художественные стандарты и культурные коннотации в контексте глобализации образовательной системы.

Ключевые слова: музыкально-педагогическое образование КНР, вокальный класс, национальный репертуар, дидактический аспект.

Development of national repertoire in vocal classes of music-pedagogical universities of the PRC: didactic aspect

This article explores the didactic aspects of mastering the national repertoire in vocal classes at music and pedagogical universities in China. Specifically, it addresses issues such as the correct pronunciation of each word and the communication of its meaning to the listener, the integrative dramaturgy of ancient

texts and modern compositional techniques, the activity of the vocal muscles and breathing, the timbre of sound, and providing students with more opportunities for stage performance. It emphasizes the importance of organizing complementary elective courses, the use of information technology and the internet to modernize educational resources, and the analytical level of repertoire selection.

Creatively rethinking and adjusting the didactic content of vocal classes in accordance with the student's initial level presupposes a correlation between the development of singing skills and the student's understanding of the artistic concept of the work, particularly its cultural, stylistic, genre, and national characteristics. This will allow for the establishment and refinement of artistic standards and cultural connotations in the context of a globalized education system.

Keywords: musical-pedagogical education of the People's Republic of China, vocal class, national repertoire, didactic aspect.

Камерно-вокальные произведения как форма музыкального искусства впервые появились в эпоху романтизма в Европе, они часто основывались на стихах глубокого содержания и сочетались с творческим мастерством композитора, демонстрируя чрезвычайно индивидуальный стиль. В качестве примера можно привести романсы Ф. Листа, Ф. Шуберта, И. Брамса, П. Чайковского. В Китае древняя поэзия и художественные песни - форма искусства, которая часто сочетает в себе аутентичный первоисточник и современный стиль. Это довольно значимый репертуарный сегмент вокального класса китайских вузов, он может быть отличным учебным материалом для художественного развития молодых певцов.

Современные композиторы КНР сочетают древнюю китайскую поэзию с новейшими западными техниками для создания особенной, интересной и художественно богатой вокальной музыки. Это не только способствует развитию вокального искусства и образования страны, но и затрагивает культурологический контекст их творчества [11]. Педагоги-вокалисты могут попросить студентов прочитать и проанализировать старинные стихи, их содержание и то, как используются средства музыкальной выразительности. Для того, чтобы глубже понять глубокую художественную концепцию, тем самым создавая эмоциональный резонанс и закладывая прочную основу для исполнительского творчества. Например, «Я живу у истока реки Янцзы» – стихотворение времён династии Сун, его содержание выражает ностальгию автора по родным местам, а также преклонение перед любимым человеком. Однако по-разному проявляется контекст эпохи создателя этого текста и автора музыки.

В песне усилены патриотические эмоции, что проявляется именно в нотной партитуре.

Интеграция древней поэзии и современной музыки в преподавание вокала может помочь развить у студентов чувство языка и музыкального стиля, научить навыкам декламации, стимулировать способности к эмоциональному самовыражению, а также способствовать развитию музыкальной эстетики и художественных качеств [10]. Вокальные педагоги должны использовать эти песни в качестве учебного материала, повышая, прежде всего, культурную грамотность молодых певцов. Национальные произведения, несомненно, открывают новые идеи для повышения эффективности учебного процесса. Если освоение стиля бельканто направлено, в значительной степени, на владение студентами правильной вокальной техникой, то национальные произведения более компактны и гармоничны по форме и помогают улучшить художественные способности и понимание историко-культурологического контекста.

Например, в сборнике «Три напева Янгуань» есть песня «Утренний дождь в крепости Вэй смочил лёгкую пыль». Во время пения студенту следует представить соответствующую картину, особенно сцену прощания, туманную атмосферу и эмоционально резонировать с ней, чтобы хорошо контролировать своё дыхание и не отвлекаться на другие факторы. Таким образом, можно эффективно улучшить свои певческие способности. Кроме того, следует обращать внимание на правильность произношения каждого слова и донесение до слушателя его смысла. То есть актуализировать художественную концепцию произведения, выбирая педагогические приёмы, соответствующие эстетическому уровню конкретного студента [5]. Например, представляя песню «Громоздятся холмы и блестят, словно золото», можно обнаружить, что это произведение полна изящной красоты и классической гармонии, у неё сильный индивидуальный стиль, требующий особой грациозности.

Следует выбирать репертуар, основанный на определённых методах развития мышечного аппарата, или песни, выражающие художественные смыслы поэзии. После того, как студенты познакомятся с различными вокальными методиками, учителя могут выбрать несколько произведений для анализа, чтобы найти тот метод, который подходит им лучше всего.

Прежде всего, в освоении национального репертуара необходимо иметь чёткое представление об использовании в музыке древних стихотворений, их структуре, чтобы лучше понимать и выражать эмоции. В тексте вокальных музыкальных произведений речь идёт о слове «цы» (стихотворение для пения, жанр классической поэзии) и музыкальной композиции «цю», для певцов эти два аспекта должны сочетаться [12]. «Цы» поэзия создана преимущественно древними поэтами, а композиция создана современными композиторами. В педагогической практике, помимо анализа поэтического замысла, необходимо также понимать подоплёку композиторского творчества.

Студенты должны понять интегративную драматургию этих двух аспектов, чтобы определить мысли и эмоции, которые будут выражены в романсе. Цель такого обучения состоит в том, чтобы позволить студентам понять основной смысл древней поэзии и ценностную установку, которую она выражает, а также помочь при этом проанализировать средства музыкальной выразительности. Большинство авторов вокальных сочинений на стихи древне-китайских поэтов, используют современные приёмы. Они как бы «воссоздают» старинные стихотворения, что иногда вносит определённые трудности в понимание и интерпретацию молодых певцов. Таким образом необходимо учитывать как целостность поэзии, так и современную музыкальную стилистику.

Вокальная технология, голосовые связки и дыхание – два очень важных аспекта освоения национального репертуара [3]. С одной стороны, воспитание навыков является важной частью вокального класса, включающее в себя обучение пению, активности певческого аппарата, регулированию высоты тона, тембра, расширение тесситуры... Всё это студенты должны развить под руководством профессиональных преподавателей. Кроме того, студенты обязаны обращать внимание на точность, ясность и выразительность своего пения.

Например, в качестве практического теста, можно начать с чтения стихов, чтобы дать студентам понять, насколько активная у них артикуляция и насколько чёток их голос. При этом следует также обращать внимание на дыхание, контролировать его, чтобы избежать спазмов. Важно помнить, что древняя поэзия в китайских песнях

обладает сильным лирическим языком, что выдвигает высокие требования к безупречной интерпретации в аспекте качества звучания и тембрового исполнения. Например, выражение «Цы» в стихотворении «Я живу в истоке реки Янцзы» изысканно и деликатно, оно выражает стремление к любви. Если петь формально, то невозможно выразить глубокую эмоцию поэтического первоисточника.

Развитие музыкального образования в современном Китае основано на индивидуальных голосовых данных и личности молодого певца [4]. Обучение студентов в соответствии с их способностями позволяет осуществлять корректировку дидактического содержания вокального класса в соответствии с исходным уровнем обучающегося. Для этого необходимо побуждать студентов исполнительски выражать себя, использовать своё собственное пение и эмоции и сочетать их с профессиональными знаниями и пониманием литературных первоисточников. В этом проявляется искусство преподавания, творческий подход и развитие комплексных качеств обучающихся [6].

Ещё одним важным дидактическим принципом является предоставление студентам больше возможностей для выступления на сцене, чтобы было меньше «страха сцены» во время пения. В процессе преподавания вокала учителя должны эффективно использовать сценические ресурсы учебного заведения, чтобы создать для обучающихся больше возможностей для концертной практики, чтобы расширить их сценический опыт [7]. Преподавание вокальной музыки отличается от общеобразовательных предметов. Нужно стараться изо всех сил, чтобы дать студентам возможность выступить.

Кроме того, следует дополнить содержание обучения в вокальном классе посредством факультативных курсов. Освоение национального репертуара может быть одним из таких предметов, где были бы представлены презентативные подборки вокальных сочинений китайских композиторов, также изучались поэтические первоисточники, культура и история страны.

Важнейшим дидактическим принципом эффективного освоения национального вокального репертуара в вузах КНР является использование информационных технологий и Интернета для модернизации

учебных ресурсов. На этих платформах есть возможность совместно анализировать вокальные навыки и исполнение произведений национальных композиторов, развивать художественный уровень студентов. Преподаватели вокала также могут записывать процесс освоения национального репертуара на видео и делиться ими на онлайн-ресурсах. Студенты могут изучать соответствующие методики, просматривая демонстрационные и поясняющие видеоролики преподавателей, что поможет им лучше овладеть навыками исполнения.

Следующий дидактический принцип – творчески-аналитический уровень выбора национального репертуара. Необходимо реформировать единую модель репертуарных планов в вузах, повышая не только количественно, но и в презентативной выборке, произведений современных китайских композиторов [9]. Эти песни – вокальные формы художественного выражения, обладающие высокой эстетической ценностью и богатые творчеством.

Также при освоении национального вокального репертуара следует регулировать соотношение развития певческих навыков с формированием понимания студентом художественной концепции произведения, в частности, его культурологических, стилевых, жанровых и национальных характеристик. С начала XX века в творческой сфере китайского вокального искусства появилось множество новых форм. Среди них немецкие и австрийские академические песни, по-новому адаптированные китайскими музыкантами. И одной из важных просветительских новаций было использование древней китайской поэзии, иллюстрирующей музыкальное содержание, обращение к известным поэтам китайской истории [14]. Например, «На восток течёт река Янцзы» Цинчжу (стихи Су Ши, династия Сун), «Я живу у истока реки Янцзы» (стихи Ли Чжи, династия Сун), «Как мне найти Шэнчжоу» на мотив южных песен Хуан Цзы, (стихотворение Синь Цици, династия Сун), «Подняться на башню» (поэма Ван Чжо, династия Сун), «Ущербный месяц. Редкие утунь» (стихотворение Су Ши, династия Сун), «Вниз по течению до Цзянлин» (стихотворение Ли Бая, династия Тан), «Лунная песня горы Эмэй» (стихотворение Ли Бая, династия Тан), «Цветы – не цветы» (стихотворение Бай Цзюйи, династия Тан), «Ночью причалил у моста клёнов» Чэнь Тяньхэ (стихотворение Чжан Цзи, династия Тан), «Куда

же весна исчезла?» (стихотворение Хуан Тинцзяня, династия Сун), «Речной город» (стихотворение Цинь Гуань, династия Тан), «Полноводная красная река» Линь Шэнси (стихи Ци Юэ Фэя, династия Сун): «Ты - то же, что я, я - то же, что ты...» Инь Шаннэна (стихи Гуаншэн Ци, династия Юань), «Воспоминания о любви» Лю Сюэаня (Цао Сюэцин, династия Цин), «С той поры одна я стала...» (стихотворение Чжан Цзюлинь, династии Тан) и ряд других выдающихся произведений.

Исполнение этих вокальных произведений современных китайских композиторов, несомненно отвечает эстетическим потребностям многих студентов, увлечённых певческим искусством [1]. Благодаря своеобразной художественной специфике, строгой классической структуре этого репертуара, богатым и разнообразным техникам пения и стилям выражения, эти песни с использованием древней китайской поэзии стали широко использоваться в преподавании вокала в китайских вузах.

Помимо дидактического содержания, были достигнуты определённые достижения в сфере научных исследований китайского вокального искусства. Это исторический, культурологический, теоретический анализ произведений, комплексная оценка творчества композиторов, а также представление обмена опытом обучения, связанного с национальным репертуаром [8]. Существует пока мало работ в аспекте преподавания китайской вокальной музыки в контексте поэтических первоисточников. Обычно «текст» вокального произведения относится к форме музыкального произведения, объединяющей «слова» и «музыку». Среди вокальных музыкальных произведений, используемых в учебной программе, большинство авторов песен и композиторов стилистически близки, благодаря чему певцам легче объединить два аспекта «слова» и «музыки». Однако с древней китайской поэзией и современными китайскими академическими песнями студентам работать сложнее. Потому что «слова» большинства древних стихотворений были созданы известными в истории поэтами, а «музыка» сочинена композиторами нового времени. Эти композиторы обладают собственным знанием и пониманием известных поэтов и старинных поэтических произведений в истории. Созданный композитором музыкальный

язык должен получить единое и гармоничное звуковое воплощение в акустической интерпретации студента-вокалиста.

Конечно, это является проблемой, которая относится к категории исполнительства, вокальной «обработке звука», качественных характеристик звука, тембра и дыхания. В интерпретационном плане это требование единства художественного образа произведения в процессе исполнительского выражения как вторичного творчества смысловых значений первичного творчества, в данном случае, композиторского и поэтического. Чтобы в полной мере выполнить эту задачу студент должен обладать соответствующим уровнем мастерства. Наиболее заметно это проявляется в контроле певцом интонации звука, а также техники дыхания. Язык древней поэзии в данном репертуаре предъявляет строгие требования и к произношению текста. Именно текст служит дидактическим «триггером» любых изменений – метроритма, динамики, тесситуры. Это касается и тонального плана вокальных сочинений. У китайских композиторов это интегративный «сплав» западных ладовых структур с национальной пятитоновой системой. Все эти факторы прямо указывают на интонационные проблемы в процессе изучения и пения произведений современных китайских композиторов.

И здесь речь идёт не о простой чистоте интонации, а о значимости тембрально-тесситурных спецификаций вокального исполнительства. Этот вопрос включает в себя характеристики голосовых связок студента (физиологическое состояние певческого органа), уровень владения голосом (певческие навыки), понимание художественного произведения, концепцию и стиль, необходимые для исполнения произведения и т.д. Поскольку тембр каждого певца различен, его уникальные характеристики придадут большое очарование вокальному исполнению. Если студент сможет правильно использовать свои тембральные и тесситурные возможности, это придаст заметный художественный эффект.

В дидактическом плане это становится существенным аргументом в процессе выбора национального репертуара конкретному студенту. Следует найти оптимальное соотношение тесситурных особенностей тембра обучающегося и соответствующих характеристик художественного образа произведения. Молодые певцы часто выбирают репертуар, исходя из собственных

предпочтений или чувств, но игнорируют, подходят ли им эти произведения физиологически. Результатом является отсутствие точного представления о работе и развитие вредных привычек бессистемного репертуарного планирования.

Как правило, в освоении произведений китайских композиторов очень остро стоит проблема с дыханием. Всем известно, что это основа поддержания звука. Среди древнекитайской поэзии и академических песен начиная с XX века немало произведений, выражающих глубокий лиризм музыкального языка, требующего очень длинных фраз [2]. Например, произведение «Живу у истока реки Янцзы» (Цин Чжуцзюй) – ярчайший образец сложной техники вокального дыхания. В этой песне любовь и верность возлюбленного выражается в полной мере тонким, изысканным музыкальным языком с ярким национальным колоритом. Упорство и контроль дыхания в этом произведении – залог убедительной художественной интерпретации студента. Тренировка дыхания как целенаправленная дидактическая задача осуществляется с помощью специального обучения, использования набора распевов, вокализов и репертуарных хрестоматий. Также дыхание можно улучшить с помощью активизации соответствующих физиологических функций и кропотливой, плановой работой в этом направлении.

Освоение в вокальном классе вуза произведений современных китайских композиторов требует творческого переосмысления и корректировки дидактического содержания учебного процесса. Это позволит улучшить преподавание пения и исполнительскую практику студентов в репертуарном аспекте, а также установить и уточнить соответствующие художественные стандарты и культурных коннотаций в контексте сегодняшней глобализации. Это требует от учителей и студентов, которые занимаются вокальным искусством, обогащать и совершенствовать данный репертуарный сегмент путём постоянных усилий. В результате древняя китайская поэзия и искусство песни, представляющие богатую культуру Китая, будут постоянно присутствовать в мировом музыкально-образовательном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Юаньпэн. Эстетические особенности китайской вокальной музыки / Юаньпэн Ван // Музыкальная жизнь. Шэньян, 2010. № 1. С. 73–74 (на китайском языке).
2. Гриневич Н.Г. Интегрированный подход к художественной культуре как фактор духовного формирования личности педагога искусства / Н.Г. Гриневич // Виды искусства и их взаимодействие: пособие для учителя / Б.П. Юсов, Е.П. Кабкова, Л.Н. Мун и др. М.: ИХО РАО, 2001. С. 202–210.
3. Джин Тиелин. Диалектические отношения в обучении вокальной музыки» / Тиелин Джин. Пекин: Народная музыка, 1986. 65 с. (на китайском языке).
4. Джурицкий А.Н. Высшее образование в современном мире: тренды и проблемы / А.Н. Джурицкий. 2-е изд., испр. и доп. М.: Прометей, 2018. 218 с.
5. Ду Сывэй. Формирование певческих умений у вокалистов в высших учебных заведениях КНР: автореф. дис. ... канд. пед. наук: специальность 13.00.08 Теория и методика профессионального образования / Ду Сывэй; [Моск. гос. ун-т культуры и искусств]. М., 2008. 24 с.
6. Инь Айцин. О модели подготовки кадров в педагогических вузах / Инь Айцин, Цзинь Шунь Ай // Китайское музыкальное образование. 2006. № 8. С. 34–37 (на китайском языке).
7. Корноухов М.Д. Сценическая культура как одно из проявлений кроссдисциплинарных компетенций студента-вокалиста / М. Д. Корноухов, Д. А. Потапов // Bulletin of the International Centre of Art and Education. – 2025. – № 1. – С. 202-211. – EDN GRWBLW.
8. Ли Сун. Исследование проблем модернизации музыкального образования КНР / Сун Ли. Цзиньхуа, 2006. С. 27–29 (на китайском языке).
9. Ли Юе. Китайское музыкальное образование в XX веке и его состояние на рубеже XX–XXI веков / Ли Юе // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 40. С. 225–230.
10. Лу Хуачжао. Педагогические условия развития вокально-исполнительского потенциала китайских студентов в образовательном процессе вуза: специальность 13.00.08 – Теория и методика профессионального образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Лу Хуачжао; [место защиты: Воронежский государственный университет]. Воронеж, 2018. 24 с.
11. Чжан Цяолин. Красота национальной вокальной музыки / Цяолин Чжан // Журнал Уханьской консерватории. 2000. № 1. С. 36–41 (на китайском языке).
12. Хэ Син. Об искусстве преподавания вокальной музыки / Син Хэ. Шаньси: Народное издательство, 2013. 297 с. (на китайском языке).
13. Хао Ю. Педагогические условия формирования эстрадно-джазовой культуры обучающихся в китайских учебных заведениях / Ю. Хао, Е. Н. Шумилова // Антропологическая дидактика и воспитание. – 2024. – Т. 7, № 4. – С. 105-114. – EDN ECLDFP.
14. Шумилова Е.Н. Просветительским компонент профессиональной подготовки музыканта-педагога в вузе : Учебное пособие / Е. Н. Шумилова, М. Д. Корноухов. – Санкт-Петербург : Центр научно-производственных технологий "Астерион", 2022. – 64 с. – ISBN 978-5-00188-229-9. – EDN EWGAXU.

REFERENCES

1. Van Yuan'pehn. Ehsteticheskie osobennosti kitajskoj vokal'noj muzyki / Yuan'pehn Van // Muzykal'naya zhizn'. Shehn'yan, 2010. № 1. Pp. 73–74 (na kitajskom yazyke).
2. Grinevich N.G. Integrirovannyj podkhod k khudozhestvennoj kul'ture kak faktor dukhovnogo formirovaniya lichnosti pedagoga iskusstva / N.G. Grinevich // Vidy iskusstva i ikh vzaimodejstvie: posobie dlya uchitelya / B.P. Yusov, E.P. Kabkova, L.N. Mun i dr. M.: IKHO RAO, 2001. Pp. 202–210.
3. Dzhin Tielin. Dialekticheskie otnosheniya v obuchenii vokal'noj muzyke» / Tielin Dzhin. Pekin: Narodnaya muzyka, 1986. 65 p. (na kitajskom yazyke).
4. Dzhurinskij A.N. Vysshee obrazovanie v sovremennom mire: trendy i problemy / A.N. Dzhurinskij. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Prometej, 2018. 218, [1] p.
5. Du Syvej. Formirovanie pevcheskikh umenij u vokal'istov v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh KNR: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: special'nost' 13.00.08 Teoriya i metodika professional'nogo obrazovaniya / Du Syvej; [Mosk. gos. un-t kul'tury i iskusstv]. M., 2008. 24 p.
6. In' Ajcin. O modeli podgotovki kadrov v pedagogicheskikh vuzakh / In' Ajcin, Czin' Shun' Aj // Kitajskoe muzykal'noe obrazovanie. 2006. № 8. Pp. 34–37 (na kitajskom yazyke).
7. Kornouhov M.D. Scenicheskaya kul'tura kak odno iz proyavlenij krossdisciplinarnyh kompetencij studenta-vokalista / M. D. Kornouhov, D. A. Potapov // Bulletin of the International Centre of Art and Education. – 2025. – № 1. – Pp. 202-211. – EDN GRWBLW.
8. Li Sun. Issledovanie problem modernizacii muzykal'nogo obrazovaniya KNR / Sun Li. Czin'khua, 2006. Pp. 27–29 (na kitajskom yazyke).
9. Li Yue. Kitajskoe muzykal'noe obrazovanie v XX veke i ego sostoyanie na rubezhe XX–XXI vekov / Li Yue // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2017. № 40. Pp. 225–230.
10. Lu Khuachzhao. Pedagogicheskie usloviya razvitiya vokal'no-ispolnitel'skogo potenciala kitajskikh studentov v obrazovatel'nom processe vuza: special'nost' 13.00.08 – Teoriya i metodika professional'nogo obrazovaniya: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk / Lu Khuachzhao; [mesto zashchity: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet]. Voronezh, 2018. 24 p.
11. Chzhan Cyaolin. Krasota nacional'noj vokal'noj muzyki / Cyaolin Chzhan // Zhurnal Ukhan'skoj konservatorii. 2000. № 1. Pp. 36–41 (na kitajskom yazyke).
12. Kheh Sin. Ob iskusstve prepodavaniya vokal'noj muzyki / Sin Kheh. Shan'si: Narodnoe izdatel'stvo, 2013. 297 p. (na kitajskom yazyke).
13. Hao Yu. Pedagogicheskie usloviya formirovaniya estradno-dzhazovoj kul'tury obuchayushchihsva v kitajskih uchebnykh zavedeniyah / Yu. Hao, E. N. Shumilova // Antropologicheskaya didaktika i vospitanie. – 2024. – T. 7, № 4. – Pp. 105-114. – EDN ECLDFP.
14. Shumilova E.N. Prosvetitel'skim komponent professional'noj podgotovki muzykanta-pedagoga v vuze : Uchebnoe posobie / E. N. Shumilova, M. D. Kornouhov. – Sankt-Peterburg : Centr nauchno-proizvodstvennykh tekhnologij "Asterion", 2022. – 64 p. – ISBN 978-5-00188-229-9. – EDN EWGAXU.

Ян Боюань,

аспирант, Институт изящных искусств
ФГБОУ ВО «Московский
педагогический государственный
университет»,
e-mail: yby1013000636@yandex.ru,

Yang Boyuan,

Postgraduate student,
Institute of Fine Arts,
Moscow Pedagogical State
University,
e-mail: yby1013000636@yandex.ru;

СКЛЯРОВА

Татьяна Владимировна,

доктор педагогических наук,
профессор, профессор кафедры
педагогике, ОЧУ ВО «Православный
Свято-Тихоновский гуманитарный
университет»,
e-mail: tsklyarova@mail.ru

Tatyana Vladimirovna

SKLYAROVA,

Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor, Professor of the Department
of Pedagogy, St. Tikhon Orthodox
University for the Humanities,
e-mail: tsklyarova@mail.ru

Интонирующая природа музыкального сознания в педагогическом осмыслении творчества Сянь Синхая

Статья посвящена исследованию интонирующей природы музыкального сознания в контексте педагогического осмысления творчества выдающегося китайского композитора Сянь Синхая. В качестве методологической основы использован философско-антропологический подход А.В. Тороповой, согласно которому музыка представляет собой особую форму сознания, возникшую из интонирования переживаний и ставшую носителем культурно-ценностных смыслов. Творческое наследие Сянь Синхая (в частности, знаменитая кантата «Хуанхэ») рассматривается как интонированная модель мировоззрения, отражающая народный дух и нравственные идеалы. На основе анализа китайских источников показано, что музыка Сянь Синхая, основанная на народно-песенных интонациях и проникнутая патриотическим пафосом, обладает высокой педагогической ценностью для формирования музыкального сознания обучающихся, их нравственных установок (патриотизма, коллективизма) и личностной идентичности. Делается вывод о том, что интеграция антропологического подхода Тороповой с культурно-психологическим анализом китайской «красной» музыки позволяет глубже понять механизмы воспитательного воздействия музыкального искусства на становление личности.

Ключевые слова: Китайское музыкальное образование; национальные композиторы; Сянь Синхай; методология исследования; национальная идентичность

The intonational nature of musical consciousness in the pedagogical interpretation of Xian Xinghai's creative legacy

The article examines the intonational nature of musical consciousness in the context of a pedagogical interpretation of the creative legacy of the eminent Chinese composer Xian Xinghai. The methodological framework is based on the philosophical-anthropological approach developed by A.V. Toropova, according to which music represents a specific form of consciousness that arises from the intoning of lived experience and becomes a carrier of cultural and value-laden meanings. The creative heritage of Xian Xinghai (in particular, the renowned cantata Yellow River) is interpreted as an intonational model of worldview reflecting the national spirit and moral ideals. An analysis of Chinese sources demonstrates that Xian Xinghai's music—grounded in folk-song intonations and imbued with patriotic pathos—possesses high pedagogical value for shaping students' musical consciousness, their moral orientations (patriotism, collectivism), and personal identity. The study concludes that integrating Toropova's anthropological approach with a cultural-psychological analysis of Chinese “red” music makes it possible to achieve a deeper understanding of the mechanisms through which musical art exerts its educational influence on personality formation.

Keywords: Chinese music education; national composers; Xian Xinghai; research methodology; national identity.

Введение

Музыка рассматривается современной наукой о музыке и образовании не только как эстетическое явление, но и как фактор формирования сознания и системы ценностей личности. Концепция профессора А.В. Тороповой о музыкально-психологической антропологии исходит из того, что способность человека к интонированию лежит в основе развития сознания и порождения различных «языков» культуры – музыки, поэзии, пластики и пр. [1]. Музыка, по Тороповой, представляет собой «закреплённый в форме музыкально-интонированный смысл», то есть символически выраженный звуками жизненно значимый опыт [1]. В процессе исторического развития человечества музыка накопила в себе архетипические интонации, являющиеся носителями культурной памяти и ценностей народа [2]. Поэтому музыкальное сознание личности формируется под влиянием определённой интонационной среды, несущей в себе ценностно-смысловые ориентиры данной культуры.

С другой стороны, музыкальное искусство способно целенаправленно влиять на мировоззрение и нравственные установки людей, что придаёт ему особую роль в воспитании. В истории XX века особенно ярко проявилась педагогическая и идеологическая сила

музыки в эпоху социальных потрясений. Примером служит творчество китайского композитора Сянь Синхая (1905–1945), чьи произведения стали музыкальным воплощением борьбы китайского народа за национальное освобождение [3]. Его самая известная работа – кантата «Хуанхэ» («Жёлтая река», 1939) – мгновенно распространилась по всей стране, вдохновляя народ на сопротивление агрессору [4]. Сянь Синхай, которого называли «народным музыкантом», сумел с помощью яркого музыкального языка пробудить в слушателях патриотические чувства и возвысить их дух [5]. Его песни и хоры, объединяя романтический революционный пафос с национальными мелодиями, стали мощным средством духовного сплочения народа. Не случайно Сянь Синхай уделял большое внимание музыкальному воспитанию масс и подчёркивал, что музыка должна быть обращена к народу, воспитывать его и повышать культурное сознание нации.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью объединить педагогический подход к музыкальному искусству с философско-антропологическим. Если в китайской музыкальной педагогике творчество Сянь Синхая рассматривается прежде всего с точки зрения его идейной ценности для воспитания патриотизма и коллективизма у молодёжи, то подход А.В. Тороповой позволяет понять глубинные психологические механизмы этого воспитательного воздействия через призму интонирования и музыкального сознания. Настоящее исследование стремится обеспечить логическое единство этих подходов, проанализировав интонационную природу музыкального сознания на примере творчества Сянь Синхая и раскрыв педагогический потенциал его музыки в формировании ценностных ориентаций и идентичности обучающихся.

Материалы и методы

Методологической основой исследования является концепция музыкально-психологической антропологии А.В. Тороповой. Данный междисциплинарный подход позволяет рассматривать музыку одновременно как психологический феномен (особая форма сознания) и как культурный артефакт, репрезентирующий опыт социального и исторического бытия людей. В фокусе внимания находится феномен музыкального сознания – способность личности и сообщества осмысливать действительность посредством музыкальных интонаций. Торопова предлагает изучать музыкальное сознание

во взаимосвязи общечеловеческого, этнокультурного и индивидуального начал, что позволяет выявить как универсальные закономерности восприятия музыки, так и специфические интонационные архетипы, характерные для той или иной культуры.

Эмпирическую базу исследования составили литературные источники о жизни и творчестве Сянь Синхая, а также работы китайских исследователей, посвящённые анализу его музыки и её воспитательной роли. В первую очередь использованы труды китайских авторов последних лет, где творчество композитора осмысливается в контексте «красной» музыки (революционных патриотических песен) и идеологии служения народу. Для анализа отбирались материалы, отражающие педагогические аспекты: статьи о народно-ориентированных принципах композиции Сянь Синхая, о ценностно-духовном содержании его произведений, о влиянии его музыки на формирование патриотических чувств и национального самосознания слушателей. Также привлечены высказывания самого Сянь Синхая о целях музыкального воспитания и роли музыки в обществе. Метод исследования носит качественный характер: произведён содержательный анализ текстов с опорой на теоретические понятия интонирования, музыкального сознания, архетипов интонации и модальной личности. Результаты обсуждаются в русле сравнительного подхода – сопоставления российской антропологической теории и китайской педагогической практики, что позволяет обобщить выводы на межкультурном уровне.

Результаты и обсуждение

Интонирующее сознание как основа музыкального переживания и идентичности. Согласно А.В. Тороповой, музыка возникла как средство выражения и символического оформления переживаний посредством звучащей интонации [1]. Этот процесс – интонирование – привёл к формированию особого пласта психики, который можно назвать интонирующим сознанием. Интонирующее сознание проявляется на разных уровнях: личностном, родовом, этническом, общечеловеческом. Иными словами, каждая культура вырабатывает свой запас устойчивых интонационных формул – архетипов интонирования, которые несут в себе значимые для данной общности смыслы и ценности. Эти интонационные архетипы, будучи усвоенными с детства через музыкальную среду, становятся маркерами культурной и даже конфессиональной идентичности

человека. Например, Торопова указывает, что в традиционной японской музыке через специфические стилевые интонации и способы развития формы «слышен» менталитет этноса, основанный на архетипах созерцательности и самоуглублённости; а в музыке народов Кавказа ритмо-интонационные формулы отражают архетипическую модель выживания – энергию экспансии и дух коллективного единения [1]. Таким образом, музыкальное сознание связывает индивидуальный эмоциональный опыт с коллективной памятью и «жизненными интересами» народа. Это подтверждает мысль Б.В. Асафьева о том, что «музыка есть искусство интонируемого смысла», в котором за звуковыми формами скрыты глубинные психологические содержания, разделяемые сообществом [6].

В образовательном отношении изложенное означает, что приобщение личности к великому музыкальному наследию своего народа – это не только развитие слуха и вкуса, но и вхождение в пространство национального сознания. Через освоение определённого круга интонаций и образцов музыки происходит передача новым поколениям базовых ценностей и архетипических моделей переживания. А.В. Торопова подчёркивает, что музыка, музыкальная культура и музыкальное образование служат хранилищем жизненно важных переживаний, заключённых в звуковых символах [6]. Даже если слушатель не может рационально объяснить значение всех музыкальных интонаций, они оказывают на него воздействие, пробуждая созвучные чувства и ценностные ориентации. В итоге формируется своего рода «несгораемый архив» коллективного опыта в психике – ценностно-смысловой фонд, который трудно разрушить, так как он усвоен на бессознательном, эмоциональном уровне. Данный теоретический вывод непосредственно относится к проблеме воспитания: музыка способна закреплять в сознании устойчивые нравственные и мировоззренческие установки за счёт эмоционально-интуитивного усвоения смыслов в процессе интонирования (пения, музицирования, слушания).

Народность и патриотический пафос в музыке Сянь Синхая как носители смысла. Сянь Синхай вошёл в историю как композитор, олицетворяющий идеал народности в музыке. Под народностью (в китайской эстетической традиции – «人民性») понимается ориентация искусства на выражение жизни простого народа, служение интересам большинства и понятность художественного языка для широкой аудитории. Марксистская теория литературы

и искусства, на которую опирались китайские музыканты 1930–1940-х гг., утверждала, что настоящее искусство должно исходить от народа и работать на благо народа. Сянь Синхай полностью разделял эту позицию [3]. Его творческий путь характеризуется стремлением соединить профессиональное мастерство с народным мелодическим языком и актуальным содержанием эпохи. Композитор сознательно использовал интонации китайского фольклора, революционных песен, уличных мелодий, чтобы говорить с народом на понятном ему языке и одновременно возвышать этот язык до уровня симфонического искусства.

Хрестоматийным примером такой интонационной работы является кантата «Хуанхэ» («Жёлтая река»). Созданная в 1939 г. в разгар антияпонской войны, эта кантата стала музыкальным символом китайского сопротивления. Её основывают подлинные народные мотивы: композитор лично разучивал песни лодочников реки Хуанхэ и глубоко вникал в фольклорные интонации, передающие характер и силу великой реки. Сянь Синхай стремился не просто процитировать фольклор, но преобразовать жизненные впечатления в эпический музыкальный образ [5]. Так, бушующий поток реки и тяжкий труд гребцов композитор «перевёл» на язык симфонизма: струнные оркестра передают стремительное течение, медные духовые – волю к сопротивлению, а хор воплощает коллективную клятву во имя национального духа. Благодаря полифонии и мощной гармонизации это произведение приобрело грандиозный размах, сохранив при этом живую связь с народной песенной традицией (в кантате цитируются интонации народных протяжных песен, речитативные призывы, характерные для крестьянских хороводов и др.) [5]. Подобная художественная стратегия отражает фундаментальный принцип: «искусственная реальность» должна быть возвышенным отражением реальности жизни» [3]. Произведения Сянь Синхая основываются на правде жизни (изображают реальные события и чувства народа), но через музыкальное интонирование возводят эту правду на более высокий – символический и эмоционально обобщённый – уровень [3]. В результате музыка приобретает вневременную значимость: будучи рождённой конкретной исторической ситуацией, она продолжает волновать и вдохновлять новые поколения, поскольку говорит на языке универсальных человеческих чувств – любви к родине, скорби по погибшим, гнева к врагам, надежды на победу.

Анализ китайских работ свидетельствует, что «Жёлтая река» и другие классические сочинения Сянь Синхая до сих пор рассматриваются как важный ресурс патриотического воспитания. Их внутренняя духовная энергия воспринимается актуальной и для современного Китая: исследователи подчёркивают, что музыка Сянь Синхая несёт «глубокие идеи – народность, национальный характер, боевой дух – которые являются ценным ресурсом для современной культуры» [7]. Например, Чжан Чэнхуа отмечает, что хотя время изменилось, техника, методы, эмоции и содержание в произведениях Сянь Синхая по-прежнему могут быть использованы для выражения сегодняшней действительности [8]. Главное – сохранить его «дух творчества», то есть верность народным идеалам, и тогда музыка станет мостом между прошлым и будущим, связующим реальность с возможным идеалом. По мнению Сянь Синхая, настоящая музыка не должна быть «аристократической» или сугубо личной – напротив, обществу нужна «музыка, близкая к массам, способная воспитывать и возвышать народ» [7]. Эти слова композитора созвучны идеям Б.В. Асафьева о «музыкальной форме как процессе»: музыкальная форма, вырастающая из народной жизни, сохраняет связь с коллективными интонациями и потому наиболее сильно воздействует на слушателей [6].

Педагогическая ценность музыки Сянь Синхая: формирование сознания, ценностей и идентичности. Сянь Синхай был не только композитором, но и активным просветителем. Работая в 1940-е гг. в Яньане (революционной столице Китая), он развивал идеи музыкального образования для народа. В статье «Музыка для масс» («大众的音乐») Сянь Синхай призывал повышать эстетическую культуру широких народных масс, создавать доступные и понятные народу песни, воспитывать новые музыкальные кадры и разрабатывать теоретические основы новой, «народной» музыки [3]. Музыка должна идти в ногу со временем и отражать жизнь народа – только тогда она сможет воспитывать граждан и вдохновлять их на большие цели. Сянь Синхай подчёркивал, что музыкант должен обладать высокими нравственными качествами и служить народу, пробуждая в нём лучшие чувства. Он указывал, что песня, будучи мощным пропагандистским средством, способна «через эмоциональную силу мелодии пробудить национальную гордость» у слушателей [3]. Эти взгляды подтверждаются практикой: сразу после выхода «Жёлтой реки» тысячи людей по всей стране запели эту кантату,

и в каждый дом вошла частица национального духа, заключённого в музыку. Другими словами, произошло массовое «интонирование» патриотизма – совместное музыкальное переживание, которое структурировало коллективное сознание китайцев в военное время.

Для системы образования творческое наследие Сянь Синхая представляет большой интерес, поскольку его произведения сочетают художественное совершенство с богатым воспитательным потенциалом. В Китае концепция «красной музыки» (революционно-патриотической) активно используется в последние годы в учебных программах по музыке. Как отмечает Тань Цзюань, включение красных музыкальных произведений в профессиональные курсы способствует укреплению у студентов патриотических чувств, осознанию ими исторического пути страны, формированию правильных ценностных ориентиров и повышению чувства социальной ответственности [9]. Через изучение песен эпохи борьбы за освобождение молодёжь приобщается к героическому прошлому, что воспитывает уважение к предкам, гордость за родину и готовность служить обществу. Музыка Сянь Синхая занимает особое место среди таких произведений, ведь он сознательно стремился к «универсальной музыке», понятной каждому китайцу. Его хоровые сюиты, песни и марши легко исполняются и запоминаются, они богаты мелодией и ритмом, вызывающим эмоциональный подъём. Исследователи отмечают, что в «Жёлтой реке» используются простые, но мощные средства музыкальной выразительности – широкие мелодические линии, скандируемые ритмы, мажорные гармонии – всё это облегчает восприятие и побуждает слушателей (в том числе молодых) активно сопереживать и даже подпевать [10]. Таким образом достигается глубокий эмоциональный отклик аудитории и эффект сопричастности, когда слушатель ощущает себя частью большого исторического процесса.

Через механизм эмоционального вовлечения музыка Сянь Синхая выполняет важную воспитательную функцию – она формирует ценностно-смысловое поле, в котором актуализируются понятия патриотизма, коллективной солидарности, героизма и надежды. По мнению Шэнь Юйхуа, красочные образы и мелодии таких песен, как «Жёлтая река» или «Гимн героической армии», способствуют становлению у молодёжи определённого идеала гражданского поведения и укрепляют их идентичность как наследников великих традиций [4]. Другими словами, постоянное обращение

к музыкальным символам национальной истории помогает молодым людям осознать себя частью единого народа (нации) с общей судьбой. Это и есть процесс формирования личностной и гражданской идентичности средствами искусства. С точки зрения Тороповой, здесь проявляется работа интонирующего сознания на коллективном уровне: совместное музицирование (например, хоровое исполнение патриотической песни) создаёт резонанс переживаний «Я и Мы», закрепляет архетипические образы (образ Родины-реки, образ борца за свободу) в психике участников и слушателей [6].

Важно подчеркнуть, что такой процесс имеет устойчивый результат, поскольку опирается не на прямое рациональное внушение, а на бессознательное усвоение ценностей через эмоциональный опыт. Именно об этом говорит Торопова, называя музыкальное сознание «архивом аффективно-оценочных значимостей» – переживания, закодированные в музыке, хранятся в памяти и продолжают влиять на поведение и взгляды личности [6]. Таким образом, когда в образовательном процессе используются произведения Сянь Синхая, происходит не просто знакомство с историей и культурой, но и глубинное воспитание чувств. Музыка интонирует нравственный смысл – и этот смысл запечатлевается в сознании учеников как часть их собственной ценностной картины мира.

Объединяя взгляды А.В.Тороповой и выводы китайских исследователей, можно заключить, что педагогическая ценность творчества Сянь Синхая обусловлена его способностью задействовать интонирующую природу музыкального сознания обучающихся. Его музыка опирается на архетипические интонации (народные мелодии, ритмы маршей и гимнов), которые близки психологии восприятия и вызывают у слушателей сильный отклик, объединяя индивидуальное переживание с коллективным смыслом. Воспитанник, приобщаясь к этой музыке, невольно сонастраивается с «голосом» своей культуры, ощущает эмоциональную связь с историческим опытом народа. В результате у него формируется музыкально-языковое сознание, насыщенное гуманистическими и патриотическими смыслами, а это сознание в дальнейшем направляет его ценностные суждения и поступки. Такой подход согласуется и с современными задачами образования: как отмечается в китайских работах, красная музыкальная традиция служит средством внедрения в молодёжную среду ключевых ценностей (爱国主义 – патриотизм, 集体主义 –

коллективизм, 社会主义信念 – приверженность идеалам социализма и др.) [4]. Музыка Сянь Синхая, проверенная временем и обладающая высокой художественной выразительностью, эффективно выполняет эту миссию.

Выводы

Интонирующая природа музыкального сознания – базовое свойство психики, заключающееся в способности выражать и разделять переживания через звук, – создаёт основу для формирования мировоззренческих и ценностных установок личности. Музыка на уровне интонаций аккумулирует культурные смыслы и через эмоциональный отклик передаёт их от поколения к поколению.

Творчество Сянь Синхая демонстрирует действие интонирующего сознания в масштабах целого народа. Опираясь на народные интонации и актуализируя коллективные эмоции (страдание, гнев, надежду), его музыка стала интонированным выражением национального духа. Произведения композитора – яркий пример того, как искусство превращает реальный исторический опыт народа в символические звуковые образы, обладающие мощным воспитательным потенциалом.

Педагогическая ценность музыки Сянь Синхая состоит в её способности формировать у обучающихся музыкальное сознание, наполненное патриотическими и гуманистическими смыслами. Через исполнение и слушание этих произведений студенты усваивают архетипические интонации своей культуры, что способствует развитию их личностной идентичности (осознания себя частью нации с общей исторической судьбой) и укреплению нравственных качеств (любви к Родине, уважения к героическому прошлому, готовности к коллективному действию во благо общества).

Синтез подходов – антропологической теории Тороповой и культурно-психологических исследований китайских авторов – показал, что музыкальное воспитание наиболее эффективно тогда, когда оно затрагивает глубинные пласты психики через интонирование. Использование в образовании таких произведений, как кантата «Хуанхэ», обеспечивает не только передачу знаний об истории и культуре, но и эмоционально-ценностное развитие личности. Это позволяет воспитывать гармонично развитых индивидов, соединяющих в себе музыкальную восприимчивость, национальное самосознание и устойчивые нравственные идеалы.

Таким образом, интонирующая природа музыкального сознания проявляется в педагогическом осмыслении наследия Сянь Синхая как ключ к пониманию того, каким образом музыка формирует человека. Его творчество служит примером единства художественного и воспитательного начал: интонация превращается в носитель смысла, а музыкальное искусство – в школу жизни, где учащиеся через приобщение к великой музыке усваивают вечные ценности и находят свои духовные ориентиры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Торопова А.В. Интонирующая природа психики: музыкально-психологическая антропология: монография / А.В. Торопова. 2-е изд. М.: МПГУ, 2018. 338 с.
2. Торопова А.В. Музыкально-психологическая антропология как междисциплинарная область научных знаний / А.В. Торопова // Музыкальное искусство и образование. 2019. Т. 7. № 2. С. 24–40.
3. Хэ Шунянь, Чэнь Хунцзюнь. Четырёхмерная интерпретация характеристики «народности» в музыкальном творчестве Сянь Синхая [J] / Хэ Шунянь, Чэнь Хунцзюнь // Вестник Консерватории им. Сянь Синхая. 2025. № 3. С. 28–34.
4. Шэнь Юйхуа, Ван Гэншэн. Историческое отражение и культурная преемственность духа КПК в произведениях красной музыки [J] / Шэнь Юйхуа, Ван Гэншэн // Китайский музыкальный театр. 2024. № 12. С. 137–141.
5. Юэ Хэдун. Национальный дух и художественные приёмы в оратории «Хуанхэ» [J] / Юэ Хэдун // Голос Хуанхэ. 2025. № 04. С. 12–15.
6. Торопова А.В. Феномен музыкального сознания как орудие структурирования внутренней реальности личности / А.В. Торопова // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2010. Вып. 1(16). С. 97–112.
7. Сун Жунхао. Краткое изложение мыслей Сянь Синхая о музыкальном воспитании [J] / Сун Жунхао // Профобразование и карьера. 2024. № 3. С. 45–48.
8. Чжан Чэнхуа. О выявлении и реконструкции ценности классической красной музыки Сянь Синхая в условиях смены эпох [J] / Чжан Чэнхуа // Вестник Линнаньского педагогического университета. 2024. № 6. С. 32–38.
9. Тань Цзюань. Внедрение ресурсов красной музыки в вузовские профессиональные курсы: модель идеологического воспитания [J] / Тань Цзюань // Голос Хуанхэ. 2025. № 23. С. 16–19.
10. Чжан Ифань, Юй Ян. «Хуанхэ» и феномен «красной канонизации» образа реки Хуанхэ [J] / Чжан Ифань, Юй Ян // Вестник Аньянского педагогического института. 2023. № 01. С. 148–152.

REFERENCES

1. Toropova A.V. Intoniruyushchaya priroda psikhiki: muzykal'no-psikhologicheskaya antropologiya: monografiya / A.V. Toropova. 2-e izd. M.: MPGU, 2018. 338 p.

2. Toropova A.V. Muzykal'no-psikhologicheskaya antropologiya kak mezhdisciplinarnaya oblast' nauchnykh znaniy / A.V. Toropova // Muzykal'noe iskusstvo i obrazovanie. 2019. T. 7. № 2. Pp. 24–40.
3. Kheh Shunyan', Chehn' Khunczyun'. Chetyryokhmernaya interpretaciya kharakteristiki «narodnosti» v muzykal'nom tvorchestve Syan' Sinkhaya [J] / Kheh Shunyan', Chehn' Khunczyun' // Vestnik Konservatorii im. Syan' Sinkhaya. 2025. № 3. Pp. 28–34.
4. Shehn' Yujkhua, Van Gehnshehn. Istoricheskoe otrazhenie i kul'turnaya preemstvennost' dukha KPK v proizvedeniyakh krasnoj muzyki [J] / Shehn' Yujkhua, Van Gehnshehn // Kitajskij muzykal'nyj teatr. 2024. № 12. Pp. 137–141.
5. Yueh Khehdun. Nacional'nyj dukh i khudozhestvennye priyomy v oratorii «KhuankhEH» [J] / Yueh Khehdun // Golos Khuankheh. 2025. № 04. Pp. 12–15.
6. Toropova A.V. Fenomen muzykal'nogo soznaniya kak orudie strukturirovaniya vnutrennej real'nosti lichnosti / A.V. Toropova // Vestnik PSTGU. Seriya IV: Pedagogika. Psikhologiya. 2010. Vyp. 1(16). Pp. 97–112.
7. Sun Zhunkhao. Kratkoe izlozhenie myslej Syan' Sinkhaya o muzykal'nom vospitanii [J] / Sun Zhunkhao // Profobrazovanie i kar'era. 2024. № 3. Pp. 45–48.
8. Chzhan Chehnhua. O vyavlenii i rekonstrukcii cennosti klassicheskoy krasnoj muzyki Syan' Sinkhaya v usloviyakh smeny ehpokh [J] / Chzhan Chehnhua // Vestnik Linnan'skogo pedagogicheskogo universiteta. 2024. № 6. Pp. 32–38.
9. Tan' Czyuan'. Vnedrenie resursov krasnoj muzyki v vuzovskie professional'nye kursy: model' ideologicheskogo vospitaniya [J] / Tan' Czyuan' // Golos Khuankheh. 2025. № 23. Pp. 16–19.
10. Chzhan Ifan', Yuj Yan. «KhuankhEH» i fenomen «krasnoj kanonizacii» obraza reki Khuankheh [J] / Chzhan Ifan', Yuj Yan // Vestnik An'yanskogo pedagogicheskogo instituta. 2023. № 01. Pp. 148–152.

КАТХАНОВА

Юлия Фёдоровна,

доктор педагогических наук,
профессор ФГБОУ ВО «Московский
педагогический государственный
университет»

Yulia Fedorovna

KATKHANOVA,

Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor, Moscow Pedagogical
State University

ЛУ Хунюнь,

аспирант Института изящных искусств
ФГБОУ ВО «Московский
педагогический государственный
университет»,
e-mail: luhooyoking@gmail.com

LU Hongyun,

postgraduate student at the Institute
of Fine Arts, Moscow Pedagogical
State University,
e-mail: luhooyoking@gmail.com

Методика профильного обучения в бинарных мастер-классах китайско-российских центров искусств

Статья посвящена разработке и анализу инновационной методики профильного обучения, реализуемой в рамках сети китайско-российских центров искусств. Методика основана на принципе бинарности, предполагающем системное сопоставление и творческий синтез художественных традиций России и Китая через совместное преподавание мастеров двух стран. В работе представлена теоретическая модель методики, опирающаяся на диалогический и сравнительно-культурологический подходы. На основе эмпирических данных с семи экспериментальных площадок детально раскрывается её практическая реализация: от проектирования бинарных мастер-классов до оценки образовательных результатов. Приводятся количественные и качественные показатели эффективности, демонстрирующие значительный рост профессиональных компетенций, межкультурной компетентности и творческой продуктивности обучающихся. Делается вывод о высокой результативности методики как инструмента подготовки конкурентоспособных специалистов для глобального арт-рынка.

Ключевые слова: художественное образование, профильное обучение, бинарный мастер-класс, китайско-российское сотрудничество, межкультурная педагогика, методика обучения, традиционное искусство.

Methodology of specialized training in binary master classes of the chinese-russian centers of arts

This article is devoted to the development and analysis of an innovative methodology for specialized (profile) training implemented within the network of chinese-russian centers of arts. The methodology is based on the principle of binarity, which involves the systematic comparison and creative synthesis of Russian and Chinese artistic traditions through the co-teaching of masters from both countries. The work presents a theoretical model of the methodology, relying on dialogical

and comparative cultural studies approaches. Based on empirical data from seven experimental platforms, its practical implementation is detailed from the design of binary master classes to the assessment of educational outcomes. Quantitative and qualitative indicators of effectiveness are provided, demonstrating significant growth in students' professional competencies, intercultural competence, and creative productivity. The conclusion highlights the high efficacy of this methodology as a tool for training competitive specialists for the global art market.

Keywords: arts education, specialized (profile) training, binary master class, chinese-russian cooperation, intercultural pedagogy, teaching methodology, traditional art.

Введение

Современный этап развития высшего художественного образования характеризуется поиском моделей, адекватных вызовам глобализации и диверсификации творческих индустрий. В этом контексте особую актуальность приобретают методики, формирующие у будущих художников, дизайнеров и искусствоведов способность к межкультурной коммуникации и инновационному синтезу на стыке различных традиций. Практика сети китайско-российских центров искусств (7 центров, 2024–2026 гг.) стала уникальной экспериментальной базой для создания такой методики. Её ядром является **бинарный мастер-класс** – особая организационная форма, где совместно работают носители двух художественных культур. **Целью** данной статьи является представление целостной методики профильного обучения, построенной вокруг бинарных мастер-классов, её теоретическое обоснование и анализ эффективности на основании совокупных данных эксперимента. **Научная новизна** заключается в систематизации принципов и технологий бинарного обучения, ранее не описанных в КНР в педагогике искусства с такой полнотой.

1. Теоретические основы методики бинарного обучения

Методика выстроена на синтезе следующих теоретических положений:

Диалогический подход (М.М. Бахтин). Бинарный мастер-класс трактуется как организованное пространство диалога, где «встречаются» не только педагоги, но и целые культурно-эстетические системы. Задача обучения – не механическое усвоение двух техник,

а порождение личного творческого «высказывания» студента в поле напряжённости между этими системами.

Принцип сравнительного культуроведения. Профилизация осуществляется через глубокое погружение в логику двух различных художественных языков. Сравнение техник (например, русской многослойной акварели и китайской живописи «се-и») идёт на уровнях философии (мимезис vs. выражение «ци»), технологии, символики формы и цвета.

Концепция «третьего пространства» (Хоми К. Бхабха). Образовательный процесс направлен на созидание «третьего», гибридного пространства культуры, где элементы русской и китайской традиций, утрачивая свою абсолютную автономию, порождают новые смыслы и формы.

Проектно-деятельностная парадигма. Профильная специализация закрепляется через сквозную проектную деятельность, итогом которой становится создание завершённого продукта (коллекция, роспись, дизайн-проект), синтезирующего изученные традиции.

2. Практическая реализация методики: структура, содержание, технологии

На основе анализа работы всех семи центров можно выделить универсальную структуру методики.

2.1. Организационно-педагогические принципы бинарных мастер-классов:

- **Дуальность состава преподавателей:** каждое направление курируют два мастера-педагога (российский и китайский), обладающие как virtuoso-владением традиционной техникой, так и открытостью к диалогу.

- **Спиральная структура содержания:** учебный материал построен по принципу «от дихотомии к синтезу». На начальном этапе параллельно изучаются каноны двух традиций (напр., конструкция русского сарафана и китайского ханьфу в Центре костюма в Москве), затем проводятся сравнительные анализ и упражнения, а финальной целью становится создание авторского произведения, преодолевающего бинарность.

- **Контекстуализация:** изучение техник неразрывно связано с их культурным и историческим контекстом (символика орнамента, связь с природной средой, ритуальная функция), что обеспечивает глубину межкультурного понимания.

2.2. Многоуровневая модель образовательного процесса (на примере обобщённых данных):

Уровень 1: Техничко-репродуктивный (адаптация). Цель – формирование «базового билингвизма». За 1–3 месяца студенты овладевают foundational skills двух традиций. Результат по сети: в среднем 90% студентов успешно осваивают базовые техники (от 94% в Харбине по народному искусству до 87% в Санкт-Петербурге по скульптуре).

Уровень 2: Компаративно-проектный (осмысление). Цель – развитие аналитического и критического мышления. Выполняются задания на сравнение и интерпретацию (напр., тема «Вода в русском и китайском пейзаже» в Сучжоу). Запускаются первые проекты. Результат: создано более 1200 промежуточных работ, проведено 86 совместных выставок и пленэров.

Уровень 3: Синтетически-инновационный (создание). Цель – профессиональная самореализация. Разработка и реализация дипломного проекта (арт-объект, коллекция, исследование), представляющего авторский синтез. Результат: защищено 217 дипломных проектов, 14 из которых реализованы в городской среде (Казань), 6 коллекций представлены на неделях моды (Москва).

2.3. Ключевые педагогические технологии:

- **Технология «перекрёстного воплощения»:** мастер одной культуры выполняет задание в технике и стилистике партнёра (китайский художник пишет акварель в русской реалистической манере, российский – работает в технике «се-и»). Это мощный инструмент эмпатии и деконструкции стереотипов.

- **Проектные лаборатории с отраслевыми партнёрами:** в работу над финальными проектами включаются представители индустрии (дизайн-бюро, архитектурные фирмы, театры). В Центре кукол в Пекине 10 спектаклей были созданы совместно с драматургами.

- **Цифровое сопровождение (Digital Twin):** создание цифровых двойников произведений для экспериментов с формой, цветом

и композицией перед работой в материале, особенно развито в Центрах скульптуры (СПб) и костюма (Москва).

3. Анализ эффективности и образовательные результаты: от количественных показателей к качественным трансформациям

Эффективность методики оценивалась по смешанной модели (mixed methods), включавшей количественный сбор данных и качественный анализ глубинных изменений.

3.1. Углублённый анализ количественных показателей (агрегированные данные за 18 месяцев)

Динамика освоения компетенций. Помимо общего показателя (89% выпускников овладели продвинутыми навыками), выявлена положительная корреляция между продолжительностью обучения на уровнях 2 и 3 и сложностью итоговых проектов. В центрах, где проектная фаза длилась 4+ месяца (Казань, Пекин), доля реализованных в городской/социальной среде проектов была на 35% выше, чем в центрах с более коротким циклом.

Масштаб творческой продукции. Создано 2274 работы. Важным индикатором является коэффициент трансформации традиции: 41% работ (около 930) были квалифицированы экспертами как «синтетические» или «гибридные», т.е. сознательно и концептуально объединяющие элементы обеих культур, а не просто соседствующие с ними. В Центре акварели в Сучжоу этот показатель достиг 58%.

Внешнее признание и профессиональная интеграция. 124 выставки включали 18 международных (за пределами России и Китая). Реализовано 42 внешних проекта, среди которых:

- **Паблик-арт объекты (Казань):** 14 проектов, суммарной площадью 2800 м², при непосредственном участии более 500 жителей в соавторстве (краудсорсинг эскизов, волонтерские программы).

- **Коллекции и продукты (Москва, Харбин):** 6 коллекций, представленных на Moscow Fashion Week и China International Fashion Week; запуск 2 малых инновационных предприятий для производства сувенирной продукции на основе студенческих разработок.

- **Спектакли и анимация (Пекин):** 10 кукольных спектаклей, 4 из которых вошли в репертуар муниципальных театров; создано

7 анимационных роликов, набравших более 2 млн просмотров на образовательных платформах.

Кадровый результат: 21% выпускников (167 чел.) продолжили карьеру в кросс-культурной нише. Проведённый через 6 месяцев после выпуска опрос показал, что 76% из них считают навык работы в бинарной среде ключевым конкурентным преимуществом при трудоустройстве.

3.2. Глубинный качественный анализ образовательных результатов

Качественные методы (экспертные интервью, анализ портфолио, фокус-группы) позволили выявить трансформации, не фиксируемые количественно:

Эволюция художественного мышления: выявлены три стадии:

- Бинарно-оппозиционная: Студент воспринимает традиции как противоположные («реализм vs. условность»).
- Аналитико-сравнительная: понимает внутреннюю логику каждой системы, видит их как разные «языки».
- Синтетически-интегративная: оперирует элементами обеих традиций как единым метаязыком для решения конкретной творческой задачи. К концу обучения 63% студентов продемонстрировали признаки 3-й стадии.

Формирование межкультурной рефлексивности: учащиеся развили способность к «децентрации» – умению критически оценивать собственную культурную позицию. В эссе-рефлексиях 78% студентов указали на пересмотр стереотипов о партнёрской культуре и углубление понимания собственной.

Развитие проектного и предпринимательского мышления: работа с реальными заказами (Харбин, Москва) и необходимость защиты концепции перед партнёрами сформировали навыки презентации, расчёта бюджета и понимания рынка. В Центре архитектуры в Ухане 3 студенческих проекта были приняты к реализации в рамках реставрационных программ города.

Возникновение новых художественных практик: методика стала генератором инновационных форматов:

- «Дигитальный фольклор» (Пекин, СПб): Анимация традиционных сказок с помощью 3D-моделирования кукол и VR-сред.

- «Экологический синтез» (Сучжоу, Казань): Использование природных пигментов и sustainable материалов в монументальных работах, объединяющих эстетику двух культур.

- «Живой архив» (Ухань): Создание интерактивных 3D-моделей утраченных памятников архитектуры с дополненной реальностью.

Заключение: методологическая значимость и стратегические горизонты

Разработанная и апробированная методика профильного обучения в бинарных мастер-классах представляет собой значимый вклад в педагогику искусства и теорию межкультурного образования.

1. Методологическая ценность

- Операционализация диалога культур: Методика переводит абстрактную идею диалога в конкретные педагогические инструменты («перекрёстное воплощение», «культурный конструктор»), создавая воспроизводимый алгоритм.

- Модель «трансформативной» профилизации: Она выходит за рамки узкой специализации, формируя «специалиста-синтезатора», чей профиль определяется не техникой, а уникальной способностью к кросс-культурной медиации и инновации.

- Интеграция онтологического и технологического аспектов: Методика успешно соединяет глубокое погружение в традицию (онтология культуры) с использованием цифровых инструментов и проектных методов (технологии современного творчества).

2. Практическая эффективность и воспроизводимость

Универсальная трёхуровневая структура и набор технологий доказали свою адаптивность к различным художественным дисциплинам (от декора до монументальной живописи). Успех на семи разнородных площадках подтверждает воспроизводимость модели в условиях разных институциональных и городских контекстов.

3. Стратегические перспективы и рекомендации

На основе выводов предлагаются следующие векторы развития:

- Масштабирование и тиражирование: адаптация методики для других бинарных пар (например, российско-японский, китайско-европейский центры) с учётом специфики новых культурных диалогов.

- Цифровая экосистема: создание единой онлайн-платформы для архивации лучших практик бинарных мастер-классов,

виртуальных выставок синтетических работ и проведения дистанционных коллаборативных проектов между центрами.

– Глубокая интеграция с креативными индустриями: формирование на базе центров «инновационных кластеров», где образовательный процесс напрямую связан с R&D-задачами предприятий лёгкой промышленности, IT-сектора и туризма.

– Научно-исследовательское сопровождение: учреждение междисциплинарной лаборатории для долгосрочного изучения воздействия такого образования на карьерные траектории выпускников и их роль в формировании глобального культурного ландшафта.

Таким образом, данная методика преодолевает узко-прикладные задачи, предлагая целостную образовательную философию для XXI века – философию, в которой уважение к корням и смелость синтеза становятся основой для подготовки творцов будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ломов С.П. Дружба навеки. Очерки истории сотрудничества СССР и КНР (1949–1960 гг.): Коллективная монография / С.П. Ломов. М., 2018. С. 210–228 (в соавторстве).
2. Бхабха Х.К. Место культуры / Х.К. Бхабха. М.: РОССПЭН, 2004. 288 с.
3. Вершловский С.Г. Педагогика диалога культур: современные подходы к проектированию содержания образования / С.Г. Вершловский // Педагогика. 2017. № 8. С. 34–42.
4. Григорьева Т.П. Движение красоты: Размышления о японской культуре / Т.П. Григорьева. М.: Вост. лит., 2005. 358 с. (для сравнительного анализа восточной эстетики).
5. Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
6. Масол Л.М. Сучасна мистецька освіта: теорія та методика / Л.М. Масол. К.: Знання, 2010. 367 с.
7. Поставнова В.М. Интеркультурная педагогика / В.М. Поставнова. М.: МПГУ, 2017. 210 с.
8. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования по направлениям подготовки 54.00.00 «Изобразительное и прикладные виды искусств». М., 2022.
9. Хуторской А.В. Методология педагогики: человекообразный подход / А.В. Хуторской. М.: Эйдос, 2019. 444 с.
10. Якиманская И.С. Личностно-ориентированное обучение в современной школе / И.С. Якиманская. М.: Сентябрь, 1996. 96 с.

REFERENCES

1. Lomov S.P. Druzhba naveki. Ocherki istorii sotrudnichestva SSSR i KNR (1949–1960 gg.): Kollektivnaya monografiya / S.P. Lomov. M., 2018. Pp. 210–228 (v soavtorstve).
2. Bkhabkha KH.K. Mesto kul'tury / KH.K. Bkhabkha. M.: ROSSPEHN, 2004. 288 p.
3. Vershlovskij S.G. Pedagogika dialoga kul'tur: sovremennye podkhody k proektirovaniyu sodержaniya obrazovaniya / S.G. Vershlovskij // Pedagogika. 2017. № 8. Pp. 34–42.
4. Grigor'eva T.P. Dvizhenie krasoty: Razmyshleniya o yaponskoj kul'ture / T.P. Grigor'eva. M.: Vost. lit., 2005. 358 p. (dlya sravnitel'nogo analiza vostochnoj ehstetiki).
5. Lotman YU.M. Semiosfera / YU.M. Lotman. SPb.: Iskusstvo-SPb, 2000. 704 p.
6. Masol L.M. Suchasna mistec'ka osvita: teoriya ta metodika / L.M. Masol. K.: Znannya, 2010. 367 p.
7. Postavnova V.M. Interkul'turnaya pedagogika / V.M. Postavnova. M.: MPGU, 2017. 210 p.
8. Federal'nye gosudarstvennye obrazovatel'nye standarty vysshego obrazovaniya po napravleniyam podgotovki 54.00.00 «Izobrazitel'noe i prikladnye vidy iskusstv». M., 2022.
9. Khutorskoj A.V. Metodologiya pedagogiki: chelovekosoobraznyj podkhod / A.V. Khutorskoj. M.: Ehjdos, 2019. 444 p.
10. Yakimanskaya I.S. Lichnostno-orientirovannoe obuchenie v sovremennoj shkole / I.S. Yakimanskaya. M.: Sentyabr', 1996. 96 p.

Ци Вэньтин,

аспирант ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Qi Wenting,

Postgraduate Student,
St. Petersburg State Institute
of Culture

КОРНОУХОВ

Михаил Дмитриевич,

доктор педагогических наук,
профессор ГАОУ ВО «Ленинградский
государственный университет
имени А.С. Пушкина»,
e-mail: sobaka.mk@mail.ru

Mikhail Dmitrievich

KORNOUKHOV,

Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor A.S. Pushkin Leningrad
State University,
e-mail: sobaka.mk@mail.ru

Освоение жанра романса в вокальном классе китайских вузов как педагогическая задача

В статье раскрывается специфика постановки педагогических задач в освоении китайскими студентами жанра романса. Данный репертуарный сегмент – концентрированное проявление индивидуального стиля автора, национально-культурологического контекста и значимого поэтического текста. Камерное пение отличается от исконных народных песен и оперного бельканто. В нём очень многое зависит не только от певческой технологии, природных голосовых данных студента, но и от его творческих и аналитических способностей. Процесс освоения романсов связан с такими проблемами, как интеграция литературы и музыки, искусство слова, его смысловые значения; понимание интонации не только как звуковысотного феномена, а, прежде всего, выражения определённой эмоции; работа над лексической структурой и общей драматургии произведения; выражение национального стиля в его жанровой и культурологической составляющей. Это достаточно трудные педагогические задачи, напрямую не связанные с певческой технологией, тем не менее, их постановка и решение активно развивает музыкально-исполнительскую культуру студента-вокалиста, его рефлексивные способности и интерпретационные качества.

Ключевые слова: музыкальные вузы Китая, вокальный класс, жанр романса, педагогическая задача.

Mastering the romance genre in the vocal classes of chinese universities as a pedagogical task

This article explores the specifics of setting pedagogical objectives for mastering the romance genre by Chinese students. This repertoire segment is a concentrated manifestation of the author's individual style, national and cultural context, and significant poetic text. Chamber singing differs from traditional folk songs and operatic bel canto. Much depends not only on the student's singing technique and natural vocal abilities, but also on their creative and analytical abilities. Mastering romances involves such issues as the integration of literature and music, the art of words and their semantic meanings; an understanding of intonation not only as a pitch phenomenon, but, above all, as an expression of a specific emotion;

work on the lexical structure and overall dramaturgy of the work; and the expression of national style in its genre and cultural components. These are quite difficult pedagogical tasks, not directly related to singing technology; however, their formulation and solution actively develop the student vocalist's musical and performing culture, his or her reflective abilities and interpretive qualities.

Keywords: chinese music universities, vocal class, romance genre, pedagogical task.

Жанр романса имеет определённый способ певческого мышления и технологии, что выражается в приоритетах педагогического взаимодействия и играет решающую роль в интерпретации этих произведений. Сегодня основной характеристикой метода художественного пения в Китае является интеграция бельканто с национальным пением под руководством концепций лучших мировых вокальных методик [5]. Так называемый «китайский стиль пения» – это особая музыкальная концепция. В этом отношении премьер Чжоу Эньлай ещё в 1950-х годах сделал блестящее заявление: три стиля пения «Седая девушка», «Семь фей» и «Дама с камелиями» в конечном итоге сольются воедино, и возникнет новый стиль пения, а именно «китайский стиль пения» [14]. Многие учёные-музыковеды Китая подробно разбирали интерпретацию понятия «китайский метод пения». Сюе Цзяо считает, что «сфера применения «китайского пения» очень велика. Если оно основано на стиле пения китайского репертуара, то оно будет более ясным и прямым. Он подчёркивает, что «китайское пение» должно иметь четыре ключевых момента: язык, мелодию, культурный контекст и навыки пения, а певцы должны идеально и органично сочетать их в пении» [10, с.124].

Вместе с тем он полагает, что понятие «китайский метод пения» во многом уже устарело. Обычно под ним подразумевается синтез бельканто, народного и эстрадного пения, а пропорция должна основываться на содержании конкретного произведения. Этот последний момент является ключевым. И это особенно характерно для освоения китайскими студентами такого жанра камерной музыки как романс - концентрированное проявление индивидуального стиля, национально-культурологического контекста и значимого поэтического текста.

Камерное пение отличается от исконных народных песен и оперного бельканто в общем смысле [11]. В нём очень многое зависит не только от певческой технологии, природных голосовых

данных студента, но и от его рефлексивных и аналитических способностей. Это, в некоторой степени, особый стиль, очень сильно представляющий индивидуальный почерк композитора и национальный контекст. В качестве примера приведём русские романсы Глинки и немецкие песни Шуберта и Шумана – насколько они разные по стилистике и технологии освоения. Вместе с тем есть и общие, характерные педагогические задачи, в частности передача поэтического текста, самого ощущения языка, его «говорения» и донесения до публики. Эта задача в значительной степени нарушает традиционный оперный стиль пения, основанный на поставленных голосах, где уделяется внимание открытости горла и есть стремление к округлой и связной звуковой окраске.

Пение, ориентированное, в первую очередь, на смысловые значения текста является неременным правилом при исполнении романсов. Недаром, в Китае этот жанр называют «художественные песни», ставя во главу угла именно художественную ценность, а не вокальную технологию. Самое главное в освоении этого жанра – «чёткое произношение и округлая интонация», что не только отражает эстетические особенности китайского певческого искусства, но и является художественным критерием вокального пения нации. Внимание к по-разному интонируемому слову всегда было китайской фольклорной традицией. Так, например, певцам Пекинской оперы приходится создавать различные мелодии на основе четырёх тонов слов и сочетать их с мыслями и чувствами персонажей в пьесе, которые становятся стилем пения. При этом органическое соединение предложения, слова или ноты для формирования законченной фразы называется «пением в унисон».

«Словарь культуры пекинской оперы» полагает, что «синцян» – это музыкальный термин, в основном относящийся к трактовке стиля пения и использованию различных вокальных техник. Самое главное в этом стиле – это плавность, новизна и лёгкость. Различные варианты, такие как трактовка диапазона и регистра (относящиеся к категории стиля пения), силы и темпа, дыхания, должны быть контрастными и избегать монотонности. То есть в соответствии с текстом необходимо использовать динамические, темповые и штриховые контрасты и вариативность, особенно учитывая часто встречающуюся в этом жанре, куплетную форму. А уровень

исполнения романсов часто регулируется в таких параметрах, как «произношение», «тон», «мягкость голоса» и других аспектах.

Тексты романсов тесно связаны с языком и культурой. Они не только отражают глубину поэтического первоисточника, но и становятся ключевым интерпретационным индикатором освоения того или иного произведения. Учитывая сложности и семантику иностранных языков, это, в первую очередь отражается в правильности произношения и артикуляции как важного способа усиления музыкальной выразительности и прямого проявления индивидуальной красоты романсов, моделирующих органическое сочетание голоса и музыки. Лянь Лю справедливо замечает: «разделяйте текст на начало, середину и конец фразы. Чётко произносите начало фразы, удлиняйте середину фразы и аккуратно замыкайте конец фразы» [8, с.29]. Другими словами, чтобы правильно произносить слова, необходимо правильно анализировать и усваивать лексическую структуру всего романса. Каждое слово является естественной единицей речи. В свою очередь, слог состоит из мельчайших единиц речи - гласных и согласных. Правильность языка пения романсов необходимо исследовать, начиная с основных элементов его формы.

Интонация в современной фонетике – это определённая система высоты и изменения тона, которая служит, в том числе и для смысло-различения. Точное использование тонов является ключевым фактором правильности языка. Так, например, в древнекитайском языке существовало четыре тона: ровный (平声), восходящий (上声), нисходящий (去声) и входящий (入声) тоны. С точки зрения текстов китайских художественных песен, такие элементы, как тоны, ритм и структура, подчёркивают особенности национального языка, а также отражают это мышление в вокальной интерпретации. Тональная система, гармония стихосложения и композиционная логика текстов тесно связаны с традиционной китайской эстетикой, формируя уникальную выразительность, где мелодия и речевая интонация сливаются воедино.

Тоны играют роль смысло-различения. Инь Айцин писал: «пять звуков [музыкальной системы] основываются на четырёх тонах. Если тоны не соответствуют правилам, то и музыка теряет гармонию. Ровный, восходящий, нисходящий и входящий тоны должны быть

тщательно изучены; малейшая ошибка в их применении искажает смысл, и даже самая красивая мелодия станет бесполезной» [4, с.36]. Он подчёркивал, что неточное использование тонов искажает передаваемую мысль, и даже самое изысканное звучание не может это компенсировать. Главное – преобразовать звучание так, чтобы оно радовало слух; и сегодня хорошим певцом считается тот, кто меняет тон, сохраняя ясность слов» [там же].

В этом контексте мелодии романсов – это продолжение декламации, гиперболизированная форма тонов. По своей сути, мелодии, основанные на китайской фонетике, реализуют эстетическую ценность музыки через гармонизацию и контроль над тональными вариациями. Этот принцип характерен и для соотношения музыки и слова в романсах композиторов России и Европы. Из этого следует, что нахождение нужного тона – не только ключевое правило корректного произношения, но и важный критерий смысловой интерпретации любого романса. Он связывает речевую интонацию с музыкальной выразительностью, формируя уникальный синтез, где язык становится музыкой, а музыка – продолжением языка [7].

В романсах текст и мелодия сливаются воедино, подчёркивая особенности национальной речи и формируя естественную художественную вокальную эстетику. Интересно данный тезис прослеживается в сравнении нотных текстов оперных арий и романсов. Как справедливо замечает Ли Юе, «рамки музыки заключены в нотах, а её краски – в исполнении» [6, с.229]. В традиционной опере особое внимание уделяется интерпретации, поэтому орнаментировка играет ключевую роль. К этому относится применение так называемых декоративных звуков (форшлагги, глиссандо, фиоритуры и т.д.), которые добавляются как для гармонизации текста и мелодии, так и для чисто художественного украшения. Эти приёмы тесно связаны с технологической стороной исполнения, а также со сценическими компетенциями молодых вокалистов, нежели с художественными значениями произведения [5]. Помимо оперного жанра, орнаментика играет огромную роль в музыкальном фольклоре, своими разнообразными элементами создавая уникальный национальный стиль. Ли Юе отмечал: «Орнаментировка – это искусство, при котором исполнители народной музыки обогащают мелодии, наполняя их объёмом, колоритом и глубоким

эмоциональным содержанием, превращая их в совершенные художественные произведения» [6].

Он подчёркивал, что орнаментировка – это не только техника украшения, но и способ углубления и визуализации певческого языка. В китайских романсах орнаментировка ближе к импровизационной манере и проявляется в изменении длительности и высоты звуков вокруг основной мелодии, следуя эстетическому принципу «точность в слогах, округлость в звучании». Основные виды включают: прерывистое звучание (断腔), протяжное пение (拖腔), плачущие интонации (哭腔) и украшение декоративными звуками (装饰音润腔).

Эти приёмы, укоренённые в китайской культурной традиции, превращают музыку в многомерное искусство, где каждый звук несёт в себе «мини-историю» и соответствующую эмоцию. Прерывистое звучание (断腔) – это вокальная техника, основанная на контроле дыхания и манипуляциях с голосовыми связками, включающая приёмы паузы (顿), акцента (挫), обрыва (截) и разрыва (断). Её цель – придать вокальной линии эластичность, создавая эффект, когда звук прерывается, но дыхание продолжается, без нарушения целостности мелодии. В китайской художественной песне понятия «связности» и «прерывистости» относительны. Традиционная вокальная теория подчёркивает: «В южных напевах (南曲) доминирует связность, в северных (北曲) – прерывистость. Прерывается не только фраза или слог, но даже внутри одного иероглифа может быть несколько разрывов; только так можно раскрыть эмоциональную глубину» [там же].

Это показывает, что «прерывистое звучание» – это не просто технический приём, а инструмент художественной выразительности, подчёркивающий нюансы текста и эмоции романса. Эта техника требует точного расчёта: паузы не должны нарушать поток энергии музыкальной фразы, а акценты – исказить естественность речи в определённом темпоритме. Например, в произведениях, имитирующих плач или отчаяние, прерывистость усиливает драматизм, превращая пение в «звучащую живопись», где тишина между нотами говорит так же громко, как и сами звуки.

Так, например, в романсе «Сон обломанного моста» (стихи Хань Цзинтина, музыка Чжао Цзипина) с помощью яркой техники прерывистого звучания (断腔) передаёт трагическую историю любви Белой Змеи и Сюй Сяня. В исполнении важно свободно управлять силой звука, используя прерывистость для отражения контрастов движения и покоя, света и тени, а также внутреннего напряжения героини. В слове «你» («ни» – «тебя») из фразы «爱你» («люблю тебя») применяется метод прерывистой орнаментики: сила, громкость и тембр подчёркивают эмоциональные оттенки, передавая внутренние изменения чувств. Прерывания в фразах акцентируют горечь и обиду, а контрасты в динамике «тихо-громко» и «светло-темно» раскрашивают произведение, отражая душевное состояние героев. Особое внимание уделяется завершению звука перед паузой: оно должно быть лёгким, словно «намёком». После паузы начало следующего слога артикулируется чётко, с усиленной «выталкивающей» силой согласного, сочетая жёсткость и мягкость для передачи тонкости сюжета. При переходе от ноты g_1 к e_1 после произнесения «你» («ни») нельзя брать дыхание. На ноте e_1 следует петь гласный «i» из слога «ni», при этом наличие лиги (музыкального знака связности) требует умеренной громкости, чтобы подчеркнуть нарастание эмоций в последующих фразах «想你» («скучаю по тебе») и «找你» («ищу тебя»). Таким образом, техника прерывистости становится в этом романсе инструментом «звуковой живописи», где паузы и акценты превращают музыку в эмоциональный ландшафт, полный драматизма и поэтической глубины.

Передача поэтического текста в жанре романса в значительной степени является фактором, влияющим на стиль пения. Стиль – своеобразие художественного произведения в единстве содержания и формы, это устойчивые эстетические характеристики, проявляемые певцом при интерпретации произведения. Даже внутри единой романтической европейской традиции видны существенные стилистические градации. Насколько непохожи, например, создаваемые в одно время (первая половина XIX века) романсы А. Гурилёва и песни Ф. Мендельсона. Разные народы, живущие в различных географических условиях, обладают уникальными

культурными традициями [1]. Художественные формы, рождённые в этих традициях, неизбежно несут в себе национальные особенности.

Характерно это и для китайских романсов, которые часто создавались композиторами на основе народных мелодий, что имеет огромный просветительский эффект [13]. В качестве примера приведём «Гада Мэйлин» Сан Туна для баса и фортепиано, представляющий собой обработку народной песни. Стиль произведения, вдохновлённый глубокой культурой Монголии, передаёт образ могучей степи. Эта песня относится к жанру «чангдиао» (протяжные напевы), форме степной музыкальной культуры, считающейся визитной карточкой монгольского национального стиля. Фортепианная партия при этом отличается современной гармонией и фактурным размахом, сочетая академическую сложность с эффектностью концертного исполнения. Это сформировало узнаваемый стиль, где каждая фраза звучит как эхо бескрайних монгольских степей, а голосовое вибрато имитирует порывы ветра, несущегося над ковылём.

Одним из компонентов педагогической задачи освоения студентами в вокальном классе жанра романса является передача его эстетики как открытия красоты, выбора красоты, чувства красоты, переживания красоты и оценки красоты [9]. Формирование эстетического вкуса студента-вокалиста наиболее эффективно именно в этом репертуарном сегменте. Эстетика исполнения русских, европейских и китайских романсов это и характерный маркер уровня музыкальной культуры молодого певца. С этой точки зрения исполнение романсов не должно ограничиваться когнитивным уровнем освоения нотного текста и вокальной технологией, а стремиться в художественное восприятие и образность, сформированные национальным стилем и поэтическим текстом как определённых интерпретационных «ориентиров» или ограничительных барьеров в воображении. Такая интенция учебного процесса максимально развивает не только художественные, ассоциативные способности студента, но и его рефлексию.

Что касается непосредственно вокальных задач, то в романсовом жанре особенно остро стоит проблема воплощения тембральной окраски звука. Тембр напрямую должен передавать чувственный контекст поэтического текста и это весьма сложная задача для

начинающего певца. Тембр выступает как инструмент гармонического синтеза музыкального и поэтического языка романсов в единую, цельную форму акустического воплощения. Выстраивается интерпретационный алгоритм - мелодия и голос, голос и эмоции, эмоции и смысл. Романс становится не только носителем мыслей и эмоций композитора, но и гармоничным сопоставлением взаимоотношений человека, природы и общества. Именно это выражает вокалист посредством изменений в нотах, ритме, темпе, силе, эмоциях в освоении романсов, используя такие приёмы, как произношение, фраза и интонация в пении, а также гармоничное сосуществование смысла, контекста, эмоций и национального стиля [2].

Резюмируя, можно сказать, что процесс освоения жанра романса в вокальном классе должен учитывать и традиционные педагогические подходы, идти «в ногу со временем», но также внедрять инновационные методы, характеризующие данный репертуарный сегмент. Это, например, интеграция литературы и музыки, искусство слова, его смыслового значения. Понимание интонации не как звуковысотного феномена, а, прежде всего, выражения эмоции. Встраивание лексической структуры в общую драматургию произведения. И, конечно же, выражение национального стиля в его жанровой и культурологической составляющей. Это достаточно трудные педагогические задачи, напрямую не связанные с певческой технологией, тем не менее, их постановка и решение активно развивает музыкально-исполнительскую культуру студента-вокалиста, его рефлексивные способности и интерпретационные качества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гриневич Н.Г. Интегрированный подход к художественной культуре как фактор духовного формирования личности педагога искусства / Н.Г. Гриневич // Виды искусства и их взаимодействие: пособие для учителя / Б.П. Юсов, Е.П. Кабкова, Л.Н. Мун и др. М.: ИХО РАО, 2001. С. 202–210.
2. Джурицкий А.Н. Высшее образование в современном мире: тренды и проблемы / А.Н. Джурицкий. 2-е изд., испр. и доп. М.: Прометей, 2018. 218 с.
3. Ду Сывэй. Формирование певческих умений у вокалистов в высших учебных заведениях КНР: автореф. дис. ... канд. пед. наук: специальность 13.00.08 Теория

и методика профессионального образования / Ду Сывэй; [Моск. гос. ун-т культуры и искусств]. М., 2008. 24 с.

4. Инь Айцин. О модели подготовки кадров в педагогических вузах / Инь Айцин, Цзинь Шунь Ай // Китайское музыкальное образование. 2006. № 8. С. 34–37 (на китайском языке).

5. Корноухов М.Д. Методология музыкально-педагогических исследований: как нарисовать «птицу» / М. Д. Корноухов, Е. Н. Шумилова, Д. А. Потапов // Bulletin of Art and Education. – 2025. – № 7. – С. 7-14. – EDN QAHBVL.

6. Ли Юе. Китайское музыкальное образование в XX веке и его состояние на рубеже XX–XXI веков / Ли Юе // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 40. С. 225–230.

7. Лу Хуачжао. Педагогические условия развития вокально-исполнительского потенциала китайских студентов в образовательном процессе вуза: специальность 13.00.08 – Теория и методика профессионального образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Лу Хуачжао; [место защиты: Воронежский государственный университет]. Воронеж, 2018. 24 с.

8. Лянь Лю. Китайская современная опера в контексте влияния европейских традиций / Лянь Лю // Вестник Томского государственного университета. Серия «Культурология и искусствоведение». 2013. №3 (11). С. 25–33.

9. Рапацкая Л.А. Культурологический подход в отечественной педагогике музыкального образования: история и перспективы развития / Л.А. Рапацкая // Ценности и смыслы. 2016. № 6 (46). С. 6–15.

10. Сюе Цзяо. Обсуждение некоторых вопросов в преподавании романсов в высших учебных заведениях / Сюе Цзяо // Журнал Чаншаского института железнодорожного транспорта (издание по социальным наукам). 2012. № 4. С. 124–125 (на китайском языке).

11. Чжоу И. Четыре проблемы в преподавании романсов для музыкальной специальности педагогических вузов / Чжоу И // Музыкальное творчество. 2010. № 1. С. 162–163 (на китайском языке).

12. У. С. Дидактические принципы развития у китайских школьников способности восприятия музыки / У. С. У, М. Д. Корноухов // Антропологическая дидактика и воспитание. – 2025. – Т. 8, № 5. – С. 19-27. – EDN JTUBVR.

13. Шумилова Е.Н. Просветительский компонент профессиональной подготовки музыканта-педагога в вузе: учебное пособие / Е.Н. Шумилова, М.Д. Корноухов. СПб.: Астерион, 2022. 64 с.

14. Ян Хайюань. Эстетическая ценность и педагогическое значение жанра романсов / Ян Хайюань // Журнал Педагогического университета Внутренней Монголии (издание по педагогическим наукам). 2003. № 12. С. 125–127 (на китайском языке).

REFERENCES

1. Grinevich N.G. Integrirovannyj podkhod k khudozhestvennoj kul'ture kak faktor dukhovnogo formirovaniya lichnosti pedagoga iskusstva / N.G. Grinevich // Vidy iskusstva i ikh vzaimodejstvie: posobie dlya uchitelya / B.P. Yusov, E.P. Kabkova, L.N. Mun i dr. M.: IKHO RAO, 2001. Pp. 202–210.

2. Dzhurinskij A.N. Vysshee obrazovanie v sovremennom mire: trendy i problemy / A.N. Dzhurinskij. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Prometej, 2018. 218 p.

3. Du Syvehj. Formirovanie pevcheskikh umenij u vokalistov v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh KNR: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: special'nost' 13.00.08 Teoriya i metodika professional'nogo obrazovaniya / Du Syvehj; [Mosk. gos. un-t kul'tury i iskusstv]. M., 2008. 24 p.
4. In' Ajcin. O modeli podgotovki kadrov v pedagogicheskikh vuzakh / In' Ajcin, Czin' Shun' Aj // Kitajskoe muzykal'noe obrazovanie. 2006. № 8. Pp. 34–37 (na kitajskom yazyke).
5. Kornouhov M.D. Metodologiya muzykal'no-pedagogicheskikh issledovanij: kak narisovat' «pticu» / M. D. Kornouhov, E. N. Shumilova, D. A. Potapov // Bulletin of Art and Education. – 2025. – № 7. – Pp. 7-14. – EDN QAHBBL.
6. Li Yue. Kitajskoe muzykal'noe obrazovanie v XX veke i ego sostoyanie na rubezhe XX–XXI vekov / Li Yue // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2017. № 40. Pp. 225–230.
7. Lu Khuachzhao. Pedagogicheskie usloviya razvitiya vokal'no-ispolnitel'skogo potentsiala kitajskikh studentov v obrazovatel'nom processe vuza: special'nost' 13.00.08 – Teoriya i metodika professional'nogo obrazovaniya: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk / Lu Khuachzhao; [mesto zashchity: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet]. Voronezh, 2018. 24 p.
8. Lyan' Lyu. Kitajskaya sovremennaya opera v kontekste vliyaniya evropejskikh tradicij / Lyan' Lyu // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Kul'turologiya i iskusstvovedeniE». 2013. №3 (11). Pp. 25–33.
9. Rapackaya L.A. Kul'turologicheskij podkhod v otechestvennoj pedagogike muzykal'nogo obrazovaniya: istoriya i perspektivy razvitiya / L.A. Rapackaya // Cennosti i smysly. 2016. № 6 (46). Pp. 6–15.
10. Syue Czyao. Obsuzhdenie nekotorykh voprosov v prepodavanii romansov v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh / Syue Czyao // Zhurnal Chanshaskogo instituta zheleznodorozhnogo transporta (izdanie po social'nym naukam). 2012. № 4. Pp. 124–125 (na kitajskom yazyke).
11. Chzhou I. Chetyre problemy v prepodavanii romansov dlya muzykal'noj special'nosti pedagogicheskikh vuzov / Chzhou I // Muzykal'noe tvorchestvo. 2010. № 1. Pp. 162–163 (na kitajskom yazyke).
12. U. S. Didakticheskie principy razvitiya u kitajskikh shkol'nikov sposobnosti vospriyatiya muzyki / S. U, M. D. Kornouhov // Antropologicheskaya didaktika i vospitanie. – 2025. – T. 8, № 5. – Pp. 19-27. – EDN JTUBVR.
13. Shumilova E.N. Prosvetitel'skij komponent professional'noj podgotovki muzykanta-pedagoga v vuze: uchebnoe posobie / E.N. Shumilova, M.D. Kornoukhov. SPb.: Asterion, 2022. 64 p.
14. Yan Khajyuan'. Ehsteticheskaya cennost' i pedagogicheskoe znachenie zhanra romansov / Yan Khajyuan' // Zhurnal Pedagogicheskogo universiteta Vnutrennej Mongolii (izdanie po pedagogicheskim naukam). 2003. № 12. Pp. 125–127 (na kitajskom yazyke).

СЕВОСТЬЯНОВ

Дмитрий Анатольевич,

доктор философских наук, профессор
кафедры педагогики и психологии
ФГБОУ ВО «Новосибирский
государственный медицинский
университет»,
e-mail:
dmitry.sevostyanov1964@yandex.ru

**Dmitry Anatolyevich
SEVOSTYANOV,**

Doctor of Philosophy,
Professor of the Department
of Pedagogy and Psychology
of Novosibirsk State
Medical University
e-mail:
dmitry.sevostyanov1964@yandex.ru

АУМАН

Екатерина Александровна,

старший преподаватель кафедры
педагогики и психологии ФГБОУ ВО
«Новосибирский государственный
медицинский университет»,
e-mail: aumane@mail.ru

**Ekaterina Aleksandrovna
AUMAN,**

Senior Lecturer
at the Department of Pedagogy
and Psychology Novosibirsk State
Medical University,
e-mail: aumane@mail.ru

ТОЛСТОВА

Ирина Эдвиновна,

кандидат педагогических наук,
заведующая кафедрой
государственного и муниципального
администрирования ФГБОУ ВО
«Новосибирский государственный
аграрный университет»,
e-mail: irina_edvin@mail.ru

**Irina Edvinovna
TOLSTOVA,**

Candidate of Pedagogical Sciences,
Head of the Department of State
and Municipal Administration,
Novosibirsk State Agrarian
University,
e-mail: irina_edvin@mail.ru

Применение опросника аффилиации в структуре педагогической поддержки студентов медицинского университета

В статье рассматривается применение опросника аффилиации А. Мехабриана в структуре педагогической поддержки студентов медицинского университета. Показана необходимость изучения мотива аффилиации у студентов-медиков. Приводятся результаты пилотного исследования на базе Новосибирского государственного медицинского университета. Анализируется целесообразность ныне применяемых критериев оценки данного теста. Представлены рекомендации по оценке результатов теста, направленные на повышение информативности тестирования.

Ключевые слова: социономические профессии, мотив аффилиации, опросник аффилиации, педагогическая поддержка, информативность тестирования, нормативно-ориентированный подход.

Application of the affiliation questionnaire in the structure of pedagogical support for medical university students

The article discusses the application of A. Mekhabrian's affiliation questionnaire in the structure of pedagogical support for medical university students. It highlights the need to study the motive of affiliation among medical students. The article presents the results of a pilot study conducted at Novosibirsk State Medical University. It analyzes the appropriateness of the current evaluation criteria for this test. The article provides recommendations for evaluating the test results in order to enhance the information content of the testing process.

Keywords: socionomic professions, affiliation motive, affiliation questionnaire, pedagogical support, testing informativeness, normative-oriented approach.

Введение

Современное медицинское образование характеризуется исключительно высоким уровнем академической нагрузки, интенсивным межличностным взаимодействием в процессе обучения и ранним погружением в клиническую среду, сопряжённым с высокой ответственностью и эмоциональным напряжением [9, 10]. Эти факторы создают комплекс стрессоров, предъявляя повышенные требования к адаптивным ресурсам личности студента. Исследования показывают, что значительная часть обучающихся в медицинских вузах сталкивается с проблемами академического, личностного и межличностного характера, что при отсутствии своевременной поддержки может привести к снижению успеваемости и хроническому эмоциональному стрессу [10].

В этом контексте формирование эффективной системы педагогической поддержки становится стратегической задачей, направленной не только на помощь в усвоении знаний, но и на развитие психологического благополучия и профессионально значимых качеств будущих врачей [9, 11]. Одним из ключевых, но недостаточно изученных аспектов такой поддержки является работа с аффилиативными потребностями студентов. Аффилиация (от англ. Affiliation – «соединение, связь») понимается как базовая социальная потребность в установлении, поддержании и укреплении позитивных эмоциональных отношений с другими людьми [4].

Одним из важнейших аспектов работы с обучающимися в вузе является выявление и оценка мотива аффилиации [5]. Аффилиация проявляется в стремлении устанавливать близкие отношения, участвовать в совместной деятельности, получать удовлетворение

в процессе общения. Особое значение данный мотив приобретает в высшем медицинском образовании. Для медицинской профессии, по своей сути являющейся профессией помощи и взаимодействия, сформированная и гармоничная аффилиативная мотивация имеет особое значение. Она лежит в основе развития эмпатии, навыков терапевтического общения, способности работать в междисциплинарной команде и противостоять профессиональной деформации. Действительно, успешность будущей профессиональной деятельности медика в значительной мере определяется его способностью к продуктивному взаимодействию с людьми – как в рамках общения с пациентами и их родственниками, так и при выстраивании взаимоотношений внутри медицинского коллектива. Работа врача относится к категории социономических профессий, для которых, как считается, характерны повышенные требования к мотиву аффилиации. В частности, здесь востребован высокий уровень мотива «стремление к людям», в то время как мотив «боязнь быть отвергнутым» должен быть представлен слабо или быть средневыраженным, но не достигать больших значений.

Эффективность педагогической поддержки, направленной на развитие коммуникативных компетенций и социально-педагогической адаптации, напрямую зависит от точности первичной диагностики. Наиболее распространённым диагностическим инструментом для оценки уровня мотива аффилиации является известный опросник, составленный Альбертом Меграбяном (Меграбяном) в 1976 году (Mehrabian Affiliation Tendency Questionnaire, MAFF); в нашей стране в основном применяется его русскоязычная адаптированная версия, составленная С.А. Шапкиным. Этот опросник состоит из двух шкал – «Стремление к людям» (30 вопросов) и «Боязнь быть отвергнутым» (32 вопроса). В этом тесте традиционно используются следующие критерии оценки: низкое значение мотива констатируется, если по данной шкале набрано до 80 баллов, среднее значение – от 81 до 176 баллов, и высокое значение – если набрано 177 и более баллов [7]. Данная методика используется как самостоятельно, так и совместно с другими тестовыми методиками [1, 6]; в рамках как констатирующего, так и формирующего эксперимента [2, 3].

До настоящего времени применение данных критериев оценки в рамках этого теста в целом себя оправдывало, хотя по результатам ранее проведённых исследований среди студентов-медиков

подавляющее большинство испытуемых показывало средние значения по обеим шкалам, что не давало возможности составлять какие-либо значимые выводы в отношении этого большинства [8]. Таким образом, возникает методологическая проблема: стандартные критериальные рамки, заданные разработчиком, могут не учитывать специфики мотивационной сферы конкретной профессиональной группы (студентов-медиков), «сглаживая» индивидуальные различия. В результате информативность такого тестирования в целом оставляет желать лучшего, и трудозатраты при его проведении оказываются более значимыми, чем полученные таким образом результаты. Итак, возникает противоречие между объективной значимостью диагностики мотива аффилиации для педагогической поддержки студентов-медиков и возможностями её практической реализации с использованием стандартного диагностического инструментария. Целью предпринятого исследования стала апробация нормативно-ориентированного подхода к интерпретации результатов опросника аффилиации А. Мехрабина для повышения информативности диагностики в целях адресной педагогической поддержки студентов медицинского вуза.

Материалы и методы

В нашем исследовании приняло участие 168 студентов 1–2-х курсов лечебного, педиатрического и стоматологического факультетов Новосибирского государственного медицинского университета, из них 61 юноша и 107 девушек. Такое соотношение полов характерно для обследуемого контингента. Средний возраст испытуемых мужского пола составил $18,4 \pm 1,0$ год, женского пола – $18,4 \pm 1,1$ года. Был применён упоминавшийся выше опросник аффилиации Мехабриана (MAFF) в адаптации С. А. Шапкина; исследование проводилось на условиях анонимности. Данное исследование составляло часть учебного процесса по дисциплине «Психология и педагогика» в рамках изучения темы «Интерактивная сторона общения».

Результаты

По результатам проведённого исследования была подтверждена тенденция, выявленная ранее в работе А.Л. Церковского [8] (в нашем случае эта тенденция получила ещё более яркое выражение): согласно существующим критериям оценки, подавляющее

большинство испытуемых показало средние значения и мотива стремления к людям, и мотива боязни быть отвергнутым. Так, среди испытуемых мужского пола высокое значение мотива «Стремление к людям» не было выявлено ни у одного респондента, а низкое значение этого мотива определилось лишь у одного испытуемого (1,6%). Высокое значение мотива «Боязнь быть отвергнутым» отмечено у одного испытуемого мужского пола (1,6%), а низкое его значение – у 4 испытуемых (6,6%). Среди испытуемых женского пола картина оказалась аналогичной. И здесь высокое значение мотива «Стремление к людям» не было выявлено ни у кого, а низкое значение этого мотива – лишь у одной опрошенной (0,93%). Высокое значение мотива «Боязнь быть отвергнутым» отмечено у одной респондентки (0,93%), а низкое его значение – у 7 респонденток (6,5%). При этом случаев одновременного отклонения обоих мотивов от средних значений у одного и того же испытуемого не было выявлено ни у женского, ни у мужского пола. Приходится констатировать, что делать какие-либо далеко идущие выводы и выработать практические рекомендации на основании таких скудных итогов было бы затруднительно. Возникает вопрос, каким образом могут быть использованы такие данные при педагогической поддержке обучающихся. Вместе с тем, полученные результаты представляют собой весьма значительный объем данных, из которых все-таки может быть составлена определённая характеристика рассматриваемой выборки.

Так, имеет значение коэффициент вариации выявляемых признаков, вычисляемый как выраженное в процентах отношение стандартного отклонения к среднему значению рассматриваемого признака в выборке. Исходя из общей тенденции к большим отклонениям от средних значений любых показателей у мужского пола, чем у женского, можно было ожидать, что коэффициент вариации у мужского пола применительно к рассматриваемым мотивам окажется больше. Действительно, по шкале «Стремление к людям» коэффициент вариации у испытуемых мужского пола несколько выше (45,7 против 43,9), но в отношении шкалы «Боязнь быть отвергнутым» представители обоих полов показали один и тот же коэффициент вариации: 53,7.

Имеет значение наличие (или отсутствие) корреляционной связи этих шкал между собой. Можно было бы ожидать, что по результатам между этими шкалами (исходя из их содержания) будет наблюдаться

отрицательная корреляция: чем выше у того или иного испытуемого стремление к людям, тем ниже у него будет боязнь быть отвергнутым (и наоборот). В действительности же ни у мужского, ни у женского пола коэффициент корреляции между этими шкалами не достигает сколь-нибудь значимых величин (то есть корреляционная связь здесь фактически отсутствует); у женского пола $r = - 0,063$, у мужского пола $r = - 0,15$.

Что касается очевидно недостаточной информативности самого исследования, то она связана главным образом с тем, что в нём фактически применяется критериально-ориентированный подход. Иначе говоря, определение высокой или низкой выраженности каждого мотива производится по заранее определённым критериям, которые никак не зависят от свойств рассматриваемой выборки. В результате и возникает ситуация, при которой подавляющее большинство испытуемых оказывается среди «среднячков», что не позволяет сказать о мотивах каждого из них ничего определённого. В данном случае более результативным может стать нормативно-ориентированный подход, при котором высокие или низкие значения применительно к каждому мотиву определяются исходя из величины стандартного отклонения в пределах данной выборки. При этом высокий уровень мотива констатировался бы в том случае, когда среднее значение превышает на величину больше стандартного отклонения, а низкий уровень мотива – соответственно, когда значение отклоняется от среднего в меньшую сторону также на величину, превышающую стандартное отклонение. Наконец, значение мотива может оставаться в пределах среднеарифметического плюс-минус стандартное отклонение (и тогда оно будет считаться средним).

Ключевым результатом работы стал перерасчёт результатов на основе нормативно-ориентированного подхода. Средние значения и стандартные отклонения (σ) по каждому мотиву представлены в таблице 1.

Таблица 1

Среднеарифметические значения и стандартные отклонения по опроснику MAFF (округлено до десятых)

Шкала	Стремление к людям		Боязнь быть отвергнутым	
	Среднеарифметическое	Стандартное отклонение	Среднеарифметическое	Стандартное отклонение
Муж	114,2	20,5	108,4	22,8
Жен	124,7	19,6	116,5	25,8

Соответственно, для мужского пола средние значения мотива «Стремление к людям» будут находиться в промежутке от 94 до 135 баллов, а средние значения мотива «Боязнь быть отвергнутым» – от 86 до 131 балла. В свою очередь, у женского пола средние значения мотива «Стремление к людям» окажутся в промежутке от 105 до 144 баллов, а средние значения мотива «Боязнь быть отвергнутым» – от 91 до 142 балла. Следует подчеркнуть, что эти оценочные параметры могут считаться релевантными только для данной конкретной выборки. Если применить нормативно-ориентированный подход к изучению рассматриваемой выборки, то получаются следующие результаты (табл. 2).

Таблица 2

Результаты по опроснику MAFF при нормативно ориентированном подходе

Значение мотива	Стремление к людям						Боязнь быть отвергнутым					
	Высокое		Среднее		Низкое		Высокое		Среднее		Низкое	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Муж	8	13,1	42	68,9	11	18,0	7	11,5	46	75,4	8	13,1
Жен	15	14,0	77	72,0	15	14,0	19	17,8	75	70,1	13	12,1

Наконец, при данном подходе выявляются те испытуемые, у которых оба исследуемых мотива отклоняются от средних значений; выявление таких лиц критически важно для использования результатов тестирования в педагогической практике. Так, среди испытуемых мужского пола было выявлено 4 респондента, у которых и по шкале «Стремление к людям», и по шкале «Боязнь быть отвергнутым» были получены низкие результаты; среди испытуемых женского пола была выявлена одна такая респондентка. Это свидетельствует о том, что такой испытуемый, общаясь с людьми или

оставаясь в одиночестве, не испытывает от этого ни позитивных, ни негативных эмоций. Среди испытуемых мужского пола выявлено двое, а среди женского пола – четверо, у которых низкий мотив стремления к людям сопровождался высокой боязнью быть отвергнутым; такое сочетание неблагоприятно для работы в социомической профессии. У двух испытуемых женского пола высокое значение по шкале «Стремление к людям» сопровождалось низким значением по шкале «Боязнь быть отвергнутым»; это сочетание, напротив, благоприятно. Наконец, у одной респондентки по обеим шкалам получено высокое значение, что свидетельствует о внутриличностном конфликте: одновременно и боязнь людей, и стремление к ним. Отсюда видно, что данный подход обеспечивает значительно бóльшую информативность проведённого тестирования.

Обсуждение

Результаты исследования демонстрируют, что использование универсальных критериев оценки опросника аффилиации А. Мехрабиана [7] для специфической группы студентов-медиков приводит к «эффекту централизации», когда диагностический инструмент теряет свою дифференцирующую способность. Это согласуется с данными, полученными ранее А.Л. Церковским [8]. Предложенный нормативно-ориентированный подход, основанный на расчёте локальных выборочных норм, позволил преодолеть данное ограничение. Он дал возможность не только статистически описать группу (выявив, что у девушек показатели по обеим шкалам достоверно выше), но и, что важнее, выделить качественно различные мотивационные профили внутри, казалось бы, гомогенной «средней» группы.

Выявленные профили имеют прямую практическую значимость для системы педагогической и психологической поддержки в медицинском вузе: студенты с оптимальным профилем могут рассматриваться как ресурс для развития системы тьюторства и наставничества, вовлечения в организацию студенческой активности.

Студенты с избегающим профилем требуют первоочередного внимания психологической службы. Для них необходимы тренинги социальных навыков, индивидуальное консультирование, направленное на снижение тревоги, и создание безопасной образовательной среды.

Студенты с индифферентным профилем нуждаются в мотивационных интервенциях, пробуждении интереса к коммуникативной стороне будущей профессии (разбор клинических случаев), вовлечение в проекты, где важен командный результат.

Студенты с конфликтным профилем нуждаются в помощи по разрешению внутреннего конфликта, возможно, в форме индивидуальной психотерапевтической работы, направленной на гармонизацию самооценки и снижение зависимости от внешнего оценивания.

Заключение

Таким образом, применение опросника аффилиации в педагогической практике медицинского вуза является целесообразным, но требует методологической коррекции. Переход от критериально-ориентированной к нормативно-ориентированной интерпретации результатов при массовом обследовании студентов позволяет значительно повысить информативность методики. Это открывает возможности для построения индивидуализированной системы педагогической поддержки, основанной на данных о доминирующем мотивационном профиле аффилиации студента. Такая система может включать дифференцированные программы коммуникативных тренингов, адресное психологическое консультирование и оптимальное распределение студентов в учебные и проектные группы с учётом их социально-психологических особенностей. Дальнейшие исследования в данном направлении целесообразно связать с лонгитюдным изучением динамики мотива аффилиации в процессе профессионального становления студентов-медиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмадеева Е.В. Особенности самопредъявления юношей и девушек в период обучения в высшей школе / Е.В. Ахмадеева, С.А. Башкатов // Педагогическое образование в России. 2022. № 1. С. 120–128.
2. Беленкова Л.Ю. Развитие мотивационной сферы студентов педагогического вуза как условие их успешного профессионального становления / Л.Ю. Беленкова // Вестник Академии права и управления. 2016. № 3 (44). С. 183–192.
3. Дунаева Н.И. Формирование личностных образований, составляющих психологическую структуру сопротивляемости подростков, старшеклассников и студентов в условиях современной образовательной среды / Н.И. Дунаева // Вестник Мининского университета. 2024. № 4 (49). С. 13.
4. Евстратова Е.Ю. Особенности взаимосвязи мотивов аффилиации и социально-психологических установок студентов-психологов с различными стилями обучения

/ Е.Ю. Евстратова, Е.С. Малаховская, Н.Н. Асипчик // Современная зарубежная психология. 2024. Т. 13. № 1. С. 9–17.

5. Заяц А.Ю. Анализ современных исследований особенностей мотивации аффилиации у студентов с разным уровнем субъективной оценки межличностных отношений / А.Ю. Заяц, Т.А. Гурьянова // Форум молодых учёных. 2018. № 10 (26). С. 462–467.

6. Прокопьев Д.Л. Ценностные ориентации студентов, обучающихся на гуманитарных специальностях / Д.Л. Прокопьев // Вестник Курганского государственного университета. 2013. № 1 (28). С. 80–82.

7. Тарасова Е.М. Мотивация аффилиации у студентов поколения Z / Е.М. Тарасова, Л.Н. Разуваева // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2022. № 2. С. 36–46.

8. Церковский А.Л. Мотивация аффилиации и стрессоустойчивость студентов медицинского вуза / А.Л. Церковский // Вестник фармации. 2012. № 4 (58). С. 88–91.

9. Ardekani F., et al. Student support system for undergraduate medical students during the COVID-19 pandemic: A systematic narrative review of the literature // BMC Medical Education. 2021. Vol. 21. Article 352.

10. George A., et al. Student support system for medical undergraduates // Journal of Education and Health Promotion. 2021. Vol. 10. P. 150.

11. Tay N., et al. Assessing and improving Study Skills Support in Medical Education Through a Student-Staff Partnership: Mixed Methods Approach // JMIR Medical Education. 2025. Vol. 11.

REFERENCES

1. Ahmadeeva E.V. Osobnosti samopred'yavleniya yunoshej i devushek v period obucheniya v vysshej shkole / E.V. Ahmadeeva, S.A. Bashkatov // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2022. № 1. Pp. 120–128.

2. Belenkova L. YU. Razvitie motivacionnoj sfery studentov pedagogicheskogo vuza kak uslovie ih uspehnogo professional'nogo stanovleniya / L.YU. Belenkova // Vestnik Akademii prava i upravleniya. 2016. № 3 (44). Pp. 183–192.

3. Dunaeva N.I. Formirovanie lichnostnyh obrazovanij, sostavlyayushchih psihologicheskuyu strukturu soprotivlyaemosti podrostkov, starsheklassnikov i studentov v usloviyah sovremennoj obrazovatel'noj sredy / N.I. Dunaeva // Vestnik Mininskogo universiteta. 2024. № 4 (49). P. 13.

4. Evstratova E.Yu. Features of the Relationship between the Motives of Affiliation and the Socio-Psychological Attitudes of Psychology Students with Different Learning Styles / E.Yu. Evstratova, E.S. Malakhovskaya., N.N. Asipchik // Modern Foreign Psychology. 2024. Vol. 13. № 1. Pp. 9–17.

5. Zayac A.YU. Analiz sovremennyh issledovanij osobennostej motivacii affiliacii u studentov s raznym urovnem sub'ektivnoj ocenki mezhlichnostnyh otnoshenij / A.YU. Zayac, T.A. Gur'yanova // Forum molodyh uchenyh. 2018. № 10 (26). Pp. 462–467.

6. Prokop'ev D.L. Cennostnye orientacii studentov, obuchayushchihsya na gumanitarnyh special'nostyah / D.L. Prokop'ev // Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 1 (28). Pp. 80–82.

7. Tarasova E.M. Motivaciya affiliacii u studentov pokoleniya Z / E.M. Tarasova, L.N. Razuvaeva // Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Psihologicheskie nauki. 2022. № 2. Pp. 36–46.
8. Cerkovskij A.L. Motivaciya affiliacii i stressoustojchivost' studentov medicinskogo vuza / A. L. Cerkovskij // Vestnikfarmacii. 2012. № 4 (58). Pp. 88–91.
9. Ardekani F., et al. Student support system for undergraduate medical students during the COVID-19 pandemic: A systematic narrative review of the literature // BMC Medical Education. 2021. Vol. 21. Article 352.
10. George A., et al. Student support system for medical undergraduates // Journal of Education and Health Promotion. 2021. Vol. 10. P. 150.
11. Tay N., et al. Assessing and improving Study Skills Support in Medical Education Through a Student-Staff Partnership: Mixed Methods Approach // JMIR Medical Education. 2025. Vol. 11.

ВРАЖНОВА

Марина Николаевна,

доктор педагогических наук,
профессор кафедры инженерной
педагогике, социологии и управления,
ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-
дорожный государственный
технический университет (МАДИ)»,
e-mail: m.vrazhnova@sociomadi.ru

Marina Nikolaevna

VRAZHNOVA,

Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor of the Department
of Engineering Pedagogy, Sociology
and Management, Moscow Automobile
and Road Construction State Technical
University (MADI),
e-mail: m.vrazhnova@sociomadi.ru

ТЕРНОВАЯ

Людмила Олеговна,

доктор исторических наук, профессор,
заместитель главного редактора
журнала «Власть истории
и история власти»,
e-mail: ludmilaternovaya@yandex.ru

Lyudmila Olegovna

TERNOVAYA,

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Deputy Editor-in-Chief of the magazine
"The Power of History
and the History of Power",
e-mail: ludmilaternovaya@yandex.ru

**Студенческие путешествия
как социально-культурный феномен:
генезис, типология и актуальные проблемы**

Статья посвящена анализу студенческих путешествий как социально-педагогического феномена, имеющего глубокую историческую ретроспективу и широкие социально-профессиональные перспективы. Студенческие путешествия рассматриваются как важный инструмент социального и педагогического развития молодёжи, эволюционировавший от перемещений средневековых вагантов и образовательных поездок XVII–XIX вв. к современным формам образовательного туризма. Важным поворотом студенческих путешествий стали экспедиции рубежа XIX–XX столетий, отразившие основные запросы не только индустриального, но и духовного развития. После Второй мировой войны появились основания для развития массового молодёжного и студенческого туризма, который перерос в современные программы туристической активности и интеллектуальных обменов, играющих заметную роль в формировании гибких навыков, личностного роста и межкультурной компетенции.

Ключевые слова: студенческие путешествия, ваганты, святые покровители, паломничество, образовательный туризм, интеллектуальный обмен, межкультурная компетенция, волонтерство.

**Student travel as a socio-cultural phenomenon:
genesis, typology and current issues**

This article analyzes student travel as a socio-pedagogical phenomenon with a profound historical perspective and broad socio-professional prospects. Student travel is viewed as an important tool for the social and pedagogical development of young people, evolving from the movements of medieval vagants and the educational

trips of the 17th-19th centuries to modern forms of educational tourism. A significant turning point in student travel was the expeditions of the turn of the 19th and 20th centuries, reflecting the fundamental needs of not only industrial but also spiritual development. After World War II, the foundations for the development of mass youth and student tourism emerged, which evolved into modern programs of tourist activity and intellectual exchanges, playing a significant role in the development of soft skills, personal growth, and intercultural competence.

Keywords: student travel, vagants, patron saints, pilgrimage, educational tourism, intellectual exchange, intercultural competence, volunteering.

Введение

Студенчество исторически формировалось как интернациональная общность. Среди прочих факторов этому способствовала академическая мобильность, представленная феноменом «учёных странствий». В период Средневековья и эпоху Возрождения развивалась практика, когда школяры и преподаватели перемещались между европейскими университетскими центрами – Болоньи, Парижа, Оксфорда, Праги – для получения знаний. Этот процесс заложил основы интеллектуального и культурного обмена, и сейчас наполняющего глобальный поток знаний.

Вне зависимости от страны происхождения студента, академическую среду всегда объединяли общие интеллектуальные интересы, тяга к новым знаниям и формирование динамичного образа жизни, что в Средневековье способствовало не только стиранию феодальных границ, но и формированию нового типа личности. Не случайно, в одной из своих ранних пьес Уильяма Шекспира (1564–1616) «Два веронца» (англ. *The Two Gentlemen of Verona*) замечал, что «не развит ум у юных домоседов».

И в более позднее время эти две ветви социального и личностного развития были тесно переплетены в жизни учащейся молодёжи, активность которой заслуженно чаще всего характеризуется как «студенческое движение». Хотя само это определение возникло лишь в конце XIX в. вместе с другими социальными движениями, оно в отличие от рабочего или женского движения отразило сложный процесс социализации студенчества, начинавшийся с его стремления получать знания в редких университетских центрах и на каждом новом историческом этапе наполнявшийся смыслами, отражавшими как потребности эпохи, так и запросы самих молодых людей. В наши дни эти смыслы позволили студенческому движению приобрести направленность не только внутрь, но и обратно в мир в виде социальной отдачи в форме

волонтерства, научных экспедиций, экономической поддержки местных сообществ и пр. Такие новые качества актуализируют как научный, так и практический интерес к истории студенческих путешествий.

Ваганты: первые шаги путешествия с песней

Вагантов (лат. *vagari* – бродить) можно считать не только средневековыми бардами, но и интеллектуальными странниками. Они являлись продуктом взрывного роста городов и появления первых университетов (Болонья, Париж, Оксфорд), своеобразного «Ренессанса XII столетия». Студенческая жизнь тогда была по определению кочевой: молодые люди перемещались из одного университетского центра в другой в поисках лучших учителей, знаний или просто приключений.

Ваганты отличались от пилигримов и паломников. Целью их перемещений были не только стремление к знанию, свободе, удовольствию, но и к таким мирским радостям, как: вино, любовь, игры. Это резко контрастировало с поиском духовного спасения искупления грехов пилигримами и паломниками. Для молитвы и поклонения они отправлялись в святые места (Иерусалим, Рим, Сантьяго-де-Компостела). Маршрут вагантов был свободный, хаотичный, пролегал между университетскими городами и тавернами, он не имел строгого финала. Паломники же двигались по чётко определённой пути к конкретной святыне. Такой путь например, Святого Иакова, сам по себе был ритуалом. Ваганты были носителями земного, гуманистического мировоззрения, позволявшего воспевать радости бытия, выражать иронию и критиковать церковные и светские власти. Для пилигримов, обладавших религиозными, аскетичными взглядами, типично было отрицание мирского начала, покаяние, смирение, фокусировка на загробной жизни. Если ваганты в результате своего путешествия получали знание и опыт, оттачивали поэтическое мастерство, то паломникам обещалась духовная благодать, прощение грехов, укрепление в вере. Если паломник шёл от мира к Богу, то вагант шёл по миру ради самого мира и знания о нем. Их путешествие было не подвигом веры, а формой интеллектуальной и личной свободы.

Центральной в поэзии вагантов была идея странствия, дороги, бегства от скуки и нужды. Они не боялись оставить унылую учёбу и отправиться в путь. Ярче всего это настроение выражено в гимне

Ordo vagorum (Орден бродяг), который часто называю «Вагантской исповедью», где путешествие предстаёт как сущность бытия:

*Мы по свету бродим, мы по свету бродим,
И в тавернах воду хлещем, воду хлещем,
Нас зовут безбожниками, бродягами, ворами,
Нас зовут бродягами, и каждый нас бранит.
Нас ведёт надежда к пиршеству веселья,
Нас ведёт надежда к сладостным устам.
Нам закон – не унывать, нам закон – не унывать,
Нам закон – не унывать, смеяться и любить. [6]*

Это стихотворение входит в знаменитый сборник *Carmina Burana* (Песни Бойерна), составленный в XIII в. и найденный в баварском монастыре Бенедиктбойерн (нем. *Kloster Benediktbeuern*). Именно этот сборник в прошлом столетии положил на музыку немецкий композитор и музыкальный педагог эпохи позднего романтизма Карл Орф (1895–1992), создав свою знаменитую кантату.

Ваганты

Безусловно, эти путешествия были не только приятными, но и опасными. Поэтому у странствующих школяров появились свои святые заступники [17, с. 45–54]. Одно из самых известных и важных для студенчества чудес связано со Святым Николаем. Согласно средневековому житию, трое бедных школяров шли на учёбу в город.

По дороге они остановились на ночлег в придорожной гостинице или, вариант, у мясника. Хозяин-разбойник, желая завладеть их скудным имуществом, убил юношей ночью, изрубил тела и засалил в бочке, чтобы продать как мясо. Архиепископ Мирликийский, коим был Святой Николай, путешествуя тем же путём, также остановился в этой гостинице. Ночью ему было видение о злодеянии. Он подошёл к той самой бочке и совершил молитву. Благодаря его молитве юноши были воскрешены невредимыми и вышли из бочки живыми. Это чудо подчёркивает роль Святого Николая как защитника невинных, спасителя от смерти и покровителя молодёжи, находящейся как физическом, так и жизненном – пути получения знаний.

Сюжет «Чудо о трёх школярах», или «Чудо о трёх отроках», был чрезвычайно популярен в западноевропейской живописи, особенно в эпоху Возрождения. Его отразили такие итальянские мастера, как Амброджо Лоренцетти (ок. 1290–1348); Джентиле да Фабриано (1370–1427); Фра Беато Анжелико (между 1395 и 1400–1455). Эта трагическая история со счастливым концом была широко распространена в немецкой, французской и нидерландской живописи. Легенду часто изображали на створках алтарей, посвящённых Святому Николаю. Композиция обычно делилась на две или три части: сцена прибытия студентов и их приём хозяином; сцена убийства, которую иногда опускали; кульминация, когда Святой Николай, узнавший о преступлении, стоит у бочки и жестом благословения воскрешает юношей, которые вылезают из неё живыми и невредимыми. Хозяин-убийца изображается в смятении или разоблачённым.

*Джентиле да Фабриано. Алтарь Кваратези, предела –
Воскрешение трёх мальчиков святым Николаем*

Другим слагаемым исторической памяти об опасностях студенческих путешествий являются вещественные факты, связанные с жизнью и духовными подвигами святых. История тапочек святителя Спиридона Тримифунтского основана на предании, что в конце XIX – начале XX в. дипломатам удалось договориться, чтобы грехи, жившие в Турции, переселились на греческую территорию, а турки – на свои исторические земли. Греки забрали свои святыни, в том числе и мощи Святого Спиридона на остров Корфу. Вскоре служители заметили, что его тапочки обрели чудесную способность находиться там, где случилась беда. Родилось убеждение в том, что ночами Спиридон покидает своё место упокоения и помогает людям, иногда оставляя там, где побывал, свои тапочки. С тех пор решили, переоблачая мощи, оставлять тапочки для поклонения верующим в разных странах. В 2015 г. эта святыня пребывала в домовом храме святой мученицы Татьяны при Московском государственном университете.

Об актуальности для путешествующих студентов святого покровительства говорит тот факт, что образ «студента-путешественника» был настолько распространён, что не прошёл мимо Шекспира. Действие трагедии о Гамлете, принце датском, начинается с его возвращения в Данию из Виттенбергского университета, где он проходил обучение. В тексте пьесы и в литературоведческих работах подчёркивается, что он был не просто принцем, наследником престола, но и студентом, который совершал поездки между университетским городом и родным домом, для которого и отъезд из университета, и возвращение к учёбе воспринимались как обычные действие.

Безусловно, Гамлет не был одинок среди детей знати, получавшей образование вдали от дома. Болонский университет как старейший университет Европы, привлекал школяров со всего континента, особенно для изучения права. Хотя прямых упоминаний о конкретных представителях известных дворянских родов в доступных источниках нет, известно, что университетские корпорации («нации») формировались по географическому принципу, и в них входили в том числе дети знатных семей. Студенты часто путешествовали в составе групп или с наставниками, жили в «нациях» и, получив степень, возвращались домой, чтобы занять высокие должности. Эта традиция академической мобильности заложила основы современного международного студенческого обмена.

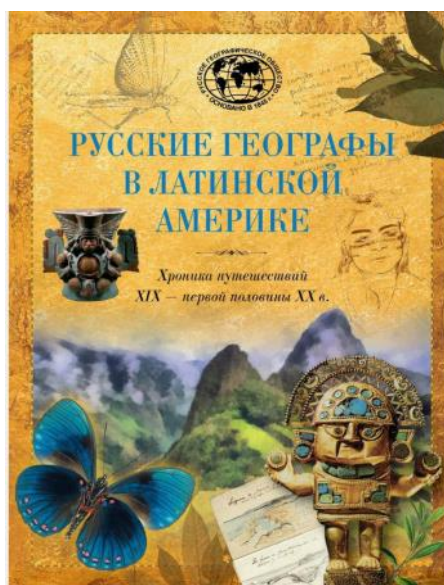

Расширение академической мобильности в Новое время

История показывает, что студенческие путешествия были тесно связаны с процессами модернизации и трансформации общества. Однако при этом образовательные поездки оставались прерогативой элиты. В XVII–XIX вв. подобные «гран-туры» (фр. *Grand Tour* – большое путешествие) становились неотъемлемой частью воспитания дворянства [8; 10, с. 54–63; 14]. Постепенно запросы молодых людей на ознакомительные поездки менялись. Они отражали как их внутренние потребности, связанные с изменением картины мира и рынка труда, так и с переменами в обществе. Например, на рубеже XIX–XX столетий все чаще встречаются сведения, что в России студенчество демократического толка отправлялось за границу для продолжения образования после исключения из университетов по политическим мотивам. Это превращало путешествия в инструмент формирования политической идентичности и интеллектуального протеста.

Конечно, рос интерес к поездкам студентов за границу с научными целями. Несколько лет назад Русским географическим обществом (РГО) была организована научная экспедиция «Русские географы в Латинской Америке» с целью поиска информации о деятельности русских географов в Южной Америке на рубеже XIX–XX вв. [11]. По итогам этой экспедиции издана книга о вкладе отечественных исследователей в изучение географии Латинской Америки [2].

Обложка книги «Великие русские экспедиции»

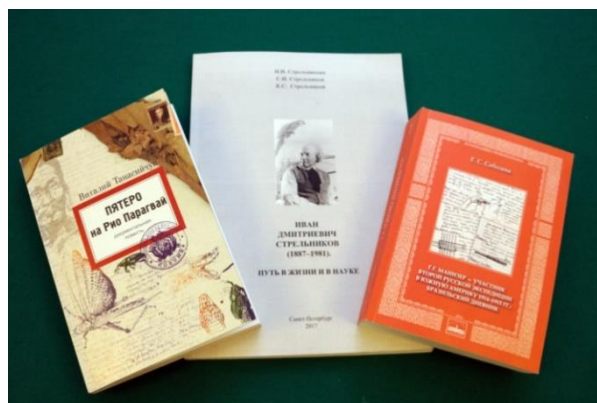

Любопытно, что специальная глава книги посвящена Второй русской экспедиции в Южную Америку (1914–1915), которую называют студенческой, поскольку её организаторами выступили пятеро студентов – участников кружка «Молодых биологов» при Биологической лаборатории П.Ф.Лесгафта в Петербурге. В канун Первой мировой войны на спонсорские и собственные средства за океан отправились зоологи Иван Стрельников и Николай Танасийчук, этнографы Генрих Манизер и Федор Фиельструп, социолог Сергей Гейман.

Участники «студенческой» экспедиции

По завершению поездки в музеи Петербурга и Москвы студентами-членами экспедиции было передано около тысячи предметов, собранных у латиноамериканских индейцев. Таких памятников материальной культуры не было не только в российских, но в зарубежных музеях. Кроме того, они несмотря на сложное время Первой мировой войны выступили с докладами, вызвавшими большой интерес и благоприятные отзывы специалистов. В мае 1916 г. в Географическом обществе было организовано специальное заседание, посвящённое этнографическим работам экспедиции, с участием сотрудников Кунсткамеры, Зоологического музея, языковедов и географов. Члены экспедиции были удостоены малых серебряных медалей Географического общества. Ценно, что через сто лет была восстановлена память об этом уникальном студенческом проекте.

Книги о Второй русской экспедиции в Южную Америку, переданные в фонды РГО

Развитие студенческих экспедиций

Студенческие экспедиции представляют собой не просто варианты организованного туризма с включением элементов научных исследований. Очень часто их можно отнести к разряду жизненных испытаний, когда от участников требуется проявить настоящий героизм. Примеры таких примечательных экспедиций можно найти в разных странах и временах. Так, в самом начале XX в. группой студентов-востоковедов Казанского университета были организованы первые в России полевые исследования на системной основе в арабских странах, включающие довольно опасные поездки на Ближний Восток для сбора этнографических и лингвистических материалов, а также их последующую аналитику. В 1930-х гг. студенты Кембриджского и Венского университетов, увлекающиеся спелеологией, изучали самую большую ледяную пещеру в мире – Айсризенвельт (нем. *Eisriesenwelt*) в Альпах [20, с. 71–90]. Благодаря той экспедиции было привлечено внимание учёных к уникальному природному объекту.

Трагическое событие, произошедшее в начале 1959 г. на горе Холатчахль с группой, в которую входили студенты или недавние выпускники Уральского политехнического института (УПИ, ныне УрФУ) и которую возглавлял пятикурсник радиофака Игорь Дятлов, можно рассматривать как пример осознанного риска молодых людей, отправлявшихся в поход высшей категории сложности, необходимый для получения звания «Мастер туризма СССР». Этот поход планировался и готовился как серьёзная спортивная и учебная экспедиция.

В 1958 г. в Советском Союзе было создано Бюро международного молодёжного туризма (БММТ) «Спутник». Помимо собственно туристических программ рекреационного плана данная

организация поддерживала деятельность Всесоюзных студенческих строительных отрядов (ВССО), вовлечённых в исследовательскую работу, помогая им проводить географические, археологические и этнографические изыскания в самых удалённых уголках страны [12; 19].

В 1960-х гг. формируется структура студенческой экспедиционной активности. Наиболее заметное место в ней занимают археологические экспедиции. Более того, это направление отличается удивительным постоянством, когда студенты МГУ и СПбГУ десятилетиями работают на таких знаковых памятниках, как Фанагория (Краснодарский край) или Херсонес Таврический (Крым). Аналогичные проекты есть у Оксфорда, Кембриджа, Гарварда, в частности раскопки в Греции, Египте, Месопотамии. Чуть менее насыщены по числу участников океанографические и экологические экспедиции. Многие высшие учебные заведения имеют собственные исследовательские суда, где студенты могут не только проходить практику, но и участвовать в экспедициях по сбору данных о климате, морской флоре и фауне. Известная международная школа дайвинга «Подводный клуб МГУ» имеет высокий статус PADI 5* IDC дайв-центра. У студенческой молодёжи популярны высокогорные экспедиции. В 1950–1960-х гг. альпинистские клубы МГУ и МВТУ им. Баумана организовывали восхождения на пики Памира и Тянь-Шаня.

Эти традиции сильны и сейчас, что позволяет говорить о том, что студенческие экспедиции сложились в мощное движение, сочетающее в себе дух приключений, научный поиск и стремление к самопознанию, представляющее важную часть истории познания мира и подготовки новых поколений учёных, путешественников и исследователей.

Безусловно, экспедиционная активность представляет собой как разновидность студенческих путешествий, так и заметное направление международных интеллектуальных обменов. Здесь есть свои преимущества и проблемы, которые связаны со сложностью академического признания результатов учёбы или научной практики, полученной за рубежом, трудностей межкультурной коммуникации. Нельзя не учитывать риски «утечки умов». Возможны проявления идентификационного кризиса у молодых людей, длительно пребывавших в другой культуре. Но чем разнообразнее студенческие экспедиции и по своему профилю, и по географии, тем легче преодолеваются перечисленные проблемы.

***Туризм как продолжение традиции
студенческого путешествия***

Современный студенческий туризм, включая образовательные и исследовательские экспедиции, можно считать прямым продолжением этой исторической традиции, адаптированной к современным условиям [4, с. 36–45; 5, с. 28–35; 11, с. 13–21]. Возникновение отдельного направления студенческого туризма стало ответом на изменившиеся потребности этой группы молодёжи, для которой путешествия были важны не только как отдых, а, скорее, как инструмент развития социальных навыков и самостоятельности.

На самом деле образовательные, научные и волонтерские поездки не всегда можно назвать туризмом в строгом смысле. Различия студенческого туризма и студенческих путешествий разительно. Если «туризм» предполагает наличие индустрии, стандартизированных услуг и рекреационной доминанты, то «путешествие» является более широкой, экзистенциальной и личностно-образующей категорией. Поэтому очень важно видеть импульсы, побудившие молодых людей и общество выделить из родового понятия «путешествие» именно студенческий туризм, как организованную, коммерциализированную деятельность, имеющую чёткие цели отдыха, развлечения и познания в рамках готовых программ [9, с. 324–326; 15, с. 213–215].

Путешествия организуются благодаря грантам, стипендиям, финансированию от университетов, государственных программ, научных фондов. Они обычно некоммерческие: академические обмены, гранты, стажировки, волонтерские лагеря, самостоятельные исследовательские экспедиции, которые позволяет прирастить социальный и культурный капитал, установить международные профессиональные связи, подготовить публикации, получить дипломы/сертификаты. Туризм, который финансируется за счёт личных средств, свидетельствует о наличии другой не только экономической и эстетической парадигмы: в результате туристической поездки её участники привозят впечатления, фотографии, видео, удовлетворение от рекреации. Таким образом, само возникновение такого туризма можно рассматривать как знак серьёзных перемен в самом студенчестве, которое стало экономически более самостоятельным и социально зрелым.

Во многих странах были созданы государственные и общественные программы, направленные на организацию и поддержку

путешествий для студенчества. Программа студенческого туризма разработана в России по поручению президента РФ. Она запустилась в 2021 г. и даёт возможность студентам путешествовать по стране, останавливаясь в университетских кампусах. Популярными направлениями программы «Студтуризм» часто сочетают образовательные, культурные и рекреационные функции. Прежде всего, к ним относятся: культурно-исторические центры (Москва и Санкт-Петербург и посещение НИУ ВШЭ или СПбГУ); уникальные географические локации: Калининград (БФУ им. Канта) и Дальний Восток (ДФУ на острове Русском); регионы с богатым наследием (Казань, Севастополь, Алтай, Иркутск).

#студтуризм2021

**Путешествуй
по городам России**

Постеры программы Студтуризм

Организации, регулирующие студенческий туризм, действуют на разных уровнях. Во многих странах на государственном уровне эту функцию выполняют министерства, отвечающие за образование, науку и молодёжную политику (Минобрнауки РФ). На уровне общественных и коммерческих организаций известность получили международные сети, такие как *Hostelling International* (HI), а также платформы наподобие АНО «Больше, чем путешествие», которая совместно с президентской платформой «Россия – страна возможностей» поддерживает экспедиционные и образовательные проекты.

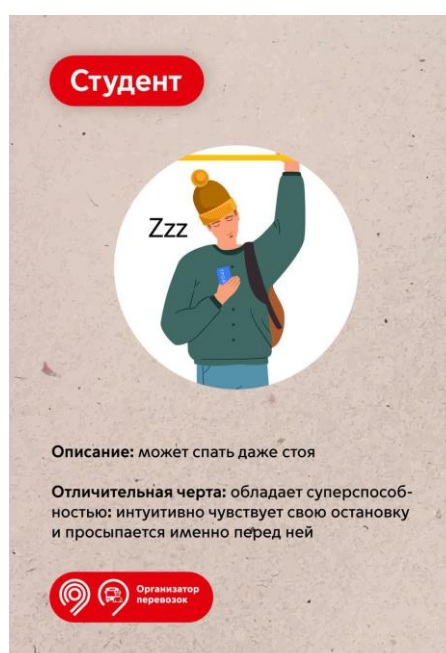
Понятийное поле собственно студенческого туризма, как части спектра путешествий, формируется из образовательного, культурно-познавательного и приключенческого туризма.

Сфера студенческого туризма несмотря на позитивный потенциал, сталкивается с рядом проблем. Основным ограничивающим

фактором для большинства студентов остаются финансовые барьеры. Серьёзно на развитие студенческих путешествий влияет информационный дефицит, из-за которого не все молодые люди в достаточной мере информированы о существующих программах поддержки, льготах и интересных маршрутах. Сохраняется риск коммерциализации и утраты образовательной составляющей. Отсюда важно, чтобы студенческий туризм не превращался в примитивный отдых, а сохранял свою развивающую и просветительскую функцию. Имеется постоянная сложность, касающаяся совмещения с учебным процессом, так как поездки требуют времени, которого у студентов часто не хватает из-за напряженного учебного графика. Как ни покажется странным и противоречащим высокой мобильности студенческой молодёжи, существует проблема мотивации.

Исследователи отмечают, что самым сильным препятствием развитию спортивного туризма выступают нерегулярные тренировки, отсутствие интереса к занятиям и недостаток времени, что ведёт к отказу от всякой физической активности. Так как любое путешествие начинается с выхода из дома, то для многих студентов каждодневная поездка к месту учёбы уже превращается в путешествие. В этой связи любопытные характеристики студентов зафиксировало московское ГКУ «Организатор перевозок», обратив внимание на то, что они обладают суперспособностью спать стоя, интуитивно чувствовать свою остановку и просыпаться именно перед ней.

Постер ГКУ «Организатор перевозок»

Несмотря на сложности численность путешествующих студентов растёт. В 2025 г. в программе Минобрнауки, позволяющей ездить по России и за границу, зарегистрировались 57 тыс. человек, тогда как в 2024 г. их было 40 тыс. [7] В рамках круглогодичной программы можно посетить более ста городов России, а также Армению, Белоруссию, Киргизию, Китай и Узбекистан. Любопытно, что резко вырос интерес студентов к северным регионам. Появились специальные проекты, например блог-туры по России и зарубежным странам. Увеличивается число вузов-партнёров программы, в том числе из стран СНГ: Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, Российско-Армянский (Славянский) университет, Белорусско-Российский университет, Самаркандский государственный университет имени Шарофа Рашидова и Армянский государственный педагогический университет имени Х. Абовяна. В сотрудничестве с КНР появляется возможность подключиться к акциям Университетского Альянса нового Шёлкового пути, Стратегического союза высших учебных заведений «Одного пояса и одного пути» и туристического союза городов «Одного пояса и одного пути».

Новым привлекательным видом студенческого туризма становится волонтерство. Это направление развивает программа Росмолодёжи «Больше, чем путешествие», реализуемая в рамках национального проекта «Молодёжь и дети» и охватившая около 300 тыс. человек, в том числе школьников, студентов и молодых специалистов. В каждом таком путешествии сочетаются туристический, образовательный и социально-полезный элемент. Это может быть: участие в экологических акциях по уборке природных зон, реставрации архитектурных памятников, работа на железнодорожных объектах, в частности, Восточного полигона железных дорог и второй ветки Байкало-Амурской магистрали (БАМ).

Заключение

Сложный и динамичный процесс студенческих путешествий играет важную роль в социализации вузовской молодёжи, затрагивая личностное развитие, культурное взаимодействие и экономические отношения. Схематично этот процесс можно представить опирающимся на исторический и экономический контексты, где первый контекст задаёт запрос на модернизацию и новые модели социального поведения, а второй – отражает рост рынка

студенческого туризма, его вклад в экономику дестинаций, стимул для развития инфраструктуры. В итоге происходят подвижки в личностном развитии студенческой молодёжи, расширяются рамки межкультурной коммуникации, формируются новые социальные связи.

Глобальный рынок студенческого туризма в 2021 г. оценивался в 399,8 млрд долларов США и продолжает активно расти¹. Это свидетельствует о массовости явления. Типичный современный студент-турист – это 20-летний парень или девушка в удобном худи, джинсах и кроссовках, с большим рюкзаком за плечами, где есть место для ноутбука, воды и перекуса, визуализируя культуру бэкрэкинга (англ. *backpack* – рюкзак). В руках у них смартфон для навигации или селфи, на лице загар и любопытный взгляд. Такой студент готов к новым открытиям по всему миру. Часто в такой образ добавляют фотоаппарат или *power bank*, подчёркивая специфику цифровой эпохи.

Типичный портрет современного студента-путешественника, созданный ИИ

Отчётливо выявляются несколько масштабных тенденций, связанных со студенческими путешествиями.

Первая тенденция – массовизации, когда происходит своеобразное возвращение к истокам студенческого движения, которое было в полном смысле движением-перемещением. Однако сейчас эта мобильность отражает не редкость учебных заведений,

¹ Глобальный рынок студенческих путешествий / образовательного туризма. Обзор. / Electronics, ICT & Mediahttps [Электронный ресурс]. URL: www.sphericalinsights.com/ru/reports/student-travel-market.

до которых добирались из дальних стран, а демократизацию перемещений в целях учёбы и отдыха и свободу выбора.

Вторая тенденция – экономизации, проявляемая в том, что студенческий туризм представляет собой мощную экономическую силу: студенческие поездки оказывают значительное положительное влияние на экономику городов и стран пребывания, поддерживают местный бизнес, направляя средства в жилье, питание, транспорт и досуг, что способствует созданию новых рабочих мест и развитию инфраструктуры [16, с. 125–128].

Третья тенденция – творческая, отражаемая в том, что работа в сфере туризма и гостеприимства формирует такие гибкие навыки, как: коммуникабельность, эмоциональный интеллект, стрессоустойчивость, лидерские качества и способность работать в команде, необходимые в любой профессиональной сфере [18].

Четвёртая тенденция – социализации, основана на том, что путешествия способствуют формированию зрелой, адаптивной и глобально мыслящей личности, развивают сообщества единомышленников, вовлекают молодых людей в социально значимые волонтерские проекты [1].

Пятая тенденция – формирование межкультурной компетентности реализуется благодаря живому взаимодействию с людьми из разных стран и культур, которое учит уважать чужие взгляды, ценить разнообразие и разрушать межэтнические барьеры.

Шестая тенденция – самоорганизации, основой которой становится пребывание в непривычной среде, необходимость самостоятельно решать проблемы и управлять бюджетом поездки, что воспитывают ответственность, самостоятельность и навыки тайм-менеджмента.

Путешествия всегда играли системную роль в социализации студенчества. Сейчас они представляют собой не просто форму досуга, а превратились в мощный канал интеграции молодых людей в глобальное социальное и культурное пространство, способствуя их личностному и профессиональному становлению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артюшенко Ф. Путешествие как миссия: как меняется молодёжный туризм в России / Ф. Артюшенко. [Электронный ресурс]. URL: <https://economics.hse.ru/ejournal/news/1009401940.html>.

2. Великие русские экспедиции. Русские географы в Латинской Америке = Русские географы в Латинской Америке: хроника путешествий XIX – первой половины XX в. / Д.В. Белов [и др.]; науч. ред. А.С. Наумов. М.: АСТ: Аванта, 2014. 372 с.
3. Глобальный рынок студенческих путешествий / образовательного туризма. Обзор. / Electronics, ICT & Mediahttps. [Электронный ресурс]. URL: www.sphericalinsights.com/ru/reports/student-travel-market.
4. Гольдин Г.Г. Правовые основы безопасности международного туризма / Г.Г. Гольдин, Л.О. Терновая // Альманах «Крым». 2018. № 15. С. 36–45.
5. Гольдин Г.Г. Современные тенденции регулирования правоотношений в области туризма / Г.Г. Гольдин, Л.О. Терновая // Альманах «Крым». 2018. № 14. С. 28–35.
6. Из поэмы «Вагантская исповедь» (Carmina Burana) (перевод Л. Гинзбурга). [Электронный ресурс]. URL: https://imwerden.de/pdf/lirika_vagantov_1970.pdf.
7. Ионина И. Вокруг совета: студенты стали путешествовать почти в полтора раза чаще / И. Ионина, М. Дубовиков // Известия. 2025. 17 июня.
8. Образовательный туризм в России: учебник для вузов / под ред. С.Ю. Житенёва. М.: Юрайт, 2025. 170 с.
9. Макарова А.В. Влияние туризма и спорта на здоровье молодого поколения / А.В. Макарова, М.Н. Комбалин // Молодой учёный. 2024. № 9 (508). С. 324–326. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/508/111758>.
10. Погодина В.Л. Традиции и инновации в образовательном туризме / В.Л. Погодина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 112. С. 54–63.
11. Пятеро смелых. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rgo.ru/ru/article/pyatero-smelyh>.
12. Рогатин Б. Орбита «Спутника» / Б. Рогатин, В. Квартальков, В. Ухов. М.: Молодая гвардия, 1976. 156 с.
13. Рябова Е.Л. Исторический туризм – соединения путешествия в пространстве и времени... / Е.Л. Рябова, Л.О. Терновая // Альманах «Крым». 2020. № 22. С. 11–21.
14. Сергеева Ю.И. Международный образовательный туризм как историческая традиция / Ю.И. Сергеева // Развитие гуманитарных наук: Междунар. науч. практ. конф. Познань, 27–29 февр. 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://конференция.com.ua/pages/view/298>.
15. Стенер А.В. Физическая культура и туризм как средство формирования основ здорового образа жизни в студенческой среде / А.В. Стенер; отв. ред. А.В. Коричко // XX Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартковского государственного университета: Сб. статей. Т. 1. Биология. Экология. География. Картография. Безопасность жизнедеятельности. Электроэнергетика. Электротехника. Нижневартовск: Нижневартковский государственный университет, 2018. С. 213–215.
16. Тайгибова Т.Т. Влияние индустрии туризма на экономику страны и социально-культурную сферу / Т.Т. Тайгибова // Актуальные вопросы экономических наук материалы I Междунар. науч. конф. (г. Уфа, октябрь 2011 г.). Уфа: Лето, 2011. С. 125–128.
17. Терновая Л.О. Святые покровители студенчества / Л.О. Терновая // Миссия конфессий. Межконфессиональная миссия. 2015. № 7(11). С. 45–54.

18. Туризм и гостеприимство: как профессия способствует развитию личности. [Электронный ресурс]. URL: <https://cspo.ru/articles/turizm-i-gostepriimstvo/turizm-i-gostepriimstvo-kak-professiya-sposobstvuet-razvitiyu-lichnosti>.
19. Хохлов А.Н. Спутник. Пятьдесят лет на орбите туризма / А.Н. Хохлов. М.: Спутник, 2008. 255 с.
20. Christian E. & Spötl C. Karst geology and cave fauna of Austria: a concise review // International Journal of Speleology. 2010. № 39 (2). Pp. 71–90.

REFERENCES

1. Artyushenko F. Puteshestvie kak missiya: kak menyaetsya molodyozhnyj turizm v Rossii / F. Artyushenko. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://economics.hse.ru/ejournal/news/1009401940.html>.
2. Velikie russkie ehkspedicii. Russkie geografyy v Latinskoj Amerike = Russkie geografyy v Latinskoj Amerike: khronika puteshestvij XIX – pervoj poloviny XX v. / D.V. Belov [i dr.]; nauch. red. A.S. Naumov. M.: AST: Avanta, 2014. 372 p.
3. Global'nyj rynek studencheskikh puteshestvij / obrazovatel'nogo turizma. Obzor. / Electronics, ICT & Media <https://www.sphericalinsights.com/ru/reports/student-travel-market>. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.sphericalinsights.com/ru/reports/student-travel-market>.
4. Gol'din G.G. Pravovye osnovy bezopasnosti mezhdunarodnogo turizma / G.G. Gol'din, L.O. Ternovaya // Al'manakh «KryM». 2018. № 15. Pp. 36–45.
5. Gol'din G.G. Sovremennye tendencii regulirovaniya pravootnoshenij v oblasti turizma / G.G. Gol'din, L.O. Ternovaya // Al'manakh «KryM». 2018. № 14. Pp. 28–35.
6. Iz poehmy «Vagantskaya ispoved'» (Carmina Burana) (perevod L. Ginzburga). [Elektronnyj resurs]. URL: https://imwerden.de/pdf/lirika_vagantov_1970.pdf.
7. Ionina I. Vokrug soveta: studenty stali puteshestvovat' pochni v poltora raza chashche / I. Ionina, M. Dubovikov // Izvestiya. 2025. 17 iyunya.
8. Obrazovatel'nyj turizm v Rossii: uchebnik dlya vuzov / pod red. S.YU. Zhitenyova. M.: Yurajt, 2025. 170 p.
9. Makarova A.V. Vliyanie turizma i sporta na zdorov'e mladogo pokoleniya / A.V. Makarova, M.N. Kombalin // Molodoy uchyonyj. 2024. № 9 (508). Pp. 324–326. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://moluch.ru/archive/508/111758>.
10. Pogodina V.L. Tradicii i innovacii v obrazovatel'nom turizme / V.L. Pogodina // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2009. № 112. Pp. 54–63.
11. Pyatero smelykh. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.rgo.ru/ru/article/pyatero-smelykh>.
12. Rogatin B. Orbita «SputnikA» / B. Rogatin, V. Kvartal'kov, V. Ukhov. M.: Molodaya gvardiya, 1976. 156 p.
13. Ryabova E.L. Istoricheskij turizm – soedineniya puteshestviya v prostranstve i vremeni... / E.L. Ryabova, L.O. Ternovaya // Al'manakh «KryM». 2020. № 22. Pp. 11–21.
14. Sergeeva YU.I. Mezhdunarodnyj obrazovatel'nyj turizm kak istoricheskaya tradiciya / YU.I. Sergeeva // Razvitie gumanitarnykh nauk: Mezhdunar. nauch. prakt. konf. Poznan', 27–29 fevr. 2012 g. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://konferenciya.com.ua/pages/view/298>.
15. Stener A.V. Fizicheskaya kul'tura i turizm kak sredstvo formirovaniya osnov zdorovogo obraza zhizni v studencheskoj srede / A.V. Stener; otv. red. A.V. Korichko // XX Vserossijskaya studencheskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya

Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta: Sb. statej. T. 1. Biologiya. Ehkologiya. Geografiya. Kartografiya. Bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti. Ehlektroehnergetika. Ehlektrotehnika. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovskij gosudarstvennyj universitet, 2018. Pp. 213–215.

16. Tajgibova T.T. Vliyaniye industrii turizma na ehkonomiku strany i social'no-kul'turnuyu sferu / T.T. Tajgibova // Aktual'nye voprosy ehkonomicheskikh nauk materialy I Mezhdunar. nauch. konf. (g. Ufa, oktyabr' 2011 g.). Ufa: Leto, 2011. Pp. 125–128.

17. Ternovaya L.O. Svyatye pokroviteli studenchestva / L.O. Ternovaya // Missiya konfessij. Mezhekfessional'naya missiya. 2015. № 7(11). Pp. 45–54.

18. Turizm i gostepriimstvo: kak professiya sposobstvuet razvitiyu lichnosti. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://cspo.ru/articles/turizm-i-gostepriimstvo/turizm-i-gostepriimstvo-kak-professiya-sposobstvuet-razvitiyu-lichnosti>.

19. Khokhlov A.N. Sputnik. Pyat'desyat let na orbite turizma / A.N. Khokhlov. M.: Sputnik, 2008. 255 p.

20. Christian E. & Spötl C. Karst geology and cave fauna of Austria: a concise review // International Journal of Speleology. 2010. № 39 (2). Pp. 71–90.

АНАНЧЕНКОВА

Полина Игоревна,

кандидат социологических наук,
доцент, ФГБОУ ВО «Государственный
морской университет имени адмирала
Ф.Ф. Ушакова», г. Новороссийск,
Российская Федерация,
e-mail: ananchenkova@yandex.ru

Polina Igorevna

ANANCHENKOVA,

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Admiral F.F. Ushakov State
Maritime University, Novorossiysk,
Russian Federation,
e-mail: ananchenkova@yandex.ru

Корпоративное обучение моряков 50+ как механизм смягчения профессиональных и медицинских ограничений на завершающих этапах карьеры

Демографическое старение кадрового корпуса морского флота и ужесточение медицинских и профессиональных требований к работе в море обуславливают необходимость разработки специальных механизмов поддержки моряков старших возрастных групп. Исследования показывают, что после 50 лет у моряков возрастает частота хронических заболеваний, снижается работоспособность и увеличивается риск признания медицински непригодными к работе в море, в том числе из-за сердечно-сосудистой, ортопедической, офтальмологической и неврологической патологии. Одновременно цифровизация и автоматизация судоходства трансформируют требования к компетенциям и создают новые карьерные возможности, в том числе береговые, требующие целенаправленного обучения.

Цель статьи – на основе анализа исследований по морской медицине, трудоспособности моряков и обучению в условиях Industry 4.0 обосновать корпоративное обучение моряков 50+ как инструмент смягчения профессиональных и медицинских ограничений на завершающих этапах карьеры и предложить концептуальную модель такого обучения в системе управления человеческими ресурсами судоходных компаний. Показано, что корпоративные программы, ориентированные на охрану труда и здоровья, управление усталостью, развитие цифровых и управленческих компетенций, а также подготовку к береговым ролям, могут снижать риск преждевременного «выбывания» по медицинским показаниям, поддерживать работоспособность и обеспечивать более мягкий переход к альтернативным видам занятости.

Ключевые слова: моряки старшего возраста, профессиональное долголетие, корпоративное обучение, медицинская пригодность к работе в море, охрана труда и здоровья, цифровизация судоходства, age management.

Corporate training for 50+ seafarers as a mechanism to mitigate professional and medical difficulties in the final stages of a career

The demographic aging of the naval personnel corps and the tightening of medical and professional requirements for work at sea necessitate the development

of special support mechanisms for older seafarers. Studies show that after the age of 50, seafarers experience an increased incidence of chronic diseases, decreased performance, and an increased risk of being considered medically unfit to work at sea, including due to cardiovascular, orthopedic, ophthalmological, and neurological pathologies. At the same time, digitalization and automation of shipping are transforming competence requirements and creating new career opportunities, including onshore ones that require focused training.

The purpose of the article is, based on the analysis of research on marine medicine, seafarers' ability to work and training in Industry 4.0, to substantiate corporate training for 50+ seafarers as a tool to mitigate professional and medical limitations at the final stages of their careers and to propose a conceptual model of such training in the human resource management system of shipping companies. It is shown that corporate programs focused on occupational safety and health, fatigue management, the development of digital and managerial competencies, as well as training for shore roles, can reduce the risk of premature "retirement" for medical reasons, maintain working capacity and ensure a softer transition to alternative types of employment.

Keywords: senior seafarers, professional longevity, corporate training, medical fitness to work at sea, occupational safety and health, digitalization of shipping, age management.

Морская отрасль традиционно рассматривается как профессиональная сфера с повышенными требованиями к состоянию здоровья, выносливости и стрессоустойчивости. Исследования в области морской медицины и охраны труда устойчиво фиксируют высокий уровень профессиональных рисков, связанных с тяжёлыми условиями труда, длительной изоляцией, сменой часовых поясов и высокой ответственностью [1].

При этом демографическая структура кадрового корпуса морского флота характеризуется старением: удлинение трудовой жизни и дефицит квалифицированных кадров приводят к увеличению доли моряков старших возрастных групп [2].

Ряд исследований показывает, что с возрастом у моряков существенно возрастает частота заболеваний и ограничений, влияющих на медицинскую пригодность к работе в море. Анализ медицинских освидетельствований в одном из крупных портов Италии показал, что основными факторами, ограничивающими пригодность, являются нарушения зрения, ортопедическая и сердечно-сосудистая патология, а также неврологические расстройства [3]. Данные о квалификации по результатам медосмотров в крупной выборке моряков демонстрируют, что наивысшая частота вынесения решений о временной или постоянной непригодности к работе в море

фиксируется у моряков старше 55 лет, прежде всего по причине нарушений слуха и зрения [4].

Кроме того, работа Bridger и соавт. показала, что работоспособность моряков определяется взаимодействием возраста и индекса массы тела: после 50 лет даже умеренное повышение ИМТ существенно снижает оценку работоспособности [5].

На этом фоне цифровизация и внедрение технологий Industry 4.0 в судоходстве меняют профессиональный профиль моряков, повышая значимость цифровых навыков, работы с автоматизированными системами, дистанционного мониторинга и анализа данных, исследование P. Baum-Talmor и M. Kitada подчёркивает, что цифровизация создаёт новые береговые роли для моряков, одновременно сокращая продолжительность морской карьеры и обостряя проблему отсутствия системной карьерной поддержки [6].

В этих условиях особую значимость приобретает корпоративное обучение, которое может быть использовано как целенаправленный механизм:

- профилактики профессиональных и медицинских ограничений;
- поддержания работоспособности и профессионального долголетия моряков 50+;
- подготовки к частичной трансформации роли (ротация на менее физически нагруженные должности, участие в системах безопасности и обучения);
- формирования компетенций для береговых профессий.

Цель статьи – обосновать корпоративное обучение моряков старше 50 лет как механизм смягчения профессиональных и медицинских ограничений в поздних этапах карьеры и предложить концептуальную модель такого обучения с опорой на данные морской медицины и исследований в области навыков и карьеры моряков.

Работа носит теоретико-аналитический характер и основана на междисциплинарном подходе, объединяющем:

- исследования по морской медицине, состоянию здоровья и медицинской пригодности моряков;
- работы по возрастным особенностям работоспособности в море;

– исследования по цифровизации судоходства, навыкам и обучению моряков;

– документы и руководства международных организаций по охране труда и здоровья моряков.

Исследования медицинской пригодности к работе в море указывают на возраст-связанный рост частоты отказов или ограничений. В выборке Zevallos и соавт. наиболее высокая доля решений о полной или частичной непригодности к работе в море приходилась на моряков старше 55 лет; в большинстве случаев причиной ограничений были нарушения слуха и зрения [4].

Анализ медосмотров в крупном итальянском порту показал, что к основным факторам, нарушающим пригодность, относятся рефракционные дефекты, ортопедические и сердечно-сосудистые заболевания, а также неврологические расстройства [3].

Работа Bridger и соавт. продемонстрировала, что работоспособность моряков зависит от взаимодействия возраста и ИМТ: после 50 лет сочетание возраста и повышенного ИМТ существенно снижает индекс Work Ability, что критически важно для физически и психически нагруженной морской работы [5]. Исследование Fisk и соавт. показало, что пожилые моряки (50+) в среднем имеют несколько хронических заболеваний, включая сердечно-сосудистые и опорно-двигательные расстройства, при этом вмешательства в рамках проекта здоровья позволяли добиваться позитивных изменений в поведении и состоянии здоровья [7].

Отдельный пласт ограничений связан с усталостью и психологическим состоянием. Обзор Jepsen и соавт. показывает, что рабочая усталость является одним из ключевых рисков для здоровья и безопасности на море, поражая когнитивные и физические функции; при этом с возрастом ухудшение восстановления и сопутствующие заболевания усиливают негативные эффекты усталости [8]. Исследование Lefkowitz и соавт. фиксирует значительное число случаев временных ограничений работоспособности вследствие травм и заболеваний, требующих репатриации или изменения вида работы [9].

Наконец, экономические и страховочные данные указывают, что расходы, связанные с медицинскими случаями, репатриациями и страховыми требованиями по состоянию здоровья моряков,

возрастают, что усиливает интерес судоходных компаний и R&I клубов к профилактике и управлению рисками, связанными со старением кадров.

Таким образом, моряки старше 50 лет сталкиваются с совокупностью профессиональных и медицинских ограничений, которые повышают вероятность преждевременного «выбывания» из морской профессии. При этом значительная часть этих рисков поддаётся управлению через целенаправленное обучение и развитие – как в сфере здоровья, так и в сфере профессиональных компетенций и карьерной адаптации.

На основе анализа литературы и практических инициатив в области охраны здоровья моряков можно выделить четыре целевых блока корпоративного обучения, позволяющих смягчить ограничения на завершающих этапах карьеры:

Медико-профилактический блок – обучение основам самоуправления здоровьем, профилактике хронических заболеваний, управлению усталостью, здоровьесберегающему поведению. Образовательные программы по профилактике травматизма, профессиональных заболеваний, управлению усталостью (например, онлайн-курс по управлению усталостью на море, разработанный национальными центрами охраны труда) демонстрируют потенциал для снижения рисков.

Профессионально-адаптационный блок – трансформация профессиональной роли моряков 50+ в сторону менее физически нагруженных, но более консультативных, координационных и обучающих функций (члены комитетов по охране труда и безопасности, наставники, тренеры). Соответствующие курсы по охране труда на судах и в портах (OSH-курсы, программы по безопасности) уже реализуются рядом организаций и ориентированы на развитие компетенций в области идентификации рисков, управления ими и участия в расследовании инцидентов.

Цифровой и технологический блок – развитие цифровых навыков и компетенций работы с автоматизированными судовыми системами, платформами мониторинга и дистанционного управления. Исследования по Industry 4.0 в судоходстве подчёркивают, что цифровизация не только меняет требования к компетенциям на борту, но и открывает новые возможности для береговой занятости, где опыт

старших моряков может быть использован в аналитике, планировании, управлении операциями.

Карьерно-переходный блок – подготовка к частичной или полной смене вида деятельности (переход к береговым профессиям, работа в тренажёрных центрах, инспекционных структурах, администрациях). Исследования по карьере моряков и влиянию цифровизации на карьерные траектории указывают на недостаток систем карьерной поддержки и необходимость создания структурированных траекторий, особенно для старших возрастных групп.

Корпоративное обучение может и должно работать на всех четырёх направлениях, интегрируясь в систему управления возрастом (age management) и кадровую стратегию судоходных компаний.

Рассмотрим, каким образом конкретные форматы корпоративного обучения могут воздействовать на профессиональные и медицинские ограничения моряков 50+.

1. Обучение по охране труда, безопасности и управлению здоровьем

Руководства МОТ и инициативы по культуре заботы о здоровье моряков подчёркивают необходимость не только технических, но и образовательных мер: повышение компетентности моряков в вопросах профилактики травматизма, хронических заболеваний, психического здоровья и усталости.

Онлайн-курсы по охране труда на борту и в портах, а также по управлению усталостью, позволяют обеспечить доступное обучение без отрыва от места службы и адаптировать темп обучения к возможностям старших работников.

Для моряков 50+ такие программы могут выполнять двойную функцию:

- снижать риск медицинских событий и ухудшения состояния здоровья за счёт формирования навыков самонаблюдения, раннего обращения за медицинской помощью, коррекции образа жизни;
- расширять профессиональную роль за счёт участия в комитетах по охране труда и безопасности, выступления в качестве наставников по безопасным практикам для младших членов экипажа.

2. Наставничество и обучение наставников

Старшие моряки обладают уникальным набором tacit knowledge – неписаных практических знаний, которые трудно формализовать,

но критически важны для безопасности и эффективности судоходства. Корпоративные программы наставничества и «обучения наставников» (train-the-trainer) позволяют трансформировать часть профессиональной нагрузки из физической в образовательную и консультативную, одновременно снижая риск профессионального «сгорания» и повышая субъективное ощущение значимости роли у моряков 50+.

В контексте ограничений по состоянию здоровья это позволяет морякам с частичными ограничениями (например, по физической нагрузке) продолжать выполнять значимую работу, уменьшая интенсивность тяжёлых смен и ответственности за ручной труд, но усиливая вклад в подготовку, обучение и контроль. Такая переориентация функции требует систематических обучающих программ по педагогике взрослых, коммуникации, оценке рисков и расследованию инцидентов.

3. Обучение цифровым и аналитическим навыкам

Работы по цифровизации судоходства показывают, что новые технологии позволяют переносить часть функций с борта на берег, создавая гибридные роли, связанные с мониторингом флота, анализом эксплуатационных данных, управлением техническим обслуживанием, обучением на тренажёрах и в онлайн-среде.

Обучение моряков 50+ цифровым компетенциям и работе с данными не только повышает их конкурентоспособность в морской профессии, но и расширяет спектр возможных береговых должностей. Это, в свою очередь, создаёт «выходной маршрут» для тех, чья медицинская пригодность к работе в море ограничена или под угрозой.

С позиций смягчения ограничений корпоративные курсы по цифровым системам, электронным журналам, платформам мониторинга состояния судна могут рассматриваться как инвестиция в профессиональное долголетие: моряк с ограничениями по физической работе, но владеющий цифровыми и аналитическими навыками, может быть переведён на менее нагруженные, но значимые роли.

4. Программы подготовки к береговым профессиям и «мягкому выходу» с моря

Исследования показывают, что для многих моряков переход на берег сопровождается трудностями адаптации, проблемами со здоровьем и неопределённостью карьерных перспектив.

Корпоративные программы, включающие модули по управлению карьерой, знакомство с возможными береговыми профессиями, стажировки и временные назначения в береговых подразделениях компании, могут значительно облегчить этот переход и снизить риск социальной и экономической уязвимости.

Для моряков 50+ особенно важны:

- своевременное информирование о возможных береговых треках (инспекции, супервайзинг, тренажёрные центры, диспетчерские и логистические службы);
- обучение «переносимым» компетенциям (управление персоналом, коммуникации, основы права и менеджмента);
- получение признанных сертификатов и квалификаций, востребованных за пределами морской отрасли.

Таким образом, корпоративное обучение становится элементом стратегии предотвращения резкого обрыва карьеры по медицинским причинам, переводя моряка в новое качество профессиональной роли.

Обобщая рассмотренные подходы, корпоративное обучение моряков 50+ можно представить как часть комплексной системы управления возрастом (age management) в судоходной компании, включающей:

- Диагностику рисков – анализ медицинских, профессиональных и образовательных потребностей моряков старших возрастных групп на основе данных медосмотров, экспозиции к факторам риска, характеристик рабочих мест.
- Проектирование образовательных программ – разработку модульных программ, включающих блоки охраны здоровья, безопасности, наставничества, цифровых навыков и подготовки к береговым ролям, с учётом особенностей возрастной группы.
- Интеграцию обучения в кадровые решения – увязку прохождения определённых программ с возможностями ротации, назначения на менее нагруженные должности, участия в комитетах по безопасности, а также с траекториями перехода на берег.

– Оценку эффективности – мониторинг показателей медицинской пригодности, частоты травматизма и заболеваний, показателей удержания и удовлетворённости моряков старших возрастных групп, а также анализ карьерных исходов (успешность перехода на береговые должности, продолжительность занятости).

Такая модель превращает корпоративное обучение из разрозненного набора курсов в стратегический инструмент управления профессиональным долголетием и снижением рисков, связанных со старением кадрового корпуса.

Рассмотрение корпоративного обучения моряков 50+ в контексте профессиональных и медицинских ограничений на завершающих этапах карьеры позволяет сделать несколько принципиальных выводов.

Во-первых, эмпирические данные морской медицины и исследований работоспособности свидетельствуют о выраженном возраст-связанном росте частоты хронических заболеваний, ограничений по слуху и зрению, снижении работоспособности и повышении риска признания непригодным к работе в море.

Без целенаправленных мер это ведёт к преждевременному «выбыванию» моряков старших возрастных групп, потере накопленного профессионального опыта и росту экономических издержек для компаний и страховых структур.

Во-вторых, корпоративное обучение при соответствующем проектировании может выступать эффективным механизмом смягчения этих ограничений. Обучение в сфере охраны труда и здоровья, управления усталостью, формирования здоровьесберегающего поведения способствует снижению риска медицинских событий и поддержанию работоспособности моряков 50+.

В-третьих, корпоративные программы, переводящие часть функций старших моряков в плоскость наставничества, обучения и участия в системах безопасности, позволяют компенсировать снижение физической выносливости за счёт усиления консультативной и обучающей роли, сохраняя их вовлеченность и значимость в профессиональном сообществе.

В-четвёртых, в условиях цифровизации судоходства и появления новых береговых ролей корпоративное обучение, ориентированное на развитие цифровых и управленческих компетенций, а также

на подготовку к береговым должностям, формирует альтернативные карьерные маршруты, снижая зависимость профессионального пути моряка от строгих медицинских критериев пригодности к работе на борту.

Наконец, интеграция корпоративного обучения моряков 50+ в систему age management судоходных компаний, подкреплённая межсекторным взаимодействием работодателей, образовательных организаций и отраслевых ассоциаций, позволяет рассматривать корпоративное обучение как стратегический ресурс управления профессиональным долголетием и кадровой устойчивостью. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются оценка эффективности конкретных программ обучения для моряков старших возрастных групп, разработка показателей мониторинга профессионального долголетия и сравнительный анализ национальных и корпоративных практик обучения моряков 50+ в различных юрисдикциях.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Maritime Medicine. Institute for Occupational and Maritime Medicine // URL: <https://www.uke.de/english/departments-institutes/institutes/occupational-medicine/research/research-groups/maritime-medicin.html> (дата обращения: 10.12.2025 г.).
2. What does the ageing seafarer workforce mean for shipping's risk profile? // URL: <https://specialty.ajg.com/marine-cargo/the-ageing-seafarer-workforce> (дата обращения: 10.12.2025 г.).
3. Porzio A. The Medico-Legal and Social Aspects of the Eligibility Examination for Enrolment in the Seafarers Registry: A Single-Center Retrospective Study / A. Porzio, A. Feola, E. Mazzini, A. Lauro, M.R. Forte, Aurilio M. Trabucco, C.P. Campobasso // Healthcare (Basel). 2024. V.30. №12(23). P. 2410.
4. Sluiter J. Outcomes of seafarer work fitness qualifications in the Netherlands / J. Sluiter, T. Mutsaerts, C. Hulshof, J. Zevallos // Occupational Medicine. 2014. № 64(4). Pp. 267–270.
5. Bridger R.S. Age and BMI interact to determine work ability in seafarers / R.S. Bridger, A.I. Bennett // Occupational Medicine. 2011. V.61. № 3. Pp. 157–162
6. Baum-Talmor P. Industry 4.0 in shipping: Implications to seafarers' skills and training / P. Baum-Talmor, M. Kitada // Transportation Research Interdisciplinary Perspectives. 2022. V. 13. P. 100542
7. Fisk M.J. The health behaviour and wellbeing of older seafarers on Merseyside – indicated changes through brief interventions / M.J. Fisk // International Maritime Health. 2017. V. 68. № 3. P. 51828.

8. Jepsen J.R. Seafarer fatigue a review of risk factors, consequences for seafarers' health and safety and options for mitigation International Maritime Health / J.R. Jepsen, Z. Zhao, W. van Leeuwen. 2015.
9. Lefkowitz R.Y. Injury, Illness, and Work Restriction in Merchant Seafarers / R.Y. Lefkowitz, M.D. Slade, C.A. Redlich // American journal of industrial medicine. 2015. № 58. Pp. 688–696.

КРАСИЛЬНИКОВ

Игорь Михайлович,

доктор педагогических наук, доцент,
профессор кафедры педагогики,
ФГБНУ «Институт содержания
и методов обучения
имени В.С. Леднева»,
e-mail: krasilnikov.im@instrao.ru

Igor Mikhailovich

KRASILNIKOV,

Doctor of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Professor Department of Pedagogy,
V.S. Lednev Institute of Educational
Content and Methods,
e-mail: krasilnikov.im@instrao.ru

Возможности программ искусственного интеллекта по созданию музыки в обучении школьников

Введение. В последние годы появились программы искусственного интеллекта, способные создавать музыку на основе описания желаемого результата. Учителя музыки задаются вопросом, можно ли использовать данные программы на занятиях с детьми?

Проблема исследования: каковы педагогический потенциал программ ИИ по созданию музыки и пути его реализации в обучении школьников? Для раскрытия этой проблемы потребуется рассмотреть технологии, положенные в основу данных программ, включая их генезис и принципы построения.

Цель исследования: выявить возможности программ искусственного интеллекта, предназначенных для создания музыки, в обучении школьников.

Методология. Принципы историзма и системности; идеи о необходимости приобщать школьников к музицированию (К. Орф, З. Кодай, Д.Б. Кабалевский); авторский педагогический опыт, включая разработку и преподавание детям дисциплин «Клавишный синтезатор», «Ансамбль клавишных синтезаторов», «Студия компьютерной музыки».

Результаты. В рамках дополнительного образования детей программы ИИ для создания музыки могут быть использованы на занятиях в студии компьютерной музыки на пропедевтическом этапе обучения, что позволит заинтересовать учеников электронным музыкальным творчеством и подготовить их к работе в других компьютерных программах, предполагающих более высокий уровень вклада пользователя в музыкальное целое.

В рамках общего образования эти программы могут применяться в целях приобщения учеников к элементам музыкального творчества (главным образом, путём создания промптов для музыкальных композиций) и освоения ими исторических и теоретических знаний о музыке (с помощью анализа используемых программой ИИ музыкально-выразительных средств).

Выводы. Программы ИИ для создания музыки относятся к классу музыкально-компьютерных программ, а созданные на их основе продукты – к электронной музыке. Обращение к этим новым программам может быть полезным в обучении школьников. Ограничения, связанные с их применением, обусловлены невысоким художественным качеством их продуктов; преобладанием немusicalных форм творческих проявлений учеников; недостаточным вниманием к музыкально-исполнительской деятельности учеников.

Ключевые слова: школьники, музыка, обучение, искусственный интеллект, электронная музыка.

The possibilities of artificial intelligence programs for creating music in school education

Introduction. In recent years, artificial intelligence programs have appeared that can create music based on a description of the desired result. Music teachers are wondering if these programs can be used in classes with children.

Research problem: what is the pedagogical potential of AI programs for creating music and ways to implement it in the education of schoolchildren? To solve this problem, it will be necessary to consider the technologies underlying these programs, including their genesis and principles of construction.

The purpose of the research is to identify the possibilities of artificial intelligence programs designed to create music in the education of schoolchildren.

Methodology. Principles of historicism and consistency; ideas about the need to introduce schoolchildren to music-making (K. Orf, Z. Kodai, D.B. Kabalevsky); author's pedagogical experience, including the development and teaching of the disciplines "Electronic keyboard", "Electronic keyboard's Ensemble", "Computer Music Studio" to children.

Results. As part of the additional education of children, AI programs for creating music can be used in classes at a computer music studio at the propaedeutic stage of training, which will make it possible to interest students in electronic musical creativity and prepare them to work in other computer programs that involve a higher level of user contribution to the musical whole.

As part of general education, these programs can be used to introduce students to the elements of musical creativity (mainly by creating prompts for musical compositions) and mastering historical and theoretical knowledge about music (by analyzing the musical and expressive means used by the AI program).

Conclusion. AI programs for creating music belong to the class of music computer programs, and products based on them belong to electronic music. Applying to new programs can be useful in teaching students. The limitations associated with their use are due to the low artistic quality of their products; the predominance of non-musical forms of creative manifestations of students; insufficient attention to the musical performing activities of students.

Keywords: schoolchildren, music, learning, artificial intelligence, electronic music.

Введение

В 2023 году появились программы искусственного интеллекта (ИИ), способные создавать музыку на основе описания желаемого результата (Suno, MusicLM, MusicGen и др.). Притом создаваемые ими в считанные секунды музыкальные композиции отличаются стилистической определённой, логичностью построения формы, необычайно высоким качеством звучания вокала и музыкальных инструментов, неотличимого от пения и игры живых исполнителей. Неудивительно, что эти программы вызвали интерес самого широкого

круга любителей музыки во всем мире. Количество подписчиков на данные программы сегодня исчисляется многими миллионами.

Эти стремительные изменения в музыкальном социуме обуславливают запрос на соответствующую учебную деятельность. Учителя музыки задаются вопросами, можно ли использовать данные программы на занятиях с детьми? А если можно, как сделать их эффективным инструментом решения музыкально-педагогических задач?

Постановка проблемы и цель статьи

Чтобы ответить на эти вопросы, прежде всего, следует разобраться с природой положенных в основу данных программ технологий – каков их генезис и принципы построения.

Понимание их природы обуславливает пути решения конкретных педагогических вопросов. На какие традиции в музыкальном искусстве и образовании опирается построенная на основе данных технологий деятельность? В чём заключается обогащение этой деятельности при обращении к данным технологиям? Какие педагогические задачи могут быть решены с помощью этих технологий? Какие формы учебной деятельности школьников будут способствовать их решению? Каковы ограничения в применении рассматриваемых технологий в обучении?

Все эти вопросы составляют *проблему* предпринятого исследования: каковы педагогический потенциал программ ИИ по созданию музыки и пути его реализации в обучении школьников?

Целью исследования является выявить возможности программ искусственного интеллекта, предназначенных для создания музыки, в обучении школьников.

Обзор научной литературы по проблеме

Рассматривая вопрос о применении ИИ в музыкальном образовании, Э. О'Лири констатирует: «Никогда ещё ни один новый инструмент не вызывал такого восхищения и страха, как искусственный интеллект в настоящее время» [13]. Многие при этом связывают его внедрение в педагогическую практику с вопросом: должны ли роботы заменить учителей? Условиями же успешного

внедрения ИИ в эту практику он считает обретение учителями музыки двух видов грамотности: критической и цифровой [13].

К вопросу о перспективах использования генеративного искусственного интеллекта в музыкальном образовании Л. Вякевя и Х. Партти подходят с этических позиций: «Образование предполагает не только передачу знаний..., но и развитие этических, рефлексивных и критических способностей [16]. Неспособность же генеративного ИИ к развитию этических качеств «подразумевает фундаментальное ограничение его образовательного потенциала» [16]. И важной педагогической задачей при обращении к нему авторы считают настроить генеративный ИИ «не только как инструмент для изучения музыки, но и как катализатор развития человека» [16].

Ян Цзысюань формулирует «парадокс креативности», возникающий при использовании композиторских инструментов ИИ в музыкальном образовании. С одной стороны, ИИ-алгоритмы открывают беспрецедентные возможности для обучения: ускоряют создание музыкальных эскизов, предоставляют доступ к обширным базам стилевых паттернов и стимулируют экспериментаторство. С другой стороны, существует риск автоматизации творческого процесса, ведущий к зависимости от шаблонных решений, снижению мотивации к глубокому анализу и эрозии авторской индивидуальности. «Парадокс креативности», по мнению исследователя, разрешается через синергию, где ИИ служит ресурсом для расширения художественного поиска, а не угрозой подлинному творчеству [9].

Значимо использование ИИ для пропаганды игры на том или ином инструменте и повышения исполнительской культуры обучаемых. С этой целью данный инструментарий обучается воспроизводить музыку с эмоциональными нюансами. Для чего в качестве образцов данного обучения используются фонограммы, на которых запечатлены музыкальные произведения в интерпретации выдающихся исполнителей [8].

Ли Чэн отмечает: «Теперь учащиеся могут без особых усилий сочинять музыку, используя простые текстовые подсказки с помощью музыкальных генераторов с искусственным интеллектом, что поощряет инновационные педагогические подходы и демократизирует творчество в классе музыки» [11]. Возникающие при этом риски он связывает с «отсутствием научных исследований в области

теоретического обоснования использования генеративного искусственного интеллекта в школьном музыкальном образовании» [11].

Л.Л. Алексеева, А.А. Михайлова, Е.Ф. Командышко связывают риски использования технологий ИИ в музыкальном искусстве и образовании с нерешёнными вопросами авторского права и сомнительной художественной ценностью создаваемых с их помощью продуктов. Выделяется ряд функций данных технологий в музыкальной деятельности: вспомогательная, культурно-просветительская, досуговая. Ставится задача обновления теоретико-методологических основ музыкального образования всех уровней в связи с быстрым развитием технологий ИИ [1].

Й. Арнеке, С.О. Ек и др. связывают перспективу использования в обучении программ ИИ с их способностью создавать музыкальные произведения в тех или иных стилях, что позволяет учащимся получать наглядные представления об этих стилях и тем самым обогащать свои музыкально-теоретические представления [10].

В своей работе Ван Чонг Чой и Чи Ин Чанг рассматривают практический опыт применения программы ИИ для создания песен Suno на школьных уроках: «Группы писали или дорабатывали подсказки и тексты песен, сравнивали А/Б варианты и повторяли их до тех пор, пока не получалась приемлемая версия; некоторые классы добавляли в трек с искусственным интеллектом живые инструменты или фрагменты, написанные учениками» [12]. При этом авторы отмечают рост мотивации и вовлеченности учеников в музыкальную деятельность в связи с возможностью осуществлять её даже при отсутствии навыков музыкального письма; развитие их способности дифференцировать музыкальное звучание по жанрам, темпу и языку. Вместе с тем авторами отмечается ограниченный контроль учеников над конкретными музыкальными деталями, что тормозит их музыкальное развитие [12].

Б.П. Шоу рассматривает возможности ИИ в оценке результатов музыкального обучения. В этой сфере он выделяет два ключевых преимущества: содействие дифференцированному оцениванию для поддержки учащихся с особыми потребностями (например, перевод текста на несколько языков, описание нот для слабовидящих, преобразование аудио в текст для слабослышащих и др.) и содействие

самостоятельной практике учащихся (предоставляя возможность её контроля в режиме реального времени) [14].

Важным ориентиром для учителей музыки, которые присматриваются к использованию ИИ в работе с учениками, может послужить брошюра С.Р. Шихэна, В.И. Бауэра и др. [15]. В ней охарактеризованы особенности ИИ-программ и возможные способы их применения в различных видах учебной деятельности: создании музыки, её исполнении, восприятию и анализе. Авторы рассматривают ИИ как инструмент поддержки, а не замены человеческого творчества и профессиональной экспертизы педагога.

С помощью интервьюирования учителей В.В. Дубровский и Я.А. Горбик выявили особенности развития музыкального обучения с использованием ИИ в России. Авторы отмечают, что применение этих технологий в образовательном процессе направлено на повышение мотивации к учению, развитие художественной культуры, функциональной грамотности. Использование нейросетей в настоящий момент чаще всего связывается с обучением детей нотной грамоте и оценкой музыкальных навыков. Авторы констатируют, что развитие теории и практики обучения музыке с помощью ИИ в нашей стране в настоящее время находится на начальном этапе [2].

Методология и методы исследования

Исследование опирается на принципы историзма и системности; на идеи о необходимости приобщать школьников к музицированию (К. Орф, З. Кодай, Д.Б. Кабалевский); на авторский педагогический опыт, накопленный в процессе разработки и преподавания детям дисциплин «Клавишный синтезатор», «Ансамбль клавишных синтезаторов», «Студия компьютерной музыки».

Результаты исследования

Как видим, программы ИИ по созданию музыки стремительно входят в нашу жизнь, а педагоги, методисты и учёные ищут пути их использования в обучении детей. При этом находящаяся в поле зрения исследователей педагогическая проблематика касается, прежде всего, такого ресурса новых программ как создание музыки на основе промпта – текстового описания искомого продукта (реже –

предлагая программе в качестве ориентира те или иные музыкальный аудиофайл, видеофайл или картинку).

Этот новый ресурс, который, собственно, и обеспечил внушительный коммерческий успех подобных программ, имеет длительную историю становления и развития. Вместе с тем, рассмотренные выше способы применения новых программ в музыкально-образовательной деятельности вовсе не исчерпывают их педагогический потенциал. И, чтобы этот потенциал адекватно оценить, следует рассмотреть технологическую природу данных программ в исторической ретроспективе, а также определить, к какому виду музыкального творчества следует отнести основанную на них деятельность.

Прежде всего, следует отметить, что появление программ ИИ по созданию музыки вписывается в историю электронного инструментария как новый этап его развития. В обоих случаях звук извлекается не с помощью рук, амбушюра или голосовых связок, как это происходит при игре на механических инструментах или пении, а создаётся с помощью электронных средств и воспроизводится через динамики или наушники.

Ключевым свойством электронной музыки, к которой можно отнести и создаваемую с помощью ИИ, является возможность управления возникающей в «зазеркалье звукового экрана» виртуальной акустикой. Она включает имитирующие отзвук концертного зала пространственные координаты: панораму, глубину, объём, а также окраску этого отзвука (более светлую или тёмную). Возможность управления этими звуковыми ресурсами открывает перед музыкантом-электронщиком заманчивые перспективы в художественном экспериментировании, что является принципиально недоступным для играющих на механических инструментах музыкантов.

Другим важнейшим свойством электронной музыки, включая созданную с помощью ИИ, становится необычайно широкая звуковая палитра. Тысячи ставшими доступными виртуальных голосов и возможность их редактирования по многим параметрам не идут ни в какое сравнение с несколькими десятками голосов механических инструментов. И это, конечно, тоже вдохновляет музыкантов на творческие свершения.

Третье свойство электронной музыки, которое непосредственно касается программ ИИ, связано с переходом её создания на цифровую основу. Это интерактивность – взаимодействие пользователя с компьютерной программой. С одной стороны, данное свойство открыло возможности детализированного управления микроструктурой звука, а с другой – значительно облегчило операционную составляющую этих действий. В результате чего музыканты-профессионалы обогатили художественный арсенал, а любители, даже с минимальным уровнем технических навыков получили возможность создавать музыкальные композиции.

Наиболее ярко интерактивная основа управления цифровыми устройствами проявилась в таком направлении развития электронной музыки как совместное с машиной создание музыки на основе задаваемых ей предписаний и правил. Данный метод её создания с использованием первых электронно-вычислительных машин (ЭВМ) в 50-е годы прошлого века получил название «алгоритмической композиции» (соавторами метода являются Л. Хиллер, Л. Айзексон, Р. Зарипов). Создание подобных композиций основывалось на вероятностных (стохастических) схемах развёртывания музыкального материала в рамках определённых правил [3].

Развитие этого метода получило своё продолжение в 1990-е гг. на основе MIDI-технологий с применением цепи Маркова, устанавливающей в стохастическом процессе приоритетность текущего состояния при определении последующих [4].

Начиная с 2000 года программы для создания музыки на основе MIDI-технологий начинают «обучать», и с этого момента их можно причислить к программам искусственного интеллекта. В результате анализа больших объёмов музыкальных данных программа учится предсказывать последующие события (ноту, аккорд и др.) на основе предыдущих. Для чего эти события трансформируются в удобные для чтения машиной текстовые единицы – «токены».

А с 2020 года аналогичное обучение осуществляется уже на основе аудио-технологий. Т.е. вместо нотных событий в виде токенов предстают звуковые события – подробное описание крошечных, длиной 0,02 секунды фрагментов сжатого аудиофайла, которые включают особенности спектральной структуры звука, определяющие его высоту, тембр, громкость и местонахождение в виртуальном

пространстве. Генерирование музыки из таких фрагментов требует гораздо большей вычислительной мощности компьютера. Зато «виртуальные артисты» становятся неотличимыми от живых певцов или музыкантов-инструменталистов – они могут точно копировать исполнительскую манеру кого-то из них.

Но главное – они способны озвучивать музыкальные композиции, созданные машиной на основе заданных пользователем предписаний. Притом эти предписания могут быть составлены пользователем, не обладающим какими бы то ни было музыкальными знаниями и творческим опытом. Т.е. такие свойства электронной музыки как расширение художественных средств при облегчении операций с появлением программ ИИ обрели новое качество.

Как видим, появление машинных методов генерации музыки обусловлено обращением к цифровым технологиям (первым ЭВМ), и эти методы прошли длительный эволюционный путь, прежде чем стали программами ИИ по созданию музыки. Притом весь это путь осуществлялся в рамках развития электронной музыки.

Какое же место занимает деятельность по созданию музыки с помощью программ ИИ среди других видов электронного музыкального творчества?

Классифицировать эти виды деятельности можно на основе определения уровня вклада пользователя электронного инструментария в создание музыкального целого в сравнении с компьютерной программой, т.е. с помощью анализа характера возникающей в данном процессе интерактивности.

1. При обращении к программам ИИ этот вклад следует признать минимальным. Ведь для создания музыки в данном случае не надо сочинять мелодию, гармонизовать её, оформлять фактуру и инструментовку, составлять разделы композиции и выстраивать виртуальную акустику, в рамках которой осуществляется её озвучивание. Достаточно лишь в самом общем плане обозначить характер будущей композиции.

И если даже эти обозначения обретут большую конкретность, например, будут затрагивать жанр, настроение, темп, гармонический язык, состав исполнителей, длительность, пространственные особенности звучания, содержание текста (при создании песни) и другие особенности будущей композиции, то все равно они будут

выражены в виде словесного текста. Для создания композиции в данном случае не требуется производить никаких действий с музыкальным материалом, и данная задача оказывается доступной для пользователя с любым, в т.ч. нулевым опытом музыкальной деятельности.

2. Следующей по уровню вклада пользователя в создание музыкального целого и уровню сложности, соответственно, следует признать программы-конструкторы (FL Studio, ACID Pro, GarageBand и др.), музыка в которых создаётся путём повторения и наслаивания готовых фрагментов фактуры. Эти фрагменты изначально подходят для таких операций, а операции несложны. Правда, приходится мириться с заданной стилистикой (как правило, относящейся к сфере поп-культуры), что трудно скорректировать. Пользователь начинает работать с собственно музыкальным материалом, но его вклад в музыкальное целое довольно скромный, его деятельность проста, широко доступна и не требует знаний музыкальной грамоты.

3. Более сложную деятельность предполагает обращение к программам-автоаранжировщикам, в которых сопровождение мелодии создаётся на основе паттернов автоаккомпанемента (Band-in-a-Box, One Man Band, iReal Pro и др.). Таких паттернов в программе может быть несколько сотен, и они охватывают разнообразные стили музыки: народные, классические, джазовые, рок-, поп- и др. Пользователь должен сам ввести в программу мелодию, аккомпанирующие аккорды, выбрать паттерны автоаккомпанемента, места их смены и использования их вспомогательных элементов (Intro, Ending, fill in и др.), что требует от него определённых знаний и опыта в сфере музыкально-творческой деятельности. Его вклад в музыкальное целое и возможность проявить творческую индивидуальность значительно возрастают. Вместе с тем, совершаемые операции остаются несложными и доступными большинству любителей музыки, в т.ч. детям.

4. Работа с музыкальным материалом, изложенным в форматах MIDI и аудио в цифровых аудиостанциях (Digital Audio Workstation – DAW: Steinberg Cubase, PreSonus Studio One, Logic Pro и др.) предполагают для пользователя два разных уровня сложности. В формате MIDI он имеет дело с обозначениями различных параметров звука, аналогичных нотным обозначениям (высоты,

длительности, громкости и др.), а в формате аудио звук предстаёт в значительно более развёрнутом виде – как звуковая волна. В первом случае пользователь создаёт предварительную модель звучания, а во втором – фонограмму в окончательном виде, включая обработку с помощью звукорежиссерских эффектов. В обоих случаях от него требуется значительный уровень специальных знаний и опыта, но, если его работа охватывает выстраивание фонограммы в формате аудио, его вклад в музыкальное целое достигает максимально возможных значений, а получаемый результат может достигать профессионального уровня.

Приведённая классификация видов музыкально-компьютерной деятельности на основе ранжирования вклада пользователя в музыкальное целое обуславливает построение методики приобщения школьников к данной деятельности. Эта методика предполагает обращение в процессе обучения к разным программам – от более простых до более сложных для пользователя. И при этом на всех уровнях обучения детям удаётся создавать привлекательный в художественном плане продукт, что обеспечивает их интерес к обучению на всех его этапах [5].

Так, на занятиях в студии компьютерной музыки по разработанной автором статьи методике ученики начинают обучение с программ-конструкторов, затем переходят к автоаранжировщикам, далее – к секвенсерам на основе MIDI-дорожек и затем – аудио-дорожек. Тем самым они проходят путь от программ с минимальным творческим участием в формировании музыкального продукта к его полному созданию с нуля [7].

В этом перечне программы для создания музыки на основе ИИ могут играть пропедевтическую роль – с них можно начинать обучение детей по данному предмету. Кроме того, обращение к ИИ будет способствовать сокращению числа рутинных операций при работе в других музыкально-компьютерных программах, на основе которых проходит обучение детей. Всё это, несомненно, будет способствовать расширению контингента учащихся студии компьютерной музыки – ведь создавать музыку станет легче, а художественный результат будет ещё более ярким.

Речь в данном случае идёт о дополнительном образовании детей. А в чём рассматриваемые программы ИИ могут быть

полезными в общем музыкальном образовании, где и учебных часов меньше, и оснащение кабинета музыки не предполагает выделение персонального компьютера для каждого ученика? Польза в обращении к этим программам на школьных уроках музыки и внеурочных занятиях может состоять в приобщении школьников, в большинстве своём не знающих нотной грамоты, к элементам музыкально-творческой деятельности.

Так, составляя промпт для создания композиции с помощью компьютера учителя, школьники так или иначе характеризуют её содержание – образы, эмоции, предметные сферы, которые она должна отразить. Тем самым они получают представление о музыке как искусстве, которое способно в звуках выражать различные смыслы, раскрывающие внутренний мир человека, что, собственно, и является главным ориентиром в музыкальном творчестве.

Определяя при составлении промпта те или иные специфические свойства будущей композиции – жанр, стиль, композиционную структуру, гармонический язык, фактуру, инструментовку, пространственные условия звучания и пр., ученики начинают осознавать, что содержание музыки не возникает само по себе, а непосредственно связано с её формой, имеющей сложную многослойную структуру. Тем самым формируется интерес к музыкальному творчеству и закладываются его основы, что вполне может побудить кого-то из детей к более основательному погружению в данную сферу.

Кроме того, программы ИИ по созданию музыки могут быть дельными помощниками в изучении школьниками необходимых для понимания произведений данного искусства исторических и теоретических знаний. Так, программа может сгенерировать музыку, скажем, в стиле барокко, венских классиков или кого-то из конкретных композиторов этих или других эпох, тем самым давая ученикам наглядные представления о том или ином эпохальном или индивидуальном стиле; она может скорректировать композицию, меняя в ней те или иные выразительные средства – темп, инструменты для ведения мелодии или её гармонизацию, тем самым привлекая внимание учеников к особенностям использования этих средств.

Признавая прорывной характер технологий, положенных в основу программ ИИ по созданию музыки, не следует переоценивать их значение для развития музыкального искусства и образования. Ведь эти программы не являются людьми, у них нет опыта чувственного восприятия мира и опыта человеческих отношений, лежащих в основе эстетических и нравственных чувств, поэтому понятные композиторам суждения: «Нет ничего более музыкального, чем закат» (К. Дебюсси) или «Я желал бы, чтобы люди находили в моей музыке утешение и подпору» (П.И. Чайковский) никак не смогут побудить программу к художественному самосовершенствованию.

Их удел – более или менее успешное подражание имеющимся образцам музыкального творчества человека, и создаваемые ими продукты не обладают высокой художественной ценностью. Соответственно, для обеспечения этой ценности необходимо вмешательство пользователя этих программ. И чем более талантливым он окажется, тем лучше они будут работать. А наиболее вероятная перспектива применения программ ИИ в профессиональной деятельности – в качестве вспомогательного средства для композиторов, работающих в массовых и прикладных жанрах, для учителей музыки в общем и дополнительном образовании и для генерации фоновой музыки в различных бытовых ситуациях.

Второе ограничение в использовании этих программ в обучении связано с их способностью брать на себя всю музыкальную работу, оставляя пользователю лишь самые общие направляющие указания. Понятно, что, будучи отлучёнными от такой работы, ученики, не смогут приобщиться к созданию композиций или аранжировок в сколько-нибудь полном объёме. Для этого, как было сказано, им необходимо перейти к компьютерным программам, предполагающим более высокий уровень вклада пользователя в музыкальное целое (конструкторам, автоаранжировщикам, цифровым аудиостанциям), что в рамках общего музыкального образования весьма затруднительно.

И наконец, третье ограничение связано с невозможностью на основе программ ИИ, так же как и других музыкально-компьютерных программ, приобщить школьников к исполнительской деятельности. Между тем, данная деятельность в общем и дополнительном

образовании занимает ведущее положение – она предоставляет самому широкому кругу учащихся возможность непосредственно выразить свои музыкальные эмоции с помощью голоса, амбушюра, рук и передать эти эмоции слушателям.

Трёхзвенная коммуникация, включающая не только создателя музыки и слушателя, но и её исполнителя, является важнейшим историческим достижением данного вида искусства, и её редуцирование в процессе приобщения к нему, пусть даже с применением передовых технологий, может затормозить процесс музыкального развития детей. Их обязательно надо приобщать к пению и инструментальной игре, для чего в общеобразовательной школе перспективно обращение к простейшим механическим и электронным цифровым инструментам – клавишным синтезаторам [6]. Кстати, последние со временем тоже могут быть оснащены искусственным интеллектом, что сделает их ещё более эффектными в художественном плане и доступными для самого широкого круга пользователей.

Выводы

Программы ИИ для создания музыки, стремительно входящие в музыкальный быт, относятся к классу музыкально-компьютерных программ, а их продукты – к электронной музыке.

В рамках дополнительного образования эти программы могут быть использованы на занятиях в студии компьютерной музыки на пропедевтическом этапе обучения, что позволит заинтересовать учеников выразительными возможностями электронного звучания и подготовить их к работе в других компьютерных программах, предполагающих более высокий уровень вклада пользователя в музыкальное целое.

В рамках общего образования эти программы могут быть использованы в целях приобщения учеников к элементам музыкального творчества (главным образом, путём создания промптов для музыкальных композиций) и освоения ими исторических и теоретических знаний о музыке (с помощью анализа используемых программой ИИ музыкально-выразительных средств в процессе создания тех или иных композиций).

Ограничения, связанные с применением программ ИИ по созданию музыки в обучении школьников, обусловлены невысоким

художественным качеством их продуктов; преобладанием немusикальных форм творческих проявлений учеников (словесных, изобразительных и др.); недостаточным вниманием к музыкально-исполнительской деятельности учеников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л.Л. Искусственный интеллект и музыкальное образование / Л.Л. Алексеева, А.А. Михайлова, Е.Ф. Командышко // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 4 (120). С. 112–120. DOI: 10.24412/1997-0803-2024-4120-112-120. URL: <https://www.mgik.org/nauka/zhurnaly/vestnik/publikatsii-zhurnale/publikatsii-2024/4/12.%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B5%D0%B5%D0%B2%D0%B0.pdf> (дата обращения: 23.01.2026).
2. Дубровский В.В. Изучение возможностей применения искусственного интеллекта в обучении музыке / В.В. Дубровский, Я.А. Горбик // Высшее образование сегодня. 2024. № 4. С. 74–79. DOI: 10.18137/RNU.HET.24.04.P.074. URL: <https://sciup.org/izuchenie-vozmozhnostej-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta-v-obuchenii-muzyke-148329239> (дата обращения: 23.01.2026).
3. Зарипов Р.Х. Кибернетика и музыка / Р.Х. Зарипов; отв. ред. В.В. Иванов. Изд. стер. М.: URSS : Либроком, 2019. 232 с.: ил. ISBN 978-5-397-06636-5.
4. Кельберт М.Я. Вероятность и статистика в примерах и задачах. Т. 2: Марковские цепи как отправная точка теории случайных процессов: учеб. пособие / М.Я. Кельберт, Ю.М. Сухов. М.: МЦНМО, 2017. 560 с. ISBN 978-5-4439-2327-7.
5. Красильников И.М. Интерактивная музыкальная деятельность как основа развития музыкальности школьников: монография / И.М. Красильников. М.: Экон-Информ, 2015. 179 с.: ил. ISBN 978-5-9907701-2-6.
6. Красильников И.М. Развитие музыкального образования в современном мире / И.М. Красильников // Педагогика. 2010. № 10. С. 88–94.
7. Красильников И.М. Электронное музыкальное творчество в общеобразовательной школе (младшие классы): учеб.-метод. пособие / И.М. Красильников, Н.А. Глаголева. М.: Ижица, 2004. 96 с.
8. Парк Джонг. Интуиция – преимущество человека перед искусственным интеллектом / Парк Джонг // PianoФорум: ежеквартальный журнал: всё о мире фортепиано. 2019. № 3 (39). С. 69–80.
9. Ян Цзысюань. Исследование «парадокса креативности» композиторских инструментов искусственного интеллекта в преподавании музыки / Ян Цзысюань // Управление образованием: теория и практика – Education Management Review [Электронный ресурс]. 2025. Т. 15. № 5–2. С. 201–212. DOI: 10.25726/q0686-9576-5036-f. EDN: JKZRCR. URL: <https://emreview.ru/index.php/emr/article/download/2381/1884> (дата обращения: 23.01.2026).
10. Arnecke J., Eck S. O., Steuck P., Vaughan A. Integrating Generative AI in Music Education: With AI in a Musical Question-Answer Game // INFORMATIK 2024: 54. Jahrestagung der Gesellschaft für Informatik ... Wiesbaden (Germany), 24–26 Sept.

2024. (Lecture Notes in Informatics (LNI); P-352). Bonn: Gesellschaft für Informatik, 2024. Pp. 683–689. DOI: 10.18420/INF2024_54.

11. Cheng L. The impact of generative AI on school music education: Challenges and recommendations / L. Cheng // Arts Education Policy Review. 2025. Т. 126/ № 4. Pp. 255–262. DOI: 10.1080/10632913.2025.2451373. URL: <https://doi.org/10.1080/10632913.2025.2451373> (дата обращения: 23.01.2026).

12. Choi W.C. Suno AI: Opportunities and Challenges of AI-Generated Music and Lyrics in Secondary Music Education [Электронный ресурс] / W.C. Choi, C.I. Chang, H.F. Choi // TechRxiv. 2025. Sep. DOI: 10.36227/techrxiv.175756648.80424738/v1. URL: https://www.researchgate.net/publication/395390379_Suno_AI_Opportunities_and_Challenges_of_AI-Generated_Music_and_Lyrics_in_Secondary_Music_Education (дата обращения: 23.01.2026).

13. O’Leary E. Considering the possibilities and problems of AI in music education: The need for critical literacies / E. O’Leary // Action, Criticism, and Theory for Music Education. 2025. Vol. 24. № 3. P. 138–164. DOI: 10.22176/act24.3.138. URL: https://act.maydaygroup.org/articles/OLeary24_3.pdf (accessed: 23.01.2026).

14. Shaw B.P. Artificial intelligence and assessment: Three implications for music educators / B.P. Shaw // Music Educators Journal. 2024. Vol. 111. № 2. Pp. 19–25. DOI: 10.1177/00274321241296118. URL: <https://doi.org/10.1177/00274321241296118> (accessed: 23.01.2026).

15. Sheehan S.R. Guiding Principles, Frameworks, and Applications for AI in Music Education [Electronic resource] / S.R. Sheehan, W.I. Bauer, C. Bernard [et al.]. Herndon, VA : National Association for Music Education (NAfME). 2025. 33 p. Published July 29, 2025. URL: <https://nafme.org/wp-content/uploads/2025/07/NAfME-AI-Guiding-Principles.pdf> (accessed: 23.01.2026).

16. Väkevä L. Generative AI as a Collaborator in Music Education: An Action-Network Theoretical Approach to Fostering Musical Creativities / L. Väkevä, H. Partti // Action, Criticism, and Theory for Music Education. 2025. Vol. 24. № 3. Pp. 16–52. DOI: 10.22176/act24.3.16. URL: <https://act.maydaygroup.org/generative-ai-as-a-collaborator-in-music-education-an-action-network-theoretical-approach-to-fostering-musical-creativities/> (accessed: 23.01.2026).

REFERENCES

1. Alekseeva L.L. Iskusstvennyj intellekt i muzykal'noe obrazovanie / L.L. Alekseeva, A.A. Mikhajlova, E.F. Komandyshko // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2024. № 4 (120). Pp. 112–120. DOI: 10.24412/1997-0803-2024-4120-112-120. URL: <https://www.mgik.org/nauka/zhurnaly/vestnik/publikatsii-zhurnale/publikatsii-2024/4/12.%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B5%D0%B5%D0%B2%D0%B0.pdf> (data obrashcheniya: 23.01.2026).

2. Dubrovskij V.V. Izuchenie vozmozhnostej primeneniya iskusstvennogo intellekta v obuchenii muzyke / V.V. Dubrovskij, YA.A. Gorbik // Vyshee obrazovanie segodnya. 2024. № 4. Pp. 74–79. DOI: 10.18137/RNU.HET.24.04.P.074. URL: <https://sciup.org/izuchenie-vozmozhnostej-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta-v-obuchenii-muzyke-148329239> (data obrashcheniya: 23.01.2026).

3. Zaripov R.KH. Kibernetika i muzyka / R.KH. Zaripov; otv. red. V.V. Ivanov. Izd. ster. M.: URSS : Librokom, 2019. 232 p.: il. ISBN 978-5-397-06636-5.

4. Kel'bert M.YA. Veroyatnost' i statistika v primerakh i zadachakh. T. 2: Markovskie cepi kak otravnaya tochka teorii sluchajnykh processov: ucheb. posobie / M.YA. Kel'bert, YU.M. Sukhov. M. : MCNMO, 2017. 560 p. ISBN 978-5-4439-2327-7.
5. Krasil'nikov I.M. Interaktivnaya muzykal'naya deyatel'nost' kak osnova razvitiya muzykal'nosti shkol'nikov: monografiya / I.M. Krasil'nikov. M.: Ehkon-Inform, 2015. 179 p.: il. ISBN 978-5-9907701-2-6.
6. Krasil'nikov I.M. Razvitie muzykal'nogo obrazovaniya v sovremennom mire / I.M. Krasil'nikov // Pedagogika. 2010. № 10. Pp. 88–94.
7. Krasil'nikov I.M. Ehlektronnoe muzykal'noe tvorchestvo v obshcheobrazovatel'noj shkole (mladshie klassy): ucheb.-metod. posobie / I.M. Krasil'nikov, N.A. Glagoleva. M.: Izhica, 2004. 96 p.
8. Park Dzhong. Intuiciya – preimushchestvo cheloveka pered iskusstvennym intellektom / Park Dzhong // PianoForum: ezhekvartal'nyj zhurnal: vsyo o mire fortepiano. 2019. № 3 (39). Pp. 69–80.
9. Yan Czysyuan'. Issledovanie «paradoksa kreativnosti» kompozitorskikh instrumentov iskusstvennogo intellekta v prepodavanii muzyki / Yan Czysyuan' // Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika – Education Management Review [Ehlektronnyj resurs]. 2025. T. 15. № 5-2. Pp. 201–212. DOI: 10.25726/q0686-9576-5036-f. EDN: JKZRRCR. URL: <https://emreview.ru/index.php/emr/article/download/2381/1884> (data obrashcheniya: 23.01.2026).
10. Arnecke J., Eck S.O., Steuck P., Vaughan A. Integrating Generative AI in Music Education: With AI in a Musical Question-Answer Game // INFORMATIK 2024: 54. Jahrestagung der Gesellschaft für Informatik ... Wiesbaden (Germany), 24–26 Sept. 2024. (Lecture Notes in Informatics (LNI); P-352). Bonn: Gesellschaft für Informatik, 2024. Pp. 683–689. DOI: 10.18420/INF2024_54.
11. Cheng L. The impact of generative AI on school music education: Challenges and recommendations / L. Cheng // Arts Education Policy Review. 2025. T. 126/ № 4. Pp. 255–262. DOI: 10.1080/10632913.2025.2451373. URL: <https://doi.org/10.1080/10632913.2025.2451373> (data obrashcheniya: 23.01.2026).
12. Choi W.C. Suno AI: Opportunities and Challenges of AI-Generated Music and Lyrics in Secondary Music Education [Ehlektronnyj resurs] / W.C. Choi, C.I. Chang, H.F. Choi // TechRxiv. 2025. Sep. DOI: 10.36227/techrxiv.175756648.80424738/v1. URL: https://www.researchgate.net/publication/395390379_Suno_AI_Opportunities_and_Challenges_of_AI-Generated_Music_and_Lyrics_in_Secondary_Music_Education (data obrashcheniya: 23.01.2026).
13. O'Leary E. Considering the possibilities and problems of AI in music education: The need for critical literacies / E. O'Leary // Action, Criticism, and Theory for Music Education. 2025. Vol. 24. № 3. Pp. 138–164. DOI: 10.22176/act24.3.138. URL: https://act.maydaygroup.org/articles/OLeary24_3.pdf (accessed: 23.01.2026).
14. Shaw B.P. Artificial intelligence and assessment: Three implications for music educators / B.P. Shaw // Music Educators Journal. 2024. Vol. 111. № 2. Pp. 19–25. DOI: 10.1177/00274321241296118. URL: <https://doi.org/10.1177/00274321241296118> (accessed: 23.01.2026).
15. Sheehan S.R. Guiding Principles, Frameworks, and Applications for AI in Music Education [Electronic resource] / S.R. Sheehan, W.I. Bauer, C. Bernard [et al.]. Herndon, VA : National Association for Music Education (NAfME). 2025. 33 p. Published July 29, 2025. URL: <https://nafme.org/wp-content/uploads/2025/07/NAfME-AI-Guiding-Principles.pdf> (accessed: 23.01.2026).

16. Väkevä L. Generative AI as a Collaborator in Music Education: An Action-Network Theoretical Approach to Fostering Musical Creativities / L. Väkevä, H. Partti // Action, Criticism, and Theory for Music Education. 2025. Vol. 24. № 3. Pp. 16–52. DOI: 10.22176/act24.3.16. URL: <https://act.maydaygroup.org/generative-ai-as-a-collaborator-in-music-education-an-action-network-theoretical-approach-to-fostering-musical-creativities/> (accessed: 23.01.2026).

КОРЕПИНА

Софья Витальевна,

аспирант департамента музыкального искусства Института культуры и искусств ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»

Sofia Vitalievna

KOREPINA,

Postgraduate student of the Department of Musical Art at the Institute of Culture and Arts of the Moscow City Pedagogical University

ГРИБКОВА

Ольга Владимировна,

доктор педагогических наук, профессор департамента музыкального искусства Института культуры и искусств ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
e-mail: Groli@mail.ru

Olga Vladimirovna

GRIBKOVA,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Musical Art, Institute of Culture and Arts, Moscow City Pedagogical University,
e-mail: Groli@mail.ru

**Механизмы самоконтроля артистов хора
в процессе исполнения и педагогические способы
их формирования**

Статья посвящена анализу механизмов самоконтроля артистов хора в процессе исполнения как основы устойчивости ансамблевого результата в условиях хорового звучания и сценической нагрузки. Самоконтроль рассматривается как система взаимосвязанных регулятивных механизмов, действующих в реальном времени: слуховой контроль, дыхательно-мышечный контроль, внимание и переключение, предвосхищение, эмоционально-волевая регуляция. Показано, что сбой одного механизма вызывает цепочку нарушений, поэтому педагогическая работа должна быть направлена на целенаправленное формирование каждого контура через специальные репетиционные режимы. Отмечается недостаточная разработанность воспроизводимых педагогических протоколов, связывающих механизмы самоконтроля с наблюдаемыми индикаторами в момент исполнения.

Ключевые слова: самоконтроль артиста хора, механизмы самоконтроля, слуховой контроль, тембровый ансамбль, певческое дыхание, опора, внимание и переключение, дирижёрский жест, антиципация, эмоционально-волевая регуляция, сценическая устойчивость, репетиционно-концертная практика.

The mechanisms of self-control of choir artists in the process of performance and pedagogical methods of their formation

The article is devoted to the analysis of the mechanisms of self-control of choir artists during the performance process as the basis for the stability of the ensemble result in the conditions of choral sound and stage load. Self-control is considered as a system of interconnected regulatory mechanisms operating in real time: auditory control, respiratory-muscular control, attention and switching, anticipation, emotional-volitional regulation. It has been shown that the failure of one mechanism causes a chain of disturbances, therefore pedagogical work should be aimed at the targeted formation of each circuit through special rehearsal modes. There is a lack of development of reproducible pedagogical protocols that link self-control mechanisms with observable indicators at the time of execution.

Keywords: self-control of the choir artist; self-control mechanisms; auditory control; timbre ensemble; singing breathing; support; attention and switching; conducting gesture; anticipation; error and correction; emotional-volitional regulation; stage stability; rehearsal and concert practice.

Исполнительская деятельность хора относится к числу видов музыкальной деятельности, где качество результата определяется не столько «общим уровнем подготовки», сколько способностью каждого артиста удерживать управление исполнением в реальном времени. В момент звучания хорист находится в двойной системе координат: с одной стороны, он должен воспроизводить собственную партию (интонационно, ритмически, артикуляционно, темброво), с другой – постоянно соотносить своё пение с общим звуком хора и дирижёрским управлением. Любое отклонение – интонационная неточность, сбой дыхания, потеря внимания, чрезмерное напряжение или эмоциональный всплеск – мгновенно становится фактором, нарушающим ансамбль, а в условиях публичности такие нарушения часто усиливаются. Отсюда следует, что самоконтроль артиста хора в процессе исполнения нельзя сводить к «самопроверке» или «хорошему слуху»: он представляет собой систему механизмов, обеспечивающих устойчивость исполнительского действия и возможность быстрой коррекции без выпадения из общего звучания.

В музыкально-исполнительской педагогике самоконтроль рассматривается как регулятивный процесс, основанный на внутренней обратной связи и сопоставлении текущего результата

с эталоном (идеальным образцом звучания и действия). В таком понимании принципиальна не декларация «нужно слушать», а наличие у исполнителя рабочей схемы контроля: формирование эталона, непрерывное слияние с ним и оперативная коррекция. Вокально-педагогические исследования дополнительно подчёркивают, что эффективный самоконтроль опирается на несколько каналов контроля – слуховой, мышечно-дыхательный, вибрационный, эмоциональный, и формируется целенаправленно в процессе обучения, а не возникает автоматически по мере роста мастерства. В хоровой практике эти положения приобретают особую остроту: исполнитель вынужден контролировать себя в условиях плотного фонового звучания, где слышимость собственного голоса и точность самооценки объективно ограничены.

Актуальность рассмотрения механизмов самоконтроля именно в момент исполнения обусловлена тем, что на сцене и в прогоне меняется режим управления: прекращается возможность остановки и подробного исправления, возрастает цена ошибки и одновременно сокращается время на её коррекцию. Кроме того, исполнительское напряжение и сценическое волнение способны провоцировать типичные «срывы» – форсирование звука, зажимы, потерю дыхательной опоры, ухудшение дикции, снижение точности интонации и ритма. Следовательно, педагогическая работа должна быть направлена не только на освоение вокально-технических навыков как таковых, но и на формирование механизмов, позволяющих сохранять управляемость при усложнении условий исполнения.

В контексте настоящей статьи самоконтроль артиста хора рассматривается как совокупность взаимосвязанных механизмов, обеспечивающих устойчивое выполнение исполнительской задачи в условиях репетиционно-концертного звучания. К ключевым механизмам относятся: слуховой контроль (интонация, ансамбль, тембр и баланс), дыхательно-мышечный контроль (опора, снятие зажимов, экономия голосового усилия), внимание и переключение (дирижёр – партия – общий звук), предвосхищение (планирование трудных мест «на такт вперёд»), контур «ошибка – коррекция» (быстрая правка без выпадения из ансамбля), эмоционально-волевая регуляция (устойчивость при волнении и нагрузке). Важно подчеркнуть, что перечисленные механизмы не существуют

изолированно: например, сбой дыхательного контроля почти всегда тянет за собой изменения тембра и интонации, а потеря внимания повышает вероятность ошибки и ухудшает скорость коррекции.

Перейдём к первому и базовому механизму, который «держит» остальные контуры самоконтроля в хоре, – слуховому контролю. В отличие от сольного пения, где исполнитель слышит себя относительно ясно, в хоровом звучании певец оказывается внутри плотного акустического поля: собственный голос частично «маскируется», а обратная связь по интонации, силе и тембру становится нестабильной. Именно поэтому в хоре часто возникают произвольные изменения силы и тембра голоса: акустическая среда провоцирует усиление звучания (вплоть до форсирования) и может вести к искажению тембровых качеств, а также к нивелированию тембров внутри партии как «автоматическому» эффекту ансамблирования. Эти явления прямо связываются с функциональной взаимосвязью слуха и голоса и с условиями слухового самоконтроля поющих; отдельно подчёркивается роль интенсивности звукового поля в хоре как факторов, меняющих характер голосообразования [6].

Акустические и психофизиологические закономерности хорового пения уточняют эту картину: в хоровом исполнении действительно легче формируются качества, «облегчающие ансамблирование» (ровность, мягкость, единообразие звучания), однако развитие силы голоса, звонкости и индивидуальности тембра требует специальных хоровых педагогических приёмов, то есть не происходит само собой [10]. Это важно для понимания слухового контроля: его задача в хоре – не только «попасть в ноты», но и удерживать баланс между ансамблевой слитностью и сохранением управляемой тембровой/динамической организации голоса.

В исследованиях тембрового ансамбля акцентируется, что естественное единообразие хорового тембра достигается не давлением на «одинаковость», а через коррекцию элементов вокальной техники, совмещённую с воспитанием у певца хора слухового контроля; при этом тембр рассматривается как результат тонкой настройки элементов звучания (в том числе обертоновой составляющей, характера вибрато, атаки звука, дыхания, особенно цепного) [8]. Следовательно, слуховой контроль в процессе

исполнения должен быть описан как рабочий механизм, включающий: постоянное соотнесение своей партии с общим строем и вертикалью гармонии; контроль тембровой «вписанности» в партию; контроль динамического баланса; оперативную корректировку при первых признаках ограниченной слышимости собственного голоса (когда певец начинает «добавлять громкость», теряя тембр и точность интонации). Из этого прямо вытекают и педагогические способы формирования: организация акустических условий для слышимости (расстановка, «точки слушания»), специальные задания на переключение слухового фокуса (себя – партию – общий звук), а также работа над тембром и динамикой не как «эстетическим требованием», а как способом стабилизировать обратную связь и предотвратить произвольные изменения звучания в коллективном поле.

Логика слухового контроля естественно выводит нас на следующий механизм: если в хоре ухудшается слышимость себя и растёт риск произвольного изменения силы/тембра, исполнитель часто пытается «компенсировать» это не слухом (который в данный момент ограничен акустически), а телом – за счёт усиления давления выдоха, закрепощения гортани, избыточного мышечного напряжения. На практике это выглядит так: певец «добавляет», чтобы себя услышать, и именно в этот момент рушатся тембр, гибкость и точность интонации. Поэтому во время исполнения критически важен дыхательно-мышечный контроль как второй контур самоконтроля, который стабилизирует звук и предотвращает форсирование.

В отечественной хоровой традиции дыхание рассматривается не как частный технический приём, а как основа кантилены, певучести и ровности звучания хора. В статье Л.А. Сабитовой и Л.Р. Фаттаховой подчёркивается, что дыхательный процесс у поющих требует усиленной работы мышечного комплекса; при этом выделяется характерная для певцов «горизонтальная» организация ощущений на выдохе, создающая впечатление опоры звука, а также рассматривается цепное дыхание как специфический для коллективного исполнительства способ поддержания непрерывной звуковой линии [9]. Это принципиально для нашей темы: дыхательно-мышечный контроль артиста хора – это не просто «правильно вдохнуть», а умение удерживать ровный управляемый выдох,

распределять дыхание под музыкальную фразу и сохранять свободу голосового аппарата так, чтобы звук оставался устойчивым и не деформировался под нагрузкой ансамбля и сцены.

Педагогически этот механизм особенно удобно формировать через систему распевания, потому что распевка – это «лаборатория» голосообразования с контролируемыми условиями. В анализе системы распевания Н.М. Данилина подчёркивается её принцип постепенного усложнения задач и направленность на формирование базовых вокально-хоровых навыков; отдельно фиксируются такие «узлы» контроля, как унисон, цепное дыхание, динамический диапазон, выравнивание гласных и стабилизация положения гортани [11]. Для статьи это даёт методически сильный ход: дыхательно-мышечный контроль формируется не абстрактными указаниями «на опоре», а через последовательность упражнений, где опора и свобода (отсутствие зажимов) выступают условием выполнения задания (унисон на мягкой атаке, филирование звука и т.п.).

Наконец, более «вокально-методический» ракурс уточняет, какие именно телесные параметры становятся объектом контроля и где возникают типичные сбои. С.В. Шенгелия и В.А. Моисеева прямо связывают качество звукообразования с организацией певческого дыхания и подчёркивают необходимость с первых занятий добиваться естественности звука и снятия лишнего напряжения, особенно в области челюсти и гортани; в качестве условий устойчивого звучания они называют свободное положение гортани и ротовой полости, мягкую атаку, а также «постановку голоса на дыхание» как фундамент вокального процесса [13]. Для хорового исполнителя это означает: дыхательно-мышечный самоконтроль должен включать быстрые внутренние «сигналы» о сбое (зажим/жёсткая атака/потеря опоры/перерасход воздуха) и столь же быстрые способы коррекции *на ходу*, не ломая ансамбль.

Таким образом, дыхательно-мышечный контроль в процессе исполнения можно описать как механизм стабилизации звучания, который: удерживает ровность и экономичность выдоха; предотвращает мышечные зажимы, ведущие к форсированию и тембровой деформации; обеспечивает непрерывность фразы и ансамблевую устойчивость (в том числе через цепное дыхание); выступает опорой

для последующих механизмов – внимания, переключения и быстрой коррекции ошибок.

Стабилизация дыхательно-мышечного контура (опора, свобода, снятие зажимов) решает только половину задачи: можно петь технически «правильно» и всё равно разрушать ансамбль, если исполнитель теряет управляемость внимания. В хоре во время исполнения артист постоянно работает в режиме многоканального контроля: он должен удерживать собственную партию, одновременно считывать дирижёрские сигналы и сопоставлять своё звучание с общим хоровым результатом. Поэтому следующий механизм самоконтроля логично выделить как внимание и переключение (дирижёр – партия – общий звук).

Психолого-педагогический ракурс подчёркивает, что эффективность взаимодействия дирижёра с коллективом зависит не только от техники, но и от психологических характеристик управленческого и коммуникативного воздействия; у дирижёра формируется индивидуальный стиль руководства, который связан с его личностными качествами и влияет на способы решения художественно-творческих задач в хоре [3]. Для артиста хора это означает практическую вещь: дирижёрский жест – не «фон», а внешний регулятор, который требует постоянного внимания и готовности к переключению (темп, дыхание, нюанс, атака, снятие, артикуляция).

В педагогическом плане это значит следующее: внимание и переключение надо формировать как операциональный навык самоконтроля, а не как общую рекомендацию «быть внимательным». Тренируется он через задания, где исполнитель сознательно меняет фокус контроля, причём в условиях, максимально приближенных к концертным, когда остановка невозможна и переключение должно происходить мгновенно. Иначе даже при хорошей вокальной базе самоконтроль в исполнении остаётся «разорванным»: дыхание и слух работают, но управление вниманием не обеспечивает включение этих каналов в нужный момент.

Управление вниманием и его переключение между дирижёрским жестом, собственной партией и общим звучанием создаёт необходимую «оперативную рамку» самоконтроля, однако в реальном исполнении этого недостаточно: хористу важно не только реагировать на происходящее, но и опережать его. Именно поэтому следующий

механизм самоконтроля в процессе исполнения целесообразно описывать через предвосхищение (антиципацию) – способность заранее прогнозировать ближайшие исполнительские события и готовить к ним своё действие.

В исследованиях, посвящённых антиципации в художественно-творческой деятельности музыканта (на материале концертмейстерской работы), антиципация рассматривается как устойчивый механизм, обеспечивающий опережающее планирование и готовность к изменениям в ходе исполнения: исполнитель не просто следует за текущим звучанием, а заранее формирует вероятностный прогноз ближайших событий и подготавливает моторно-слуховую и эмоциональную программу действия [5]. Для артиста хора это означает практическую форму: «на такт вперёд» он должен подготовить дыхание, артикуляцию, нужную тембровую позицию, внутренний слуховой ориентир (гармоническую опору/ интонационный «якорь»), а также ожидание дирижёрского сигнала на вход, нюанс или снятие. В таком понимании предвосхищение становится не абстрактной «подготовленностью», а конкретным исполнительским умением, которое педагог может формировать через разметку «опасных мест», тренировку опережающего внутреннего слуха и задания на подготовку исполнительского действия до наступления трудного фрагмента.

Предвосхищение снижает вероятность сбоев, но в живом хоровом исполнении ошибки полностью не устранимы: плотность звучания, ограниченная слышимость собственной партии и эмоциональная нагрузка создают условия, при которых отклонения могут возникать даже у подготовленного исполнителя. Поэтому следующий механизм самоконтроля следует описывать как контур «ошибка – коррекция», то есть способность быстро обнаружить сбой и исправить его без выпадения из ансамбля.

В хоровом звучании ошибка опасна не только сама по себе, но и тем, что запускает цепочку произвольных реакций: при снижении уверенности в собственной слышимости певец нередко начинает компенсировать её усилением голоса, изменением тембра и характером атаки, что может привести к форсированию и дальнейшему разрушению ансамбля. В диссертационном исследовании, посвящённом произвольным изменениям силы и тембра голоса

в хоре, подчёркивается, что интенсивность общего звукового поля влияет на условия слухового самоконтроля, провоцируя изменения параметров звучания и, как следствие, нарушения тембрового и динамического равновесия [6]. Отсюда вытекает ключевое требование к механизму коррекции: исправление должно происходить не через «добавление громкости» и не через резкое внешнее усилие, а через быстрый выбор более надёжного канала правки (например, возвращение к дыхательной опоре, выравнивание гласной, уточнение интонационного ориентира) и мгновенное восстановление ансамблевой «вписанности». Таким образом, самоконтроль в хоре включает не только предотвращение ошибок, но и отработанную способность к мягкой оперативной коррекции, позволяющей сохранить общий строй и тембровую целостность даже при локальном сбое.

Контур «ошибка – коррекция» в хоровом исполнении тесно связан с тем, в каком психоэмоциональном состоянии находится исполнитель: одна и та же ситуация (неуверенный вход, микросбой интонации) у устойчивого артиста приводит к быстрой мягкой правке, а при повышенном напряжении – к цепочке дестабилизирующих реакций (форсирование, зажимы, «провал» внимания, выпадение из ансамбля). Поэтому завершающий механизм самоконтроля в процессе исполнения – эмоционально-волевая регуляция, то есть способность сохранять управляемость поведения и качества звучания в условиях волнения и сценической нагрузки.

Исследования, посвящённые влиянию хорового пения на психоэмоциональное состояние, показывают, что сама хоровая деятельность обладает выраженным регулятивным потенциалом: участие в коллективном пении связано с изменением эмоционального состояния, снижением напряжения и формированием ощущения психологической устойчивости за счёт совместного действия, дыхательной синхронизации и переживания групповой общности [2]. Для педагогики это важно двояко. Во-первых, эмоционально-волевая регуляция в хоре не сводится к «борьбе с волнением»: она может быть встроена в саму репетиционно-концертную практику через коллективные регуляторы (общий ритм дыхания, единая исполнительская установка, опора на дирижёрский жест). Во-вторых, именно этот механизм поддерживает остальные контуры

самоконтроля: при снижении внутреннего напряжения стабилизируется дыхательно-мышечный контроль, улучшается точность слуховой коррекции, повышается способность удерживать внимание и быстро восстанавливаться после ошибок. Следовательно, методы формирования самоконтроля артистов хора должны включать не только технические и слуховые задания, но и педагогически организованные способы поддержания устойчивости – моделирование концертной ситуации, формирование «исполнительской готовности», освоение приёмов саморегуляции, обеспечивающих сохранение качества исполнения в условиях публичности.

Таким образом, самоконтроль артиста хора в процессе исполнения следует понимать не как частное качество («хороший слух» или «самопроверка»), а как систему взаимосвязанных механизмов, работающих в режиме реального времени и обеспечивающих устойчивость ансамблевого результата. Показано, что в условиях хорового звучания самоконтроль осложняется плотностью фонового поля, поэтому слуховой контроль включает не только интонационную точность, но и удержание тембровой и динамической «вписанности» в партию. Дыхательно-мышечный контроль выступает опорным контуром, стабилизирующим звучание и предотвращающим форсирование за счёт управляемого выдоха, свободы голосового аппарата и снятия зажимов. Механизм внимания и переключения обеспечивает оперативное управление между тремя источниками информации – дирижёрским жестом, собственной партией и общим звуком, – без чего даже качественная техника не гарантирует ансамбля. Предвосхищение (антиципация) переводит исполнение из режима реакции в режим опережающего управления: подготовка дыхания, артикуляции и слуховых ориентиров «на такт вперёд» снижает вероятность сбоев в трудных местах. Контур «ошибка – коррекция» задаёт профессионально важный алгоритм мягкой правки без выпадения из звучания и без разрушительных компенсаторных реакций (усиление громкости, тембровая деформация). Наконец, эмоционально-волевая регуляция является системообразующей: именно она поддерживает работоспособность всех контуров самоконтроля в условиях сценической нагрузки, влияя на устойчивость дыхания, точность слуховой коррекции, качество внимания и скорость восстановления после ошибки.

Таким образом, педагогическая работа по развитию самоконтроля должна строиться не как набор общих требований («слушать», «быть собранным», «держаться опоры»), а как целенаправленное формирование каждого механизма через специальные задания и режимы репетиционной практики (организация условий слышимости, распевки как тренажёр опоры и свободы, упражнения на переключение фокуса, разметка трудных мест и опережающая подготовка, прогоны без остановок, технологии поддержания устойчивости). Перспективной задачей дальнейшей разработки выступает перевод описанных механизмов в чёткие диагностируемые критерии и протоколы педагогического воздействия, позволяющие фиксировать динамику самоконтроля артиста хора на этапе репетиции и в условиях публичного исполнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грибкова О.В. Особенности развития вокальной выразительности у начинающего певца / О.В. Грибкова, С.М. Казначеев, Д. Ван // Bulletin of the International Centre of Art and Education. 2022. № 4. С. 346–357. EDN XFGVJO.
2. Григорьев И.В. Влияние хорового пения на психоэмоциональное состояние певцов / И.В. Григорьев, А.Л. Церковский, В.В. Лапковский // Вестник Российского университета дружбы народов. 2015. № 4. С. 41–50. (Серия: Психология и педагогика).
3. Добровольская В.Л. Психологические особенности профессиональной деятельности хорового дирижёра / В.Л. Добровольская // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2021. Т. 224. С. 62–69.
4. Зайцева М.Л. Homo synaesthesia: особенности эстетического восприятия и художественного мышления / М. Л. Зайцева // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17, № 2. – С. 1022-1027. – EDN PDATLL.
5. Коробова О.Я. Антиципация в структуре художественно-творческой деятельности концертмейстера: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.09 / О.Я. Коробова. Саратов, 2011. 175 с.
6. Лукишко А.И. Непроизвольные изменения силы и тембра голоса в хоре (к проблеме влияния хоровой звучности на качество певческого голосообразования): дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02 / А.И. Лукишко. Л., 1984. 203 с.
7. Попов А.С. О формировании полихудожественной компетентности студентов-исполнителей музыкальных вузов (на примере изучения произведений эпохи барокко) / А. С. Попов, И. А. Корсакова // Вестник МГИМ имени А.Г. Шнитке. – 2025. – № 4(36). – С. 161-177. – EDN HZVLVU.
8. Сабитова Л.А. Ансамбль хоровых тембров: взаимосвязь с вокальной оснащённостью голосов / Л.А. Сабитова, Л.Р. Фаттахова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 68. С. 94–99.

9. Сабитова Л.А. Отечественные традиции хорового исполнительства: певческое дыхание / Л.А. Сабитова, Л.Р. Фаттахова // Вестник Саратовской консерватории. Вопросы искусствознания. 2024. №. 1. С. 84–90.
10. Сафонова В.И. Акустические и психофизиологические закономерности хорового пения и их влияние на методику вокально-хоровой работы / В.И. Сафонова // Музыкальное искусство и образование. 2015. №. 1 (9). С. 100–110.
11. Стулова Г.П. Система распевания хора Н.М. Данилиным с позиций современных биоакустических исследований / Г.П. Стулова // Музыкальное искусство и образование. 2024. Т. 12. №. 1. С. 121–131.
12. Уколова Л.И. Особенности развития певческой культуры у детей младшего школьного возраста / Л. И. Уколова, Б. Хань, И. В. Кудринская // Искусство и образование. – 2021. – № 5(133). – С. 108-113. – EDN JBVTZH.
13. Шенгелия С.В. Работа над дыханием и звукообразованием с начинающими певцами / С.В. Шенгелия, В.А. Моисеева // Известия Юго-Западного государственного университета. 2023. Т. 13. № 1. С. 149–155. (Серия: Лингвистика и педагогика).
14. Specific features of value orientations among the student youth in the context of digital transformation of the education system / R.S. Khammatova, O.V. Gribkova, M.M. Tkhuго [et al.] // World Journal on Educational Technology. 2021. Vol. 13. № 2. Pp. 297–306. DOI 10.18844/wjet.v13i2.5714. EDN FUXVZU.

REFERENCES

1. Gribkova O.V. Osobennosti razvitiya vokal'noj vyrazitel'nosti u nachinayushchego pevca / O.V. Gribkova, S.M. Kaznacheev, D. Van // Bulletin of the International Centre of Art and Education. 2022. № 4. Pp. 346–357. EDN XFGVJO.
2. Grigor'ev I.V. Vliyanie khorovogo peniya na psikhoehmotsional'noe sostoyanie pevsov / I.V. Grigor'ev, A.L. Cerkovskij, V.V. Lapkovskij // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. 2015. №. 4. Pp. 41–50. (Seriya: Psikhologiya i pedagogika).
3. Dobovol'skaya V.L. Psikhologicheskie osobennosti professional'noj deyatel'nosti khorovogo dirizhyora / V.L. Dobovol'skaya // Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. 2021. Т. 224. Pp. 62–69.
4. Zajceva M.L. Homo synaesthesia: osobennosti esteticheskogo vospriyatiya i hudozhestvennogo myshleniya / M. L. Zajceva // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2012. Т. 17, № 2. Pp. 1022-1027. – EDN PDATLL.
5. Korobova O.YA. Anticipaciya v strukture khudozhestvenno-tvorcheskoj deyatel'nosti koncertmejstera: dis. ... kand. iskusstvovedeniya: 17.00.09 / O.YA. Korobova. Saratov, 2011. 175 p.
6. Lukishko A.I. Neproizvol'nye izmeneniya sily i tembra golosa v khore (k probleme vliyaniya khorovoj zvuchnosti na kachestvo pevcheskogo golosobrazovaniya): dis. ... kand. iskusstvovedeniya: 17.00.02 / A.I. Lukishko. L., 1984. 203 p.
7. Popov A.S. O formirovanii polihudozhestvennoj kompetentnosti studentov-ispolnitelej muzykal'nyh vuzov (na primere izucheniya proizvedenij epohi barokko) / A. S. Popov, I. A. Korsakova // Vestnik MGIM imeni A.G. Shnitke. – 2025. – № 4(36). – Pp. 161-177. – EDN HZVLVU.

8. Sabitova L.A. Ansabl' khorovykh tembrov: vzaimosvyaz' s vokal'noj osnashchyonnost'yu golosov / L.A. Sabitova, L.R. Fattakhova // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2024. № 68. Pp. 94–99.
9. Sabitova L.A. Otechestvennye tradicii khorovogo ispolnitel'stva: pevcheskoe dykhanie / L.A. Sabitova, L.R. Fattakhova // Vestnik Saratovskoj konservatorii. Voprosy iskusstvoznaniya. 2024. №. 1. Pp. 84–90.
10. Safonova V.I. Akusticheskie i psikhofiziologicheskie zakonomernosti khorovogo peniya i ikh vliyanie na metodiku vokal'no-khorovoj raboty / V.I. Safonova // Muzykal'noe iskusstvo i obrazovanie. 2015. №. 1 (9). Pp. 100–110.
11. Stulova G.P. Sistema raspevaniya khora N.M. Danilinym s pozicij sovremennykh bioakusticheskikh issledovanij / G.P. Stulova // Muzykal'noe iskusstvo i obrazovanie. 2024. T. 12. №. 1. Pp. 121–131.
12. Ukolova L.I. Osobennosti razvitiya pevcheskoj kul'tury u detej mladshego shkol'nogo vozrasta / L. I. Ukolova, B. Han', I. V. Kudrinskaya // Iskusstvo i obrazovanie. – 2021. – № 5(133). – Pp. 108-113. – EDN JBVTZH.
13. Shengeliya S.V. Rabota nad dykhaniem i zvukoobrazovaniem s nachinayushchimi pevtsami / S.V. Shengeliya, V.A. Moiseeva // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. T. 13. № 1. Pp. 149–155. (Seriya: Lingvistika i pedagogika).
14. Specific features of value orientations among the student youth in the context of digital transformation of the education system / R.S. Khammatova, O.V. Gribkova, M.M. Tkhugo [et al.] // World Journal on Educational Technology. 2021. Vol. 13. № 2. Pp. 297–306. DOI 10.18844/wjet.v13i2.5714. EDN FUXVZU.